

ИЗ ДНЕВНИКОВ
БОСОНОГОГО

DOBRomood

МАША

Жизнь Ма'Айя заиграла новыми красками. После того, как он увидел то, что не должен его приняли в таинственную Службу Решения дел и серость будней раскрасили интригующие расследования и магические бабочки. К тому же попав на обучение к загадочной эльфийке, Ма'Ай приблизился к заветной мечте — овладеть магией. Но вскоре становится понятно, что он вовсе не маг, а для начала ему следует просто выжить...

Глава первая. Суеверная

"ЕСЛИ ПРИПOMНить мOи юные гOды, тO они были суццим кOшмарOм. мЕНЯ хВАТЫВАЛ, тАК OБ из OБИЛИЕ чувств, при пOдOм неумении с ними OБРАЩАТЬся" из ДНЕВНИК OБ бOСНИГOГO МАГА.

Никто не мог предсказать, тот день, когда Ма'Айю было суждено встретить любовь всей его жизни. Именно ту, первую любовь, над которой обычно принято смеяться, обесценивая ее глупостью юности. Но если это не мимолетная вспышка страсти, такая любовь становится последней любовью, вечной любовью. И все испытания, которые предстоит вынести на этом пути, лишь больше скрепляют мужчину и женщину, обещая стать либо самым счастливым, либо самым горьким уделом в их жизни. Именно в этот день, он отчаянно тосковал по дому, где воздух прогрет источающими жар и аромат камнями, наполнен запахами сухих трав с легким амбре высушенных на солнце костей предков, насыщенный горько-сладким ароматом.

Здесь пахло по-другому. За'Ар была в восторге и называла это освежающим морским бризом. Откуда она вообще взяла это слово? Он втянул воздух ноздрями и поморщился, запах соли с благоуханием гнили водорослей. И почему За'Ар считает здешний климат прекрасным? Климат — слово, между прочим придуманное ей же. Вспомнилось, как она говорила: «Теплый, но не жаркий». Ему же приходилось носить ботинки по одной причине — у него мерзли ноги. Городской охране, в которой он служил, выдавались сапоги. Более неудобной части гардероба сложно придумать. Всю свою жизнь он ходил босиком, и ему не нравилось, что приходится носить обувь. Она давила, натирала, и если в ней ноги хоть и не мерзли, то потели.

К усугублению его настроения подключилась и погода. Ветер усилился, воздух наполнялся запахом, чем-то напоминающий металл. Он прожил здесь достаточно, чтобы понять, что на море собирается шторм. Дождь не заставил себя ждать. Не прошло и получаса, как небеса принялись слезоточить, вторя его настроению. Это был не теплый урочный дождь Белого королевства, а морозящий и заставляющий продрогнуть до костей зимний дождь. В местной погоде не было никакой системы, она не зависела ни от чего и не подчинялась каким-либо правилам. Солнечный день мог сойти на нет за какой-то час.

«Во имя Анкалиме! Скорее бы прибыла служба по решению дел» — взмолился он про себя.

Буквально несколько часов назад в тупике торгового района было обнаружено тело убитого мужчины. Мужчина не выглядел бедным жителем города, поэтому начальник охраны вызвал службу решения дел, как полагалось в таких случаях. Им с напарником было приказано охранять переулок от любопытных глаз.

Служба решения дел занималась все возможными расследованиями, будь то обман, кража или убийство. И чем больше у вас или вашей семьи было денег, тем успешней велось расследование. Люди в этом городе также пахли гнилью, творили злодеяния, ничуть не задумываясь о последствиях, подчиняясь правилам только под воздействием силы.

Верлиока — город жемчужина Империи, располагался на большой губе реки Верли, окруженный идеальным полукольцом высоких гор. На плодородных полях вокруг города и до самых гор раскинулось великое множество виноградников. Помимо экспорта вина на всю территорию Империи, жители города, как они сами считали, были любителями и

ценителями вин. Что не могло не сказываться на моральном облике города.

Почти на каждой улочке можно было найти бар или таверну. Учитывая, что в город свозилась рыба как с моря, так и океана, в городе разворачивалось некое гастрономическое безобразие от количества рыбных блюд. Рыбный дух царил не только в гавани, но распространялся по всему городу. В каждой забегаловке можно было найти творение местных кулинаров под названием «Бабай». Суть его сводилась к тому, что брали несколько видов рыб и добавляли к ним всевозможных моллюсков. Сначала из обрезков вываривали бульон, процеживали, добавляли филе рыб, очищенных моллюсков, пучки зелени, способной хоть немного сбить рыбный дух, и тушили до готовности. Стоимость и престижность данной похлебки определялась количеством видов рыбы, используемой в ее приготовлении. Чем больше, тем лучше.

Император спонсировал судоходство и исследование водных просторов. Именно благодаря морякам Верлиоки были открыты Земли Матушки, налажена торговля с варварами на дальнем севере и людьми в Туманных землях. Каждый десятый житель этого города был моряком. Многие из них ходили в дальние плаванья. За долгое отсутствие моряки выбивались из социальной жизни и по возвращению проявляли подозрительность и с легкостью вступали в противоборство в случае конфликта, что доставляло проблемы и накладывало отпечаток и на характер города.

В землях Империи магия поощрялась, и именно в Верлиоке цвела буйным цветом. Для тех, у кого были деньги, строились школы, хотя особо одаренных могли принять и без них. Каждый двадцатый в городе был магом. Хорошая треть этих самых магов работала в осветительной службе города, хотя это и не лишало их свойственного магам высокомерия и заносчивости.

К сожалению Ма'Айя, лишних денег у него не было, а его магия, как сказали в осветительной службе, настолько мала, что не способна поддерживать даже свет фонаря. Да и рыбу он не любил. Будь его воля, он навсегда бы покинул этот город, и никогда бы не возвращался, но идти ему было некуда.

Видимо богиня таки услышала его, к ним приближались четверо в одеждах службы решения дел и соответствующих эмблемах на груди и плащах. Они шли уверенно, по двое, будто дождь вовсе не беспокоил их.

— Вы свободны, — высокий мужчина, проходя вперед, небрежно махнул рукой, отсылая службы охраны прочь. Ма'Айю пришлось опустить лицо, чтобы скрыть свою радостную улыбку в тени капюшона. Он покосился на проходящего мимо него, и ему показалось, что это не мужчина, а светловолосая женщина в черном плаще. Он резко обернулся. В темноту переулка углублялись четверо мужчин.

— Ма'Ай, что с тобой? — позвал его озадаченный напарник.

Он был местным. Так же, как Ма'Ай в свое время, он никогда не покидал свой родной город.

— Ничего. Просто показалось, — отмахнулся Ма'Ай.

— Погода дрянь. Как всегда, в это время года, — отозвался напарник. — Идем скорей домой. Тебе хорошо, ты недалеко живешь.

Ма'Ай был рад, что дождь мешает вести разговор. Он прокручивал в голове свои ощущения. Что-то было странно в этой службе решения дел. Его чувства кричали об этом. Но что именно, он не мог объяснить даже себе самому. Это непонимание разжигало любопытство, что начинало зудеть внутри него, подобно следу от комариного укуса. Они с

напарником прошли пару кварталов до того места, где их пути разошлись. Едва попрощавшись, он развернулся и бегом кинулся обратно.

Несколько минут спустя, стоя на том же месте, которое еще недавно так желал покинуть, он думал, как не заметно поглядеть на работу службы решения дел. Саднящее чувство чего-то необычного не отпускало. Это чувство не достоверное и может быть ошибочным, как в случае, когда ты знаешь, что человек лжёт, но доказать этого не можешь. Остается лишь верить столь призрачному ощущению или найти подтверждение.

Память услужливо подсказала воспоминание того времени, когда они только попали в Верлиоку и искали жильё. Этот район периодически затапливали грунтовые воды, и все здания были построены немного над землей, с просторными подвальными помещениями. Они смотрели второй дом справа. В нём был вход в подвальную систему, а хозяин хранил ключ под одним из тротуарных камней. Ма'Ай поблагодарил свою память и незадачливого владельца, когда обнаружил ключ в том же месте. За дверью была лестница, ведущая в темноту подвала. Он шагнул на первую каменную ступень и прикрыл за собой дверь, поднимая руку ладонью вверх. В его руке забрезжил теплый огонёк, оторвался и повис над головой юноши.

Подвальное помещение было затоплено, но не сильно, лишь по щиколотку. Впервые Ма'Ай был не против наличия сапог на ногах. Ма'Ай шел мимо оконных сливов, открывавших вид на улицу. Подходя к месту, где по предположению лежало тело убитого, он притушил сопровождающий его огонек и выглянув в оконный слив. Ма'Ай не ошибся. Служба решения дел расположилась ровно перед ним. Вокруг тела они установили магические жезлы, что освещали проулок. Их было четверо в чёрных плащах. Одна из них была эльфийка. Точеные черты лица и заостренные уши ни с кем не спутаешь. Он то знает, он их видел. Над тем местом, где расположился этот квартет, дождь остановился. До Ма'Айя донеслись не передаваемые ощущения. Что-то неслышно звенело. Это был звук и не звук одновременно. Магия.

«Да, именно это он и почувствовал, только не сразу сообразил» — подумал Ма'Ай.

Один из них опустился на колени в изголовье, сложив руки на лбу жертвы. Остальные сели по бокам и что-то зашептали. В воздухе стали появляться слегка светящиеся знаки. Лиловые знаки сплелись в ленту и опоясали лежавшее тело. Неслышимый гул усиливался. В какой-то момент знаки засветились ярче и будто впитались в тело. Недавно хладное тело сделало глубокий вдох и дернулось.

— Где...где я? — вскричал тот, пытаясь освободиться от магических пут.

— Это неважно, — оборвал его один из мужчин. — Ты мертв.

— Как?! — вскричал покойный.

— Как твое имя? — спросила эльфийка, наклоняясь над ним.

— Лу Март. Я торговец тканями. Кто ты? — несмотря на то, что Лу Март был мертв, он попал под эльфийское очарование.

— Ашран Квинламин, — ответила эльфийка. — Лу, ты видел, кто убил тебя?

Он растерянно помолчал, вспоминая и произнес:

— Я не видел. Меня ударили со спины. И я понятия не имею, кто бы хотел убить...

Он не успел договорить, действие заклинания прекратилось. Лу Март вновь был мертв.

— И что ты, поэтому поводу думаешь? — эльфийка присела, раскинув полы плаща по мокрым камням переулка, и посмотрела прямо на него скрытого в темноте подвального окна.

Ма'Ай отшатнулся. По телу прокатилась горячая волна испуга, что свойственно человеку, пойманного на месте. Секунда на осознание, и он поспешил прочь. Огонек послушно следовал за ним. Она знала, что он там. Он не мог ошибиться. Он явно встретился взглядом с блестящими в темноте глазами эльфийки. Так же, как знал, что магия, которую они использовали, была одной из запрещённых ее видов — некромантией. Подгоняемый страхом, до дома он практически добежал, проклиная себя за излишнее любопытство, ведь оно никогда не доводило его до добра.

— Во имя Анкалеме, что с тобой случилось?! — воскликнула Ма'Рта, осматривая его потрепанный вид, встретив на пороге. — Ты весь промок. На что тебе плащ, братец, если ты им не пользуешься? Снимай куртку, ее надо почистить.

— А? Да, — ответил Ма'Ай, рассеянно оглядывая себя.

Его мысли были заняты обдумыванием недавнего. Тяжело выдохнув, сказал первое, что пришло в голову:

— Я, кажется, упал, пока бежал...

— И выглядишь, будто растерял последний мозги во время падения, дружище, — отозвался об его внешнем виде Ста'Арх — здоровый бугай, друг его детства.

— Я пойду, переоденусь, — объявил Ма'Ай, ему надо было перевести дух.

— Как переоденешься, спускайся к ужину и не забудь захватить одежду к печи, — кинула Ма'Рта в спину брату.

«Родные люди и друзья не дадут его в обиду, — с облегчением подумал он, успокаивая тревогу в груди. — Дом — место, где он в безопасности»

Этот дом собрал под своей крышей старых и новых друзей в количестве семи человек и одного минотавра, совершенно случайно попавшего к ним. Сам дом, а точнее кузню с пристройками, они купили около года назад на деньги, полученные от продажи подкинутого им на дорогу золота. По сути, эльфы их просто выслали на другой конец необъятного мира и за молчание заплатили золотом, так говорила Шива.

С одной стороны находилась кузня с жерлом горна, а с другой выложенная камнями печь и пристройка домового части. На восстановление сердца дома и ушли оставшиеся у них деньги. Домовую часть обустроили по типу кухни-гостиной опять же словечко из лексикона За'Ар, что прижилось в их обиходе. Тут находился большой, грубо сколоченный, но надежный стол с широкими лавками. Этот стол занимал добрую половину кухни-гостиной, потому что бывшие владельцы построили не обдуманно широкую лестницу на второй этаж. Под лестницей они оборудовали небольшую комнату, а две комнаты на втором этаже разделили на мужскую и женскую.

Комнату они делили со Ста'Архом. Столь же скромно обставленную, как и весь их дом. Две кровати и комод — вот и вся мебель. На стенах висели ковры с узорами, что прикрывали щели, через которые дуло в холодное время года в их не до конца отремонтированном жилище.

Он как раз спустился, когда дверь вновь распахнулась, впуская невысокую фигуру, с головы до ног завернутую в плащ. Через пару шагов плащ бесцеремонно скинули на пол, предоставляя возможность увидеть хрупкую девушку с двумя черными как смоль косами. На фоне темных одеяний ее белоснежная кожа резко контрастировала, выдавая в ней жителя туманных земель. За ней следовал поджарый парень на две головы выше своей спутницы с копной светлых волос.

— Надеюсь, у вас был день, который вы заслуживали, — поприветствовал он остальных на манер принятый в Диких землях.

Почему Дикие земли назывались дикими, никто из них не понимал. Ведь один из их представителей, живший с ними уже больше года, на деле был самым вежливым и воспитанным среди всей компании. Он был высок, почти одного роста со Ста'Архом, но не таким крупным, а скорее худым и жилистым.

— Шива сегодня не в духе, — оправдал он поведение девушки.

Как ни в чем не бывало, поднял плащ и повесил на крючок возле входа, куда поместил и свой.

— Вины своей не знаю, и оговаривать себя не намерена, — бросила девушка, садясь за стол, на котором Ма'Рта уже расставила тарелки.

— Что случилось, принцесса-несмеяна? Тебя в край достали эти глупые люди? — спросила За'Ар, входя со стороны кузни и сразу уловив общую атмосферу.

В отличие от большинства простых жителей Белого королевства, кожа За'Ар была менее загорелой, волосы, что хоть и были темными, но не черными, а цвет ее радужки имел свойство менять свой оттенок в зависимости от освещения. Трудно было определить, зеленые они или голубые. В их родной деревне ее считали незаконнорожденной дочерью дворянки, но саму За'Ар это не беспокоило. Она считала полной глупостью причислять к дворянству любого у кого не черные волосы или карие глаза. Та, которую обозвали «несмеянной», зло глянула на За'Ар и незамедлительно получила комментарий в ответ:

— Хорошо ты не умеешь убивать взглядом, а то бы я уже умерла.

За За'Ар боязливо следовала Тирна, их незваная гостя из Земель Матушки. Она только осваивала общий язык и чаще всего молчала. Хоть Тирна и была человеком, но в своей жизни с себе подобными столкнулась впервые. Видимо, они относили еду минотавру, подопечному Тирны. Как им удалось понять, минотавр был еще совсем мал, всего пять годков от роду, а размерами был чуть меньше самой Тирны. Малыш питался отдельно, потому что вид минотавра поедающего сырое мясо, не способствовал аппетиту остальных.

— Сегодня пришел ответ от матушки Шивы, — пояснил парень из Диких земель, оправдывая дурное настроение своей спутницы. — Она не позволяет ей вернуться домой.

Он слегка дернулся, очевидно, что под столом его пнули.

— Куран, знаешь, в чем тайна скучного? — прошипела вопрос милая Шива, прищурив свои темные очи и сама же ответила: — В том, чтобы сказать все!

— Возможно, если бы ты с нами делилась своими переживаниями, тебе стало бы легче, — заметила За'Ар.

— Хорошо, — согласилась та, не раздумывая. Всем стало ясно, что ничего хорошего они не услышат. — Нам нужны деньги! Из семи человек, живущих здесь, работают только двое. Я и Ма'Ай. Кузня Ста'Арха не приносит никакой прибыли. Печь мы будто топим не углем, а золотом.

— Прости, — сказал Ста'Арх.

— Спасибо, — отозвался Ма'Ай.

Шива закатила глаза.

— Так вот, чего я хочу! Куран, прекращай болтаться за мной, а то скоро превратишься в принца нищих, — начала она с ближайшего к ней. — За'Ар, а тебе пора прекратить нянчиться с нахлебниками, да поискать работу. И почему минотавры не едят сено как коровы?

За'Ар пожалала плечами, не зная ответа на этот вопрос.

— Ма'Рта прекрасно ведет хозяйство, а Лакорн неплохо платит и ему нужна домохозяйка, — продолжала Шива. — Может, ей стоит прекратить бесплатно обслуживать всех в этом доме?

Все пристыжено замолчали, уткнувшись в стол. Выпустив пар, Шива спокойно приступила к еде. Хоть ароматное жаркое у Ма'Рты удалось на славу, это не могло спасти ситуацию. Не говоря ни слова, все последовали её примеру, думая о своем. Умела же Шива нагнетать обстановку. Ужин, обещавший закончиться уютными вечерними посиделками и беззаботной болтовней, утонул в тишине. Лишь мерное пощелкивание челюсти За'Ар при жевании нарушало её.

В юности с За'Ар произошел прискорбный инцидент, её лягнул рынц. Неделю она пролежала без сознания и когда пришла в себя, не помнила ничего. Её даже пришлось заново учить говорить. Травмы не особо сказались на внешности. Нужно было приглядываться, чтобы заметить, что левое плечо немного съезжает вниз по отношению к правому. Некоторые кости все же срослись не правильно и наградили За'Ар скрипелостью и хрустелостью. Они уже привыкли к ее особенности и не обращали внимания, как и на то, что Шива чавкала во время еды.

А вот у Ма'Айя кусок в горло пролазил с трудом. Те опасения, от которых он бежал и отвлекся благодаря небольшой перепалке, вновь вернулись. Где-то внутри он понимал, что стал лишним свидетелем, и это не могло не беспокоить его.

— Шива, в службу решения дел набирают магов? — нарушил тишину Ма'Ай.

Она задумчиво уставилась на него, и видимо, сделав неправильные выводы ответила:

— Они подчиняются главной семье эльвиров и существуют, защищая их интересы, да интересы богатеев города. Тебе не удастся туда перевестись. Должности передаются по наследству.

Совсем не то, о чем он спросил, но тут вмешалась За'Ар:

— Они по крайней мере расследуют преступления.

— Я тебя умоляю, — отмахнулась Шива. — Их не интересуют преступления, за которые не платят.

— Но орудующую банду воришек в порту они нашли, — возразил Ста'Арх.

— Просто заплатили доносчикам. Один из ее членов договорился со службой и кинул своих напарников. В рудники всегда нужны рабочие руки.

— Что насчет магов в службе решения дел?! — боясь, что его вновь перебьют, резко повторил свой вопрос Ма'Ай.

Грубый тон не смутил Шиву, а вот остальные с удивлением уставились на него.

— Могут взять, как любого служивого, — ответила девушка.

— С чего ты вообще спрашиваешь? — поинтересовалась За'Ар.

Ма'Ай напрягся под внимательным взглядом За'Ар. Обмануть её не получится, да он и не хотел. Прошлая его не договоренность привела к тому, что они оказались в этом ненавистном ему городе. Он сглотнул:

— Сегодня в торговом квартале убили человека. Вызвали службу решения дел, но я почувствовал... магию...

— Почувствовал магию? Ты? — не веря его словам, переспросила Шива и тут же отмела это утверждение: — Это невозможно.

— Вот это и странно, — согласился Ма'Ай и продолжил: — Я последовал за ними.

Меня удивило то, что среди них была эльфийка — Ашран Квинламин. Они оживили тело убитого торговца.

— В службе решения дел точно не может быть эльфов, — заключила Шива.

— Оживление мертвых... это же некромантия? — с придыханием спросила Ма'Рта, глянув на Шиву.

Все за столом позабыли об ужине. Действия некромантов могли быть не предсказуемыми. Каждый из них слышал истории, бродившие в городе, что служили страшилками для местных детей. Свободное распространение магии имело и свои минусы. Очень многие маги, кто открывал для себя возможность использовать силу тьмы, уходили в запрещённые обучения. На глаза Ма'Рты навернулись слезы, а вся она будто съежилась. Ста'Арх успокаивающе погладил ее по руке.

— Почему некромантия запрещена? — спросил Ма'Ай.

— А ты не думаешь, что создание ходячих мертвецов немного плохо, а? — нахмурилась За'Ар.

— Это не цель некромантии, а скорее ее побочный эффект, — поправила Шива.

— А что тогда? — поинтересовалась За'Ар.

— Магия крови — древний культ для связи с миром демонов, запрещённый у эльфов. Считается, некромантия может разрушить столкнувшиеся миры. В любом случае, без крови эльфа это практически невозможно.

— Он и говорит, среди них была эльфийка, — напомнила За'Ар.

— Да не может в службе ведения дел быть эльфа! — повысила голос Шива.

— Почему?

— Эльвиры терпеть не могут эльфов и никогда не сделают их своими приближенными! — почти выкрикнула Шива.

За'Ар, видимо, хотела снова спросить почему, но Ма'Ай её опередил:

— А что за культ?

— Да почем мне знать, я же не эльф! Я даже не маг, работаю поджигателем фонарей в городе и меня в конец достала эта работа! — в голос Шивы вернулось раздражение.

— Значит, это была не служба решения дел, — спокойно заключил Куран.

— Они тебя видели? — встревоженным голосом спросила За'Ар.

Решив не пугать остальных, он отрицательно покачал головой. Хотя некая доля опасения о том, что ночной квартет некромантов будет преследовать незадачливого свидетеля, в его лице, присутствовала.

— Надеюсь, это не повлечет никаких последствий, — облегченно вздохнул Ста'Арх. — Но будь осторожен.

— Не связывайся с эльфами. Они истинное зло, — серьезно добавила Шива. — Столкновение миров произошло по их вине, но они слишком тщеславны, чтобы сказать правду. Убьют любого, скрывая свои грязные делишки. Вы помните, как эти высшие эльфы были нам рады? Никогда не казалось странным, почему нас так быстро отправили прочь из летающего города? До сих пор удивляюсь, что нас отпустили живыми...

Прошло несколько дней. Никто его не разыскивал и не преследовал. Все чаще его голову стали посещали мысли об эльфийке. Перед сном его мучил вопрос, почему в городе, полном магов, он ощутил именно её магию. В один из таких вечеров его охватило желание отыскать эльфийку. Как только их с напарником отправили патрулировать торговые районы,

Ма' Ай решил выяснить, где жил тот мертвый торговец Лу Март.

Торговый район представлял собой длинную улицу с двухэтажными каменными домами, которые являлись одновременно и лавкой торговца, складом, и его жилищем. Каждый украшал свой магазин замысловатой металлической вывеской, стремясь как можно точнее и ироничней передать предмет торговли, что придавало удивительное очарование району.

К его удивлению, напарник ничего не мог припомнить о происшествии, но в помощи не отказал. Во второй половине дня их поиски увенчались успехом, и выяснился еще один удивительный факт. Стоит заметить, как сообщил один из приятелей погибшего, Лу Марта кинулись искать с большим запозданием. Его жена подозревала, что он находится у любовницы. И лишь благодаря настойчивости одного из оптовых покупателей, у которого горел заказ, стало известно, что к любовнице Лу Март неделю как вообще не заходил. Тогда и заявили о пропаже. Не далее как вчера после полудня его тело нашли в районе пирса. Предполагалось, что тот был пьян и упал с мостков. Тело было настолько изуродовано прибоем о камни, что о ножевых ранениях вопрос даже не поднимали и службу ведения дел не вызывали...

Сказать, что Ма' Ай был озадачен — ничего не сказать. У него возникли два вопроса, на которые не было ответа. Почему история смерти торговца настолько отличается от его воспоминаний? И с чем связано странное отсутствие оных о том дне у его напарника? Возможно, все так и закончилось бы озадаченностью Ма' Айя, но вмешался случай.

В тот день, За' Ар — его самая близкая подруга в Белом королевстве они жили по соседству с самого детства, попросила составить компанию в поисках работы. Хотя она и знала всех соседей в районе пирса, в город она выбиралась редко и плохо в нём ориентировалась. Правильнее будет сказать: она плохо ориентировалась в любой местности, абсолютно не понимая, где находится север, а где юг. "Топографический кретинизм!" — гордо заявляла она. Ему было не совсем понятно, что это значит, но, видимо, именно то, что она путала стороны и направление.

После устроенного Шивой разноса подруга надумала устроиться в торговую палату сборщиком налогов. Как всегда, на помощь пришел Лакорн. Он написал рекомендательное письмо и выбил встречу с начальством. Шива частенько оговаривалась, что не следует слепо доверять Лакорну, но надо признать, без его помощи им пришлось бы куда тяжелей. Пока За' Ар беседовала с сильными мира сего, он бесцельно болтался на улице около торговой палаты.

«Унылый город» — подумал Ма' Ай, оглядывая полупустую площадь.

Дома из серого камня, серая мостовая улиц. Даже люди удивительно однообразны в своих тёмных одеждах, ни одного яркого пятна. Невольно в памяти возникли улицы города Лафера возле его родной деревни Вон, где потрясающей белизны камни составляли разительный контраст с красно-коричневой землей улиц. Журчащие фонтаны на перекрестках дарили свежесть в жару. Яркая зелень деревьев возле домов, как и люди в ярких одеждах — цветах своих деревень, радовали глаз. Единственное, что удивляло Ма' Айя в Верлиоке, это люди, имевшие не черные волосы и не темно-карие глаза, что не являлись дворянами и могли не обладать магией. Долгое время ему пришлось привыкать не выказывать в отношении их излишнего почтения, оттого что с детства привык к тёмным волосам простолюдин. Почему магия влияла на цвет волос в королевстве, он, конечно, не знал.

Весь этот район, как и власть в городе, принадлежала эльвирам. Он приглядывался к прохожим, пытаясь выяснить, кто из них человек, а кто эльвир. Как говорила Шива, внешне они абсолютно ничем не отличаются от людей. Он припомнил, как выглядел сам Лакорн, являвшийся эльвиром. Это был стройный высокий мужчина средних лет с гривой длинных серебристых волос и серыми глазами, которыми он смотрел на них с холодным высокомерием, но никогда не отказывал в помощи, благодаря каким-то общим делам с матерью Шивы. Как ему казалось, эльвиры были схожи по своей сути с дворянством Белого королевства.

Размышление прервал коснувшийся его неслышимый звук, отозвавшийся дрожанием внутри него. Он встрепнулся. Это чувство! Он опять чувствовал эту магию. Сердце его дрогнуло в поисках источника неслышимого звука. Его взгляд выхватил из толпы мужчину в одеждах службы решения дел. Привлекла его походка, уверенная и непоколебимая. Он сделал несколько шагов вперед в попытке не потерять того из виду. Мужчина остановился, с кем-то разговаривая. Ма'Ай старался не пялиться и к своему удивлению сделал открытие. Если следить за мужчиной краем глаза, то можно увидеть женщину. Он не сомневался, это была Ашран Квинламин.

Думая о том, какая вероятность, что эльфийка его запомнила и сколько внимание может привлечь простой житель города в таких же тёмных одеждах, как и все, он едва не упустил тот момент, когда мужчина внезапно побежал. Не раздумывая, он кинулся за ним или за ней, как точнее он не знал, потому что глаза вращались ему. Несмотря на то, что перед ним через площадь бежал высокий мужчина, Ма'Айю удалось сократить расстояние между ними почти в два раза. Он не знал, что скажет, когда догонит, просто хотел убедиться в том, что все виденное им не ошибка. Внезапно мужчина свернул в проулок. Ма'Ай кинулся туда. Мужчина скрылся за поворотом, потом еще один поворот. Расстояние все уменьшалось, он уже думал, что скоро нагонит беглеца. За третьим поворотом Ма'Ай впечатался в стену, не успев затормозить, и сила инерции откинула его, распластав на земле. Немного придя в себя, ему оставалось лишь обескуражено глядеть на кирпичную кладку. В тупике никого кроме него не было. За этим занятием его и застала За'Ар:

— Ма'Ай, ты как сумасшедший мчался через всю площадь, чтобы полежать здесь? — произнесла она запыхавшись.

— Ты что бежала за мной?

— Конечно. Я вышла. Смотрю, ты несешься сломя голову, я за тобой. Ты только представь, какую картину видели те, кто решил проводить меня взглядом из окна. Вышла, подхватила юбки и понеслась. Да они будут думать, что я одержимая, — хихикала она.

Он встал, отряхивая одежду от пыли и принялся ощупывать стены.

— Помнишь, я недавно рассказывал про эльфийку и убийство в торговом квартале?

— Ну, да.

— Я решил разузнать о том убитом торговце, но выяснил, что его не убили, а он просто утонул с пьяну и не в тот день, а двумя днями позже. Мой напарник странным образом ничего не помнит. Выглядит так, будто мне это всё показалось. Признаться, я почти начал сомневаться в себе, — он отвлекся от стены, не обнаружив ничего, кроме камня. — Пока я ждал тебя, вновь почувствовал... Не могу толком объяснить это чувство. Похоже на то, когда ритм барабанов отзывается внутри тебя. Там, на площади был тот мужчина, хотя это была та эльфийка. Точнее сказать, я знаю, что это эльфийка, но выглядит она как мужчина. Я бежал за ней, но она пропала в этом тупике.

Выслушав его сумбурный рассказ, За'Ар внимательно посмотрела на стены. Она никогда не отрицала даже самую бредовую возможность случившегося. Иногда и сама предлагала проверить. Хотя это было раньше. Сейчас За'Ар всё же изменилась, но Ма'Ай не понимал в чем именно.

— Возможно, здесь есть какой-нибудь рычаг открывающий проход? — предположила она.

Но и ощупывание стен вдвоем не принесло результата. Пришлось сдаться и двинуть прочь из проулка.

— Слушай, Ма'Ай, может, стоит прислушаться к совету Шивы? Я предпочитаю держаться от магии подальше, не стоит гоняться за ней по улицам.

— Я хочу понять, что я чувствую, — полушепотом возразил он.

— Ма'Ай я бы тоже хочу понять многие вещи, — произнесла она, взяв его под руку. — Например, почему с нами произошло то, что произошло. Но понимание этого ужасно и не укладывается в моей голове. Если нам предоставляется возможность жить простой жизнью, то лучше наслаждаться этим. Иногда предпочтительней сделать вид, что чего-то не существует.

— Может ты и права, но причиной нашего бегства из дома была моя магия, которую я использовал, даже не понимая. Здесь же все хотят меня убедить в её отсутствии. Я лишь хочу её понимать, — посетовал он.

— Хорошо. Если ты так хочешь, давай накопим тебе на поступление в школу магии и забудь об этой эльфийке.

— Это огромные деньги, — возразил он.

Предложение За'Ар было заманчивым, но отчего-то ему не хотелось отказываться от попыток разгадать магию эльфийки.

— Ты просто еще не знаешь сумму моего оклада.

— Тебя взяли? — спросил он, та довольно улыбнулась в ответ.

Глава вторая. Вино попивая

«... она сказала, что с течением времени всякая любовь преходит, я был настолько туп, что даже не понял, она убеждала не меня, а себя. Нет, настоящая любовь не преходит, а преходит с течением времени. Не сразу, а постепенно постигаешь радость сближения с любимой женщиной. Это как с хорошим вином. Над ним надо привыкнуть...» из дневника в бснгоммага

Ма'Ай решил последовать совету За'Ар, сделать вид, что эльфийки не существует. Он прислушивался к другим, кто, по его мнению, был умнее, чем он. А она, бесспорно, была умной, с легкостью складывая просто огромные цифры в своей голове. Ей даже не приходилось загибать пальцы для этого. Ничего удивительно, что её взяли в торговые палаты. К тому же обещание За'Ар о магической школе было более реальным, чем погоня за призрачными надеждами. Часто ошибаясь в прошлом, он всегда сомневался, делая выбор, и предпочтительней было этого выбора избежать вовсе. Эта неуверенность в своих решениях тонкой нитью проходила сквозь его жизнь. Сейчас его удивляла недавняя одержимость поисками Ашран Квинламин.

— Определись, что ты можешь делать каждый день, и пусть ничего тебя не отвлекает, — озвучил Ма'Ай другой совет от Шивы, подходя к дому.

Видит Анкалеме! Он старался. Он вставал, шел на работу, обедал, ужинал, мылся, чистил форму и ложился спать. И так почти каждый день на протяжении года. Следуя этому правилу, стало казаться, будто вся его жизнь проходит мимо него. Город быстро приучил делать как «надо», но не так, как хотел он. Сам не заметил, как перестал получать удовольствие от такой однообразной жизни.

Ма'Ай с досадой пнул камень, попавший под ноги.

Страшно признаться, но он уже не был столь уверен в своем желании обучаться магии, как в первые дни после их прибытия в Верлиоку. Тогда маги его просто заморозили, не таясь, используя свои способности. Он хотел также. Их высокомерие быстро охладило его пыл. Он по своей глупости считал, что его примут с распростёртыми объятиями. А ведь и он сам ни разу не сделал попытки честно выказать свое желание друзьям, боясь очередной насмешки за глупые попытки от Шивы. Не сказать, что на родине его жизнь была полна событиями, но там его так жёстко не щёлкали по носу, указывая на его место. Наверное, это и было главной причиной, по которой ему так не нравился город. Верлиока обещала исполнить все его мечты, о которых он не смел даже думать в Белом королевстве, но в то же время, не жалея, разбила их.

После очередного рабочего дня, дом встретил его темнотой. Он привычным жестом вызвал светлячка.

«В Белом королевстве я считался бы магом, — подумал Ма'Ай, проследив за движением светлячка в центр дома. — По мнению Верлиоцких школ, магией я не обладаю»

— Будто меня прокляли, — вздохнул он вслух, подводя итог своим мыслям и более веселым тоном добавил, проходя к столу: — Маг, который не маг. Маг, который не смог.

Вернулся он поздно. В зимнее время темнело рано. Красная луна уже взошла на небосвод, означая близость ночи. В этот вечер Лакорн пригласил всю их компанию на ужин. Их незаменимого помощника интересовал минотавр, что прижился в их доме. Минотавры обитали на континенте Матушки земли и считались дикими животными с наличием разума.

Ма'Айя же задержали по службе, и идти он никуда не собирался. Заботливая сестра оставила кусок пирога на столе. Он думал быстро перекусить и лечь спать, но внезапный грохот нарушил его планы.

Шум доносился из старой конюшни, что была пристроена к их дому. Казалось, в кузне кто-то бесновато гремит инструментами кузнеца. Помнится, когда они обнаружили беглецов прятавшихся в конюшне, юный минотавр едва не разнес добрую половину только отстроенного дома. Хоть он был юн, по силам уступал лишь здоровяку Ста'Арху. Ма'Ай не испугался. В конце концов, он работал в охране города и уже успел насмотреться, чего можно ожидать от людей. Но кто мог столь нагло проникнуть в их дом, не предполагал. Единственное, что пришло в голову, мысль о новых незапланированных гостях. Он открыл дверь в конюшню, что служила проходом в кузню, где стояла были переделаны в уголок проживания для их гостей из земель Матушки. Странное ли дело, для комфорта им хватало стога сена, покрытого холстиной. Светлячок послушно влетел первым в дверь кузни и завис под потолком. Ма'Ай обомлел, внутри стояло нечто похожее на человека.

Оно было сине-зеленого цвета, руки и ноги были человеческие, вместо головы был какой-то кожистый мешок. Там, где должен находиться рот или нос свисало множество отростков, своим движением напоминая колыхание водорослей в воде. С плеч и груди свисали отростки крупнее и почти доходили до колен. От неожиданности Ма'ай не успел среагировать, когда существо кинулось на него, от удара он влетел в конюшню и упал на спину. Существо оседлало его, упираясь человеческими руками в плечи и не давая подняться, отростки, находившиеся на груди существа, распахнулись, как лепестки цветка, открывая нечто скрытое ими, напомилавшее крючковатый клюв птицы. Клюв открылся, направляясь к его голове. Ма'Ай взглядов выхватил длинные кузнечные щипцы, валявшиеся рядом с ними, видимо, брошенные существом, после нападения на него. Схватив щипцы за противоположные концы, он как помеху вставил поперек клюва, силой пытаясь отодвинуть нападающего. И, почти поверил в свой успех, когда существо щелкнуло клювом и железные щипцы треснули пополам, как щепка, показывая реальную силу укуса. Больше ничего предпринять не успел, пара из нагрудных отростков оплела кисти, не давая пошевелить руками. Эти отростки не уступали силе его рук. Он отчаянно зажмурился, надеясь сжечь существо. Магия, до этого срабатывающая в случае его испуга, напрочь отказала ему...

Ма'Ай не видел, как и что скинуло существо с него. Синее тело упало рядом с ним оплетенное лентами знаков излучавших лиловое мерцание. Он вновь чувствовал этот звук. В проеме ведущему в дом стояла эльфийка, одета она была всё в ту же форму службы ведения дел. Эльфийка не смотрела на него, а заинтересованно изучала его светлячка висящего над ними. Всё это ему очень не нравилось.

— Что вы здесь делаете?! — резко спросил Ма'Ай.

— Видимо спасаю твою жизнь, — ответила та, явно намекая на грубость в его тоне.

— Простите, — ответил он, вставая. Сам гнался за ней несколько дней назад. — И... спасибо.

Он посмотрел на нечто оплетённое магическими путами:

— Как он оказался здесь?

— Тебе оно знакомо? — спросила эльфийка, подойдя ближе.

Ма'Ай думал, рассказывать ли ей, но, решив, что она спасла ему жизнь и большой тайны в его истории нет, произнес:

— Когда мы были детьми. Мы пошли в заброшенный храм Анкалиме. Ходили слухи, что

можно увидеть богиню. Богиню мы не видели, но там была статуя... Хотя это не важно, — отбросил он ненужные подробности. — Помимо нас храм решил посетить кто-то еще. Мы испугались, спрятались и не видели, что именно произошло. Когда осмелились выйти, на полу храма лежали два тела в одеждах главных монахов. Они были мертвы. За'Ар не боится трогать мертвых. Ей было интересно посмотреть, как выглядят монахи. Когда она убрала капюшон, то у монаха было нечто такое вместо лица.

Он указал на лежащее около них тело чудовище, что по необъяснимой ему причине оно потеряло былую активность и покорно лежало оплетённое путами.

— Но мы не видели его полностью без одежд... — эльфийка не перебивала его сбивчивый рассказ.

Пока он размышлял рассказывать ли остальное, она крикнула вглубь его дома:

— Ребята, приберите здесь, — она вновь посмотрела на него и скомандовала. — А ты — иди за мной.

Оказалось, остальные из ночного квартета тоже были в его доме.

— Ты оставишь им свет? — поинтересовалась та, обращаясь к нему. Он кивнул и создал еще одного светлячка, что последовал за ними в кухню-гостиную. Ашран с интересом разглядывала скромное убранство их дома. — Ты же живешь не один?

Ма'Ай рассматривал свою спасительницу. Она была высокой, выше его почти на голову. Светлые волосы медового оттенка собраны в высокий хвост, абсолютно не скрывающий заостренные эльфийские уши.

— Не один, — запоздало ответил он, слегка покрывшись смущенным румянцем под загорелой кожей, за то, что позволил себе так откровенно глядеть на незваную гостью.

— Ты не ужинал? — спросила она.

Он не ответил. До странности поразительное дружелюбие эльфийки настораживало. Прямо за стеной находилось напавшее на него существо, а она вела себя так, будто просто мимо проходила и заглянула на огонек.

— Это вы устроили так, чтобы убийства торговца как бы не было? — требовательно спросил он, удивляясь себе.

— Да, — не отпираясь, ответила она и пояснила: — Я знала, что ты видел нас. Пыталась избавиться от твоего интереса и возможно возникших в связи с этим вопросов. Хотела ввести в заблуждение.

«Честно» — решил он.

— Что, по-твоему, ты видел в том проулке? — задала очередной вопрос эльфийка.

— Вы оживили мертвеца.

— Нет.

— Воскресли? — подобрал он другое слово.

— Нет.

Он задумался.

— Вернули к жизни?

— Верно. На короткий период времени вернули к жизни. Если тебе интересно, то мы не убивали его. Нам просто нужно было свежее тело, проверить работу заклинания, — прояснила она, и как ни в чем не бывало, предложила: — В паре кварталах имеется уютная таверна «Сказки русалки» пойдём? Я угощаю.

Ма'Ай подумал о том, что она с легкостью могла избавиться от него в любой момент, если бы захотела. При таком раскладе ей было необязательно спасать его. Не найдя в её

предложении ничего опасного, согласился. К тому же ему самому хотелось поговорить с эльфийкой. Когда они вышли на улицу, она снова выглядела как мужчина в форме службы решения дел, а волосы, собранные в хвост, стали короче.

— Как ты это делаешь? Это не заклинание? — поинтересовался Ма'Ай, легко и незаметно для себя переходя на ты.

На него с улыбкой посмотрел симпатичный мужчина со светло-кариими ореховыми глазами:

— Ты встречал когда-нибудь эльфов? — спросила она, и голос её был приятным баритоном.

— Да.

— О! Вот как? — искренне удивился тот в ответ. — Интересно узнать, где?

— Это долгая история, — пробормотал Ма'Ай.

— Ну, скажи, хоть как они выглядели, — как-то уж слишком по-девичьи взмолился тот, вызвав непроизвольную улыбку у Ма'Айя. — Мне, правда, очень интересно.

— Хорошо, я скажу, но ты потом ответишь на мой вопрос. У большинства, кого я видел, были медные волосы и зеленые глаза.

— Так ты знаком с лесными эльфами! — почти восторженно воскликнул она, вновь позабыв про свой образ. — И как они тебе?

— Менее красивы, чем ты... — озадачено ответил он. Не таким он представлял их общение и поведение Ашран Квинламин.

— Поразительно, что ты знаком с эльфами! Теперь понятно, почему ты не удивляешься. Насчёт моего вида — это не совсем магия. Разновидность эльфийского очарования и действует на подобии чар, когда смотришь.

— И никто никогда не догадывался?

— Неа.

— Почему я вижу тебя?

— Это очень интересный вопрос. Не имею однозначного ответа. Возможно, у тебя магия моего уровня или выше?

Он недоверчиво нахмурился, пытаясь понять, не шутит ли она.

— А что с тем существом? — спросил он.

— Вернем в лабораторию, больше оно тебя не побеспокоит, даю слово. Основное время им владеет полная апатия. Периодически через него что-то вещает. Это случается редко, предполагаю существо слабо, и находится далеко от кукловода. Странно, что оно сбежало именно в твой дом. Ты очень удивительный человек, — улыбнулась она. — Не ожидала, что ты мог видеть нечто подобное до этого. Данное существо попало ко мне лет десять назад. Я перекупила его на черном рынке в Туманных землях. Я провела множество исследований, но мне не удалось обнаружить смысла его существования, как и определенного сознания. Иногда оно испытывает голод, предпочитая поедать чьи-то мозги. О! Смотри! Мы почти пришли, а что предпочитаешь ты?

Для него было в новинку узнать, что маги не только колдуют, но и проводят исследования. Впервые, маг разговаривал с ним, как с равным себе. Было немного неудобно, но в то же время приятно. Изъяснялась она довольно пространно, резко перепрыгивая с темы на тему. Опять же, он не сразу сообразил, что последний вопрос относился к их заказу в таверне.

— Подойдет всё, что угодно. Я не привередлив.

— Отлично! Тогда я закажу целый таз вареников. Ненавижу рыбу!

— Я тоже, — отозвался Ма'Ай.

— Ты же сказал, что не привередлив?

— Я не люблю рыбу, но это не значит, что не могу её есть, — пояснил Ма'Ай.

Когда они вошли в таверну, где их услужливо поприветствовала одна из работниц, его спутник поинтересовался:

— Мой столик свободный? — видимо, она была частой гостьей...кхм...гостем в «Сказках русалки».

Работница зала проводила их к отгороженному ширмой столику в дальнем углу таверны и приняла заказ. Он частенько проходил мимо, но никогда не заглядывал. Да и к чему, если Ма'рта прекрасно готовит. Как и большинство домов в Верлиоке, первый этаж таверны был выстроен из камня и как у остальных на первых этажах окон не было. Помещение таверны освещали магические лампы, развешенные над каждым столом. Ма'Айю никак не удавалось сосчитать количество столов, а это значило то, что их точно больше десяти и почти все они были заняты, несмотря на позднее время. Столы сделаны из дорогого, хорошо отполированного дерева. Ма'Ай забыл его название, но запомнил цвет и фактуру с тех пор, как они подыскивали древесину для ремонта дома. Учитывая близость гавани, здесь отсутствовал всякий сброд, вроде подвыпивших матросов. Ма'Ай успел заметить троих в капитанских шляпах, видимо проживающих в пристроенных комнатах на втором этаже, из чего можно заключить, что цены у данного заведения были приличные. На каждом столе красовался небольшой горшочек с цветочком, редкое явление в городе. Это натолкнуло его на мысль, что владелец данного заведения не местный, как и он.

— Эта таверна принадлежит семье моего брата, — угадав ход его мыслей, подтвердила догадки эльфийка в образе мужчины. Её заявление породило еще больше вопросов, но он решил пока их опустить. К тому же эльфийка продолжила: — Но вернемся к нашей теме. Что более интересно, это существо представляется мне бессмертным. У него потрясающая сила регенерации.

— Регенерации? — переспросил Ма'Ай, не совсем понимая о чем она.

— Восстановление, — пояснила она. — Я вскрывала его, как только не убивала, а оно всё равно живое.

— Ты не права. Его можно сжечь.

— Глупости, — отвергла она его довод. — Я сжигала его.

— Но я тоже.

— Магическим огнем? Покажи.

— Я не умею, — он растерянно уставился на эльфийку. — Как вот так просто взять и показать? Скажи мне, что за магия у меня?

Её мужская личина задумалась. Через время протянула руку к нему, будто ожидая действий с его стороны, и произнесла:

— Хорошо, расскажи, когда ты впервые воспользовался магией, — Ма'Ай вопросительно посмотрел на протянутую к нему руку, затем в светло-карие глаза своего спутника, коим она сейчас являлась, и тот пояснил: — Дай мне свою руку.

Парень послушно вложил руку в ладонь мужчины и поднял глаза, на этот раз, встретив взгляд золотистых глаз.

«До чего у неё красивые глаза» — последнее, что подумал он, начиная тонуть.

Он тонул в этом жидком золоте...

Не успела повозка со старейшиной и его женой скрыться на горизонте, как из-за дома выскочил мальчишка лет восьми и резво побежал к хозяйским постройкам около дома старейшины. За мальчишкой, стараясь не отставать, следовал еще один, помладше, но такой же взъерошенный и босоногий, как первый. Ворвавшись в глинобитное строение, что именовалось сараем, он громким шепотом позвал:

— Ста'арх!

Ожидающий его мальчик вышел из полумрака, знаками показывая быть тише. Мальчик, поджидающий друга в сарае, выглядел опрятней и был рослее первого, отчего казался старше. Он многозначительно посмотрел на сопровождающего малыша, ожидая пояснений.

— Матушка сидит с младшими, а его поручили мне. Но он обещал все держать в тайне, иначе я перестану считать его своим братом и никогда никуда не возьму с собой.

Малыш усиленно кивал в знак согласия. Ста'арх был единственным ребенком, поэтому ему были незнакомы проблемы старших детей в семье. Младший брат его друга частенько таскался за ними, но он решил припугнуть его для пущего вида:

— Никому, — уточнил Ста'арх и продемонстрировал сжатый кулак. — Иначе, ух!

Малыш закивал еще более усердно.

— Тебе удалось стащить ключи? — поинтересовался старший брат.

— Мы же здесь, — конкретизировал Ста'арх, доставая связку ключей. Пять ключей, по одному ключу на каждый палец одной руки, в соответствии с их счетом.

Вход в хранилище находился в дальнем углу, скрытый за тюками соломы, а сама дверь замаскирована под пол сарая, и лишь замок выдавал её. Они плотней прикрыли ворота сарая и принялись к выполнению задачи в поисках того самого яства, что скрывал старейшина в хранилище, как судачили в деревне. Замок был быстро вскрыт. Они даже подумали о темноте хранилища, одолжив лампаду с алтаря богини Анкалиме. Именно одолжив, ибо планировали вернуть лампаду на место после окончания поисков, а не злостно присвоить. И вот они оказались в темном хранилище, освещая себе путь лампадой. Тут оказалось гораздо прохладней, чем наверху, а застойный воздух был наполнен смешанными, незнакомыми их носу запахами. Осмотрев полки и мешки, дети не обнаружили ничего интересного: зерно, мука, соль, большие и малый горшки. Они практически были разочарованы, когда обнаружили два больших ящика около стены, высотой до носа рослого мальчишки, закрытые на амбарные замки. Сомнений не было, там хранится самое ценное. С бабушкиными ключами отпереть замок было несложно. А вот крышка ящика была тяжелой, что подтверждало ценность содержимого. Вручив лампаду младшему, два друга поднажали на крышку, и ее удалось приоткрыть. Из ящика пахло чем-то вкусным. Там явно что-то лежало на дне, но разглядеть у них не получалось.

— Может, что-то подложить, чтобы крышка не закрывалась? — предложил старший брат.

— У деда в сарае есть бруски дерева, тащи сюда! У меня есть идея, — скомандовал Ста'арх.

Мальчишка быстро метнулся по лестнице, поняв, о чем говорит его друг. И притащил четыре объемных бруска.

— Значит так! — объяснял план действий Ста'арх. — Сейчас мы поднимаем крышку насколько сможем. Затем я кричу: давай! Ты хватаешь этот брусок и суешь в щель, пока я держу крышку.

Тот кивнул, и они приступили к исполнению.

— Давай! — скомандовал Ста'арх.

От напряжения он не умышленно перднул, но друг его был проворным малым и ловко всунул брусок в щель. Облегченно опустив крышку, он заметил, что братья откровенно хихикают.

— Вы чего? — спросил Ста'арх.

— Да ты так громко перднул, что...что...это было так... — хохоча ответил старший.

Ста'арх насупился. Любому неприятно, когда над ним смеются. К тому же, когда ты выполняешь основную работу:

— Сам бы попробовал.

— Да нет. Я ничего такого. Просто...это правда было смешно, — смеясь, ответил приятель.

Так они по немногу открывали крышку, заменяя один брусок на другой более толстый и длинный. Наконец, обессиленные они смогли приоткрыть ящик настолько, что туда можно было пролезть.

— Я слишком большой, — решил Ста'арх. — Лезь ты.

— Слушай, а ведь Ма'рак еще меньше, — отозвался друг. — Его будет проще запихнуть в ящик и вытащить.

Ста'арх оглядел малыша послушно стоящего на мешке с зерном и державшим лампаду.

— Ты прав, — согласился он, забирая лампаду из рук младшего.

Но как только брат попытался подхватить Ма'рака для осуществления задуманного, малыш начал отчаянно сопротивляться, крича:

— Не хочу! Нет! Не надо!

Его мнения друзья не удосужились спросить. Боясь, что его крики кто-то услышит, старший брат сунул Ма'рака обратно на мешок:

— Ладно. Полезу я.

Малышу снова вручили лампаду, он шмыгал носом, видимо еще не много и он бы разрыдался от попыток брата засунуть его в ящик.

Ста'арх подсадил друга. Он ловко проскользнул внутрь, но ногой задел брусок. Тот соскочил с края и крышка захлопнулась. Ста'арх от удивления открыл рот, глядя на ящик. Сначала было тихо. Потом из ящика послышалось что-то похожее на вой. Затем вой перешел в ор. Его друг видимо орал на пределе его возможностей, но ящик глушил его вопли. Ста'арх посмотрел на перепуганного малыша с лампадой и в итоге решил попробовать поднять крышку один. Это было ошибкой. Его друг тут же схватился за край ящика. Несмотря на то, что Ста'арх был крупным и сильным мальчиком, долго держать крышку он не мог. Крышка упала обратно. Из ящика послышался крик, наполненный болью, который из-за щели стало слышно уже лучше. Ста'арх поднатужился и еще раз поднял крышку. Пальцы исчезли, крышка встала на место. Ста'арх стоял в растерянности. Что делать? Звать на помощь? А если звать, как выкрутится из сложившейся ситуации? Больше всего пугал гнев бабушки. Однажды он видел, как она избивала деда кочергой. А что она сделает с ним, когда узнает, что он своровал ключи?

«Надо вытаскивать братца Ма'» — решил Ста'арх.

— Я за топором! Разрублю этот ящик, — прокричал Ста'арх и кинулся наверх.

В итоге он притащил весь инструмент, что нашел в сарае. И теперь поочередно пытался то пилить, то стучать, то ковырять доски на ящике. За все время его трудов единственное,

что удалось, это проковырять щель между досками. И теперь старший братец Ма' мог их видеть.

— Не бойсь, — успокаивал друга Ста'арх. — Я тебя не брошу.

Настала очередь топора. Дед когда-то показывал, как им пользоваться. Ста'арх замахнулся изо всех сил, обух соскочил с древка и улетел в сторону полка с большими горшками. Раздался глухой звук бьющихся горшков и их обдало пахучей жидкостью, лампада погасла. Но как ни странно из щелей в ящике шел свет.

— Ма'ай, у тебя свет? — Ста'арх вглядывался в щель ящика.

— Да, — отозвался тот.

— Откуда? — поинтересовался Ста'арх.

Ма'рак в это время сполз с мешка и жался к мерцающему ящику с его братом внутри. Надо отдать должное выносливости и смелости этого малыша. Сам Ста'арх был готов разрыдаться от своей беспомощности в это время.

— Я не знаю, — ответил тот в щель. — Он просто появился, когда крышка захлопнулась. Вот так, пшик и все.

Неожиданно над головой Ста'арха тоже появился небольшой, мерцающий теплым светом шар, размером с большой орех. Они, как замороженные разглядывали огонек. Казалось, внутри мелькают языки пламени, но от него не было жара. Тут Ста'арх услышал приглушенные голоса старейшин, моментально забыв об огоньке. Оказывается, прошло столько времени, что родичи успели вернуться. Ста'арх напрягся и решил признаться другу:

— Ма'ай, что нам делать? Я устал. У меня не хватает сил вытащить тебя, но я боюсь просить бабу или деда нам помочь.

— Давай, отдохни. И попробуем еще, — отозвался друг. Ста'арх взглянул на младшего брата Ма'айя и тот, соглашаясь с братом кивнул.

— Ты знаешь, а у тебя здоровский брат.

— Да, он такой! — подтвердил старший из ящика. Ещё не много и в хранилище засветится еще один огонек, настолько довольным выглядел младший от их похвал.

Так они и сидели около ящика под светом теплого огонька, до них доносилось, как бабушка кричит в поисках внука, который так и не выполнил работу по дому, что ему поручили...

— Значит, тебя звать Маай?

Через туман в голове донесся до него голос. Он несколько раз моргнул, борясь с расплывающейся картинкой реальности. За столом напротив него сидел мужчина, что-то усилено жуя в ожидании ответа. Это не он, это она, скорректировал свою мысль Ма'Ай.

— Правильно — Ма'Ай, — хрипло поправил он произношение, чувствуя как из уголка, до этого, открытого рта стекает слюна. Он утерся. — Не надо растягивать. Ай — имя, Ма' — фамилия моей семьи...

— Твоё имя Ай? Тогда почему тебя называют Ма'Ай?

— Так принято, — ответил он. Если подумать, то он сам никогда не задумывался об этом и вопроса такого у него не возникало. Ма'Ай, Ста'Арх, За'Ар. И уточнил: — Так принято в Белом королевстве.

Он не заметил, каким образом стол перед ними оказался заставлен едой и питьем, но в данный момент его больше интересовало то, что сейчас он видел. Не просто видел, а вновь оказался там, будучи ребенком. Да он практически забыл об этом случае с ящиком.

— Что это было?

— Мы быстренько посмотрели твои воспоминания, — улыбнулся мужчина, и, постучав по своей голове указательным пальцем, добавил: — Это не очень хорошо сказывается на мыслительном процессе. Скоро отпустит. Светлячок? Так ты называешь свои огоньки?

Ма'Ай кивнул и мысленно вновь поправил себя — это не мужчина, это Ашран Квинламин.

— Представляешь! Они в своей сути, очень похожи, с моим синим питомцем, — восторженно вскинув брови на лже-лице, произнесла Ашран, поделившись своим потрясающим открытием.

Ма'Ай передразнил её мимику, и также приподнял брови глядя в ответ, не понимая, что она хочет этим сказать. Восторг с лица лже-мужчины пропал.

— Как бы объяснить проще... — пробормотала она, потирая подбородок и резко ткнув пальцем в Ма'Айя произнесла. — Кто-то создает синяков так же, как ты светлячков. Тебе не нужны заклинания для управления ими потому, что они являются частью тебя.

— Получается, у меня есть магия, но пользоваться я ей не могу. Меня, правда, прокляли?

Его замечание показалось ей ужасно смешным. Эльфийка рассмеялась так, что с нее слетела лживая личина. Он не понимал причины её смеха, но смеющаяся Ашран Квинламин была самой красивой женщиной в мире. Смеялась она звонко с упоением, беззаботно откинув голову, прищуривая глаза.

— Ма'Ай, ты нечто, — взяв себя в руки и восстановив внешность мужчины, заявила она. — Ты не умеешь использовать магию, потому что тебя никогда не учили ей пользоваться. Магии вокруг нас полно. Да что говорить, сама жизнь — это магия. Магия высокого уровня. Вот в этом и есть отличие видов магии, в сути и происхождении. Вот скажи мне, ошибусь ли я, предположив, что тот огонь, о котором ты говоришь, был разовой неконтролируемой тобой вспышкой?

Ма'Ай на секунду задумался и согласился:

— Так и было. Я не знаю, как это происходит.

— Абсолютно уверена ты не маг, — довольно объявила эльфийка, откинувшись на спинку стула.

Логика Ма'Айя дала трещину протяжным:

— Э-э-э?

Эльфийка в образе мужчины вновь рассмеялась, но на этот раз, не потеряв лживую личину. Вдоволь насмеявшись над его выражением лица, она таки соизволила пояснить:

— Ты не маг, а чародей. Ты не знаешь разницу? — поинтересовалась она.

— Я даже не знаю, что значит слово чародей.

Она потерла подбородок, собираясь с мыслями.

— Чародеи — носители магии, дарованной им при рождении. Никто не может научиться чародейству. Точнее, никто не может избрать путь чародейства. Сила сама выбирает носителя. Неконтролируемая, хаотичная сила. Чародею не нужны заклинания, покровители, амулеты. Единственное, что нужно — научиться контролировать врожденную силу. Данные силы не могут все время дремать. Чародейская магия требует использования и имеет тенденцию вырываться самым непредсказуемым образом, если ее игнорировать.

Она говорила так складно, по-умному, что действовало на Ма'Айя не хуже эльфийского очарования.

— А ты бы могла учить меня? — спросил он, чувствуя, как начинает покрываться румянцем.

Его спутник, опершись на руку, с прищуром рассматривал юношу. Когда Ма'Ай уже начал подумывать, что она так и не ответит, тот предложил:

— Давай, я покажу тебе свою лабораторию, но для начала всё-таки помоги мне с едой.

Она была заинтересована разговором с ним, словно не замечая простоту и необразованность. обширно отвечая на все интересующие его вопросы. На лёгкость общения влияло и отсутствие архаичного эльфийского высокомерия. Он испытывал к ней симпатию. Возможно, все это было воздействием эльфийского очарования, но ему очень хотелось ей верить.

Вход в лабораторию Ашран находился в переулке недалеко от торговой палаты. Именно в том переулке, где он когда-то ее не догнал и становился возможным благодаря использованию заклинания или чему-то подобному. Честно сказать, он не понял. Пройдя насквозь кирпичную кладку, они попали в недлинный коридор, освещенный магическими факелами, что вёл в круглое помещение с большим очагом живого огня в центре. Само помещение не было таким большим, но его стены, тянувшиеся ввысь, казалось, с каждым сантиметром становились все шире, а потолка и вовсе не было видно. Приглядевшись, можно разглядеть зависшие в воздухе над ними кости неведомого ему животного. Огромный череп животного будто наблюдал за крошечными созданиями внизу пустыми глазницами черепа, сжимая челюсти и щетинясь улыбкой узких, как иголки, зубов.

— Не всё иногда то, чем кажется, — с улыбкой ответила Ашран, предугадав его вопрос о том, как такое небольшое здание с улицы, может вмещать нечто столь огромное. Она вновь вернулась к своему естественному эльфийскому облику.

— Что это? — поинтересовался изумлённый Ма'Ай.

— Скелет одного из последних драконов, — вместо эльфийки ответил один из ночного квартета присутствующий здесь.

Он сидел в кресле и курил трубку, возле стеллажей с книгами. Ма'Ай понятие не имел кто такие драконы, но решил не уточнять.

— Разрешите, представлю вам моего гостя это Ай из семьи Ма'. Звать его Ма'Ай, — объявила она, привлекая внимания остальных мужчин.

— А это Румпель, — представила она первым мужчине с трубкой. — Как можешь видеть, он человек и уже не так молод по человеческим меркам, но его знания бесценны. Он знает практически все известные языки. Ему почти удалось окончить старшую школу магии. Я б рассказала, почему почти, но это слишком длинная история для сегодняшней ночи.

Она взяла его за руку и повела за собой к столу, за которым сидел светловолосый парень немногим старше Ма'Айя.

— Это Мори. Не обманывайся его внешним видом. Как и эльфы, он гораздо старше, чем выглядит. Изучал медицину, балансирование между жизнью и смертью, что привело его к изучению некромантии. Он талантливый создатель заклинаний. Одно из них мы и проверяли в тот вечер. А это Холгун, — представила она подошедшего к ним высокого мужчину крепкого телосложения и хмурым взглядом. — Он руководит службой решения дел. Иногда нам нужна его помощь, а иногда ему наша.

Представив всех, она вновь потянула его за руку, проводя мимо очага. Следуя за ней, он гадал, сколько же ей лет. Ему было известно, что эльфы могут жить сотни, а то и тысячи лет.

— Там, — указала она на проем ведущий куда-то вниз. — Находятся камеры, где мы

держим подопытных, как известный тебе синяк.

Она провела, через единственную дверь в этом помещении.

— Это мой кабинет, — объявила она, позволяя ему оглядеть уютную довольно большую двух уровневую комнату.

При входе взгляд сразу наткнулся на полки книг у дальней стены. Вдоль правой тянулся длинный стол с заставленными на нем бутылками и склянками, раскиданными листками и стопками книг. Слева расположился очаг по типу камина с широким диваном возле него. Дорисовывали картину несколько кресел и небольших столиков, в хаотичном порядке расставленных по комнате, а ковры лежали на полу, а не висели на стенах, в отличие от их дома. Что находилось на втором уровне, видно не было.

— Вы здесь живете? — предположил Ма'Ай.

— Вроде того, — улыбнулась она и указала на диван. — Присаживайся. Ты пробовал когда-нибудь настоящее эльфийское вино?

— Вам же известен ответ. Зачем спрашивать?

Она слегка рассмеялась, отходя к одному из нескольких столиков на котором стояла бутылка странной формы и бокалы, но возразила:

— Почему нет? Как я выяснила, ты можешь меня удивить, — вернувшись к нему с бокалами в руках, она села недалеко от него на диван, поджав одну ногу под себя, и протянула один из бокалов.

— Иногда печально, что здесь нет окон, — заметила она.

Ма'ай посмотрел через стекло бокала на жидкость в нем.

— Оно похоже на жидкое золото, как ваши глаза... — произнес он.

— Ма'Ай, — позвала она. — Прежде чем сделать глоток, вино необходимо вдохнуть.

Она поднесла бокал, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Ма'Ай последовал ее примеру. Этот горько-сладкий запах, запах его дома. Когда он открыл глаза, то встретился с взглядом золотистых глаз эльфийки.

— Потрясающе? — понимающе улыбнулась она.

Слов у него не было. Он сделал глоток, если бы запах цветов в сезон дождей превратили во вкус, такой же густой и насыщенный, вот таким и было это вино. Вкус ностальгии по дому, ему понравился.

— Если вы не делаете ничего противозаконного, то почему вы скрываетесь? — через какое-то время спросил он.

— Скрываемся?

— Эльфийки Ашран Квинламин не числится в городе. Я искал, — пояснил он. — В городе вообще не числится ни одного эльфа.

— Ты много не понимаешь, Ма'Ай. Неважно делаю я что-то плохое или нет. Мое существование находится вне закона. Ты ведь не понял, что я полукровка? Знаю, в Белом королевстве полукровок не бывает, но в остальном мире полукровок положено уничтожать.

— Тут ты ошибаешься, — отчасти весело заявил Ма'Ай, обнаружив, что она может ошибаться или чего не знать. — В Белом королевстве имеется полукровка, и я не слышал, что его собираются уничтожать. Из первых уст, так сказать, сама принцесса рассказывала.

Всё-таки ей было такое неизвестно, он видел на лице Ашран не скрываемое удивление. Хотя может её удивило его заявление о принцессе. Он испытал странный порыв всё-всё рассказать ей. Рассказать о побеге, как они попали к эльфам, о том, что произошло в пещерах и как попали сюда, но для начала решил заверить, что ее тайна в безопасности:

— Если это так важно, то можешь не беспокоиться, я никому не скажу о том, что ты полукровка.

— Ты и не вспомнишь Ма'Ай... — сказала она, вставая и забирая пустой бокал из его рук.

— Почему? — он удивленно посмотрел на нее снизу вверх.

— Как тебе вино, Ма'Ай? — вместо ответа спросила она, впервые за вечер, улыбаясь лишь правым уголком губ с легкой грустью в ее прекрасных глазах.

Возможно, ему просто показалось, подумал он. Ответ пришел сам, слабостью в теле, как в первые дни болезни, когда еще нет симптомов, но ты уже знаешь, что болен.

— Вы меня отравили? — спросил он. Он не хотел так думать, что Ашран, могла с ним так поступить.

— Я не убийца, Ма'Ай. Ты просто проснешься завтра и обо всем забудешь. Причем ты забудешь даже про меня и это, признаться, огорчает.

— Я не забуду! — не соглашаясь, вскричал он, вскакивая с дивана.

Он не хотел забывать о ней и о том, что она рассказала. Ведь за час беседы с Ашран он узнал больше, чем за год, проведенный с преумной Шивой. В отчаянной попытке придумать, что делать, его взгляд упал на кувшин со странным узким и длинным горлышком, где в плоском нутре плескались остатки вина, он схватил его.

— Ма'Ай! Успокойся! — воскликнула эльфийка, тоже схватившись за горлышко кувшина, в попытке его отнять.

Он почувствовал воздействие магии вложенной в слова, но они на него не подействовали. Она была выше его, старше, но физически он все же был сильнее. Он перетянул кувшин, выливая остатки на свою одежду.

Все закончилось тем, что его просто выставили в проулок, и кирпичная стена вновь превратилась в обычную кирпичную стену. Ему нужно домой. Шива умная, она все поймет. Он побежал к дому. Ему удалось пробежать большую часть пути, пока хватало сил бороться с охватывающей тело противоестественной слабостью. Он спешил. Контролировать тело с каждым шагом становилось все тяжелее. Ноги не смогли преодолеть ступени, ведущие вниз, к заливу, от чего он кубарем пролетел по ним.

Он едва не заплакал от счастья, когда обессиленный добрался до дверей кузни. Двери были заперты, а непослушные пальцы не могли найти ключ в кармане. Попытался стучать, но у него получилось лишь погладить дверь бессильной рукой. Он решил стучать всем телом, пока ноги слушают его. После второй попытки неуклюжего выноса двери он, наконец, завалился в дом.

— Ма'Ай, что с тобой? — озабоченно спросил Куран, открыв ему дверь. Он хотел помочь Ма'Айю встать, но тот упорно продолжал ползти к каморке, в которой обосновалась Шива.

— Шива... Мне нужна Шива. Шива!

Шива не заставила себя ждать, дверь у подножия лестницы распахнулась, явив себя в белой рубашке до пят с лампадой в руке.

— Куран! — вскричала она — Заткни его! Я только стала засыпать.

— Шива! — взмолился Ма'Ай, схватившись за подол сорочки девушки. — Вино...

Если бы ее волосы могли, как у кошки вставать дыбов, то они непременно, так и сделали.

— Ты нажрался вина и сообщаем это мне?! — зло спросила она. — А ну, руки убрал.

Она оттолкнула его ногой и с силой захлопнула дверь, что щепки полетели с косяков. На такой грохот выбежали остальные обитатели дома. Ста'Арх увидел своего друга в плачевном состоянии распластавшимся внизу лестницы, кинулся к нему. Без лишних слов он подхватил друга на руки, лишь вопрошая:

— Где ты так напился то?

Но к этому времени язык отказывался повиноваться. Ма'Ай столкнулся с обеспокоенным взглядом За'Ар, осознав, что не там искал понимания. Он протянул к ней руку, из последних сил прошептав:

— За'Ар... — и погрузился в темноту.

Глава третья. Путь долголетия...

"НАЧАТЬ ВСЁ С НУЛЯ ЭТО НЕ БЕЗУМИЕ. БЕЗУМИЕ — ЭТО ПРИТВОРЯТЬСЯ СЧАСТЛИВЫМ."
ИЗ ДНЕВНИКА В Б.С.ГОМАГА.

Утром он проснулся от приятного запаха пирога, доносившегося снизу. Он принялся. Пахнет сладко, начинка видимо, будет фруктовой. Как говорила матушка, счастье приходит в дом на запах пирогов. С тех пор как Ма'Рта стала работать у Лакорна, утренними пирогами их баловали лишь по выходным. Он хотел резво соскочить с кровати, но его остановила резкая боль в груди. Кряхтя, он осмотрел себя, обнаружив огромные синяки на ребрах.

— Где ж я так приложился... — озадачено протянул он.

Умывшись не так быстро, как хотелось бы, натянув простую одежду, поспешил вниз. Друзья, сидевшие за столом, встретили его откровенным удивлением.

— Жив, однако, — констатировала милая Шива.

— А чего такое? — поинтересовался Ма'Ай, пристраиваясь на лавке. За столом его видимо не ждали.

— Так ты ж вчера вусмерть напился... — пояснил Куран.

— Я? — Ма'Ай не верил своим ушам.

Единственный раз сильнейшего опьянения на его памяти случился по причине его злоупотребления настоем обезболивающего, что ему выдала За'Ар, и то не умышленно. Но серьезное выражение глаз друзей не обманывало.

— Бери пример с животных! — Шива указала на минотавра, развалившегося на коврик возле печи. — Нажрался — спи!

— Он не животное, — возразила За'Ар.

— Вот не начинай. Это к делу не относится, — отмахнулась Шива.

— Не помню, чтобы я вчера пил... — растерянно протянул он.

Алкоголь мог объяснить появление синяков и отсутствия воспоминаний. Но он был на удивление свеж, голова не гудела.

— Ты больше не видел Ашран Квинламин? — поинтересовалась Шива.

— Кого? — переспросил Ма'Ай, не расслышав. — Квинбульмуль?

— Забудь.

Больше к его персоне внимание не возвращалось. За столом разыгрывалось представление: За'Ар вооружившись пикой сарказма, уколола Шиву, затем ловко парировала защитную грубость и тут же удерживала булаву знаний, щитом жизненного опыта. Если честно, никто из них не мог выдержать агрессивного напора Шивы, кроме За'Ар. И так сложилось, что спор ради спора стал любимым развлечением девушек. Ма'Ай не вслушивался, что стало причиной на этот раз, его охватило непонятное ощущение. Так бывает, когда знаешь слово, понимаешь его значение, а сказать не можешь. Целый день он промаялся с этим ощущением. Лишь вечером решил поделиться с За'Ар своими мыслями, но ответов у нее не было. Универсальным способом решения проблем За'Ар было просто не обращать внимания или забыть.

— Но я и так не помню! — возразил Ма'Ай.

— Ну и хорошо.

Ма'Ай проснулся на рассвете, еще до восхода солнца, когда бледно-серое небо светлело. Сон сняло как рукой, поселив в душе тревожное чувство утраты. Ему снилась девушка. Она что-то рассказывала ему, но он не мог вспомнить ни слова и не мог припомнить её лица. Но её глаза, необыкновенного золотистого цвета, светящиеся озорными искрами и теплыми огоньками. Они манили и притягивали. Он прикрыл глаза. Стоило лишь погрузиться в воспоминания сна, как он вновь видел их, ощущал то, что чувствовал под их взглядом.

Соседняя кровать, на которой спал Ста'Арх, громогласно закрипела. Её владелец перевернулся на спину и стал довольно сильно похрапывать, разрушая картинку воспоминаний в голове Ма'Айя. Ма'Ай недовольно застонал, быстро ополоснул лицо в тазу и вышел из комнаты. В доме все спали. Он секунду подумал, и сопровождаемый светлячком поднялся по лестнице на крышу. Редкие звезды мигали слабым светом и исчезали на небосклоне. Холодело. Он успел пожалеть, что вышел, как спал в одних шароварах, но тут заметил одинокую фигуру, сидевшую на крыше, закутанную в одеяло. Она смотрела на морской горизонт, где расцветала белая полоса между небом и морем.

— За'Ар? — позвал он.

Девушка вздрогнула и обернулась. Когда они жили в Белом королевстве, она любила наблюдать за закатом солнца. Здесь же солнце скрывалось за высокими горами, накрывая город длинной тенью. За'Ар говорила: «Люди так торопятся жить, что у них просто нет времени смотреть на звезды.» Если подумать, то жизнь в Белом королевстве была более спокойной и размеренной, нежели в Верлиоке... Иногда он совсем не понимал её. Словно она знает нечто тайное, известное лишь ей.

— Не спится, — сказала она. — Захотелось встретить рассвет.

Выглядела она смущенной, будто он поймал её за занятием чем-то запрещённым. Она пододвинулась на подушке, освобождая ему место. Он сел, и она поделилась одеялом с ним.

— Меня сон разбудил, — сказал Ма'ай.

— Меня тоже, — улыбнулась она. — Что снилось? Что-то страшное?

— Нет. Наоборот, мне приснилась девушка.

— Грязные мыслишки? — засмеялась она.

— Вовсе нет! — воскликнул он. Почему-то было неприятно марать свои воспоминания об этом сне, чем-то подобным. — Я не помню весь сон, лишь ощущение...нежности.

Он подобрал нужное слово, от чего-то испытал неловкость и покраснел за такое признание. За'Ар не обратила внимания и он дополнил:

— А еще её глаза. Они такие красивые, золотые...

Они помолчали и он спросил:

— А что приснилось тебе?

Казалось, его вопрос не понравился ей. Он почувствовал, как она напряглась, сидя возле него, и лишь через время ответила:

— Мне приснилось, что мы все шли по улицам летающего города, я отстала и заблудилась... И никак не могла никого найти. Мне стало так страшно, казалось, я осталась одна навсегда. И никогда не найду его...

— Кого?

— Всех, — поправила она себя и добавила. — Неприятный сон...

Они снова замолчали, наблюдая, как небо окрашивается в лилово-розовые оттенки.

— Ты вспоминаешь о том, что произошло в пещерах?

— Почти каждый день, — глухо ответила она. — Не знаю, смогла бы я вообще спокойно

спать, если бы мы остались в Белом королевстве. Я очень рада, что нахожусь далеко от Белых гор, на другом конце света. В горах обитает нечто ужасное. Иногда, подобно безумию, мое ощущение того, что кто-то ищет меня... Я никогда не говорила, но в пещерах со мной произошло нечто похожее, как в тот день, когда я стала видеть Землю. Оно видело меня. И это оно находится там, в горе.

Он помнил. В юности они решили пробраться в городское хранилище вод, искупаться. Задумка удалась, в ту ночь им сопутствовала удача. Они уже собирались уходить, когда За'Ар потрясенно замерла и спросила у него:

«Ма'Ай, ты тоже её видишь?».

«Что?» — спросил он и посмотрел на небо, куда она указывала.

«Землю» — ответила она, а потом у неё случился припадок.

Её будто парализовало, а её губы повторяли лишь одно:

«Он видит меня. Он смотрит» — и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, то толком ничего и не могла объяснить. Позже при подобной доверительной беседе призналась, что видит некую планету под названием Земля.

— Знаешь, мне очень жаль, что когда ты рассказала о том, что видишь, я тогда не признался о своих светлячках. Может, я трус? Быть может, скажи я, ничего бы и не произошло. И нам не пришлось бежать.

— Чтобы это изменило? В Белом королевстве для простых людей магия под запретом. Ты вовсе не трус, Ма'Ай. Я бы тоже скрывала. То, что знают двое это уже не тайна, — улыбнулась За'Ар. — Нам бы следовало рассказать хоть кому-то о том, что скрывает Белая гора. Ума не приложу, кто бы с этим мог что-то поделать. Вся религия Белого королевства построена на лжи, как в прочем и все религии в целом.

Ма'Айя прошиб холодный пот. Только сейчас он осознал, что никогда не думал об этом. Он просто плыл по течению, шёл изо дня в день, ни о чем особо не задумываясь. А ведь там осталась его семья в двух днях пути.

— За'Ар, я хочу поступить в школу магии, — в который раз он признался ей в своем желании, но впервые его слова были облачены в чёткую решимость и не окрашены сомнениями. — Я должен научиться делать что-то большее, чем светлячков. Скорее всего, это случится не сегодня и не завтра, но как только я научусь, вернусь туда и всё там выжгу до тла.

Она посмотрела на него. Он боялся встретить её взгляд, но когда всё-таки решился посмотреть За'Ар в глаза, то обнаружил там понимание.

— Да, — поддержала она. — Шива тоже об этом постоянно думает. Я знаю, хоть она это и отрицает. Просто она такой человек, понимаешь? За её насмешками над тобой скрыто желание спровоцировать тебя на действия.

У За'Ар была удивительная способность понимать людей. Она всегда видела больше, смотрела глубже. Он так не мог. Легкая дымка, тянувшаяся по земле, дрогнула и стала рассеиваться. Подул легкий ветерок, наполненный свежестью рассвета, коснулся его носа и впервые не показался ему отвратительным, а наоборот вызвал ощущение радости. Огромный красный край солнца высунулся из-за горизонта, будто выплывая. Его заморозило солнце. Оно казалось, просто огромным в сравнении с тем, что он видел на небосводе днем. Все происходило так потрясающе медленно и в то же время быстро. Первые лучи осветили их уголок.

— Живет повсюду красота. Живет в рассветах и закатах. В лугах туманами одетых, в

звезде манящей, как мечта, — вдруг произнесла За'Ар.

— А ты еще видишь ту планету? — спросил он, через некоторое время.

Она посмотрела куда-то за него и ответила:

— Да. Всегда.

— Тебя это не пугает?

— Если я буду в ужасе, это чем-то поможет? — улыбнулась она ему в ответ, не согласиться с ней Ма'Ай не мог.

С той ночи, и каждую последующую ночь, ему начала сниться девушка. Во сне она что-то рассказывала, но на утро он не мог вспомнить ни слова, ни лица девушки. Но её глаза, они стали его наваждением. Эти глаза, необыкновенного золотистого цвета, светящиеся озорными искрами и теплыми огоньками. Они притягивали и манили, став практически родными. Ему хотелось видеть их снова и снова. Стоило лишь погрузиться в воспоминания сна...

Ма'Ай как раз прокручивал это в своей голове по пути домой, когда его взгляд упал на парня, подпирающего стену впереди. Тот пристально смотрел на него, скрестив руки на груди. Он был выше и, видимо, на несколько лет старше. Его лицо можно назвать красивым и утонченным, в отличие от простецкого с носом картошкой лица Ма'Айя. Дело было не в этом. Он до безумия казался знакомым.

— Рад тебя видеть, — произнес парень, когда Ма'Ай подошел ближе. Ма'Ай засомневался, к нему ли тот обращается, но на улице никого больше не было. — Ашран была уверена, что вспомнишь.

— Мы знакомы?

— Я надеялся, увидев меня, ты вспомнишь. Видимо, переоценил твои возможности.

— Я не понимаю, о чем вы?

— Уже поздно. Я знаю, Ашран обо всем догадалась.

Повстречавшийся незнакомец не отвечал на его вопросы, а сам Ма'Ай ничего не понимал. Это пугало. В этом городе полно сумасшедших людей. Сунув руки в карманы, Ма'Ай решил продолжить путь, игнорируя парня. Он успел сделать несколько шагов, как его мир пошатнулся и погрузился во тьму.

Сознание вернулось вместе с адской болью в затылке. Ма'Ай хотел потрогать голову, но оказалось, что не может пошевелить руками. Обнаружить себя в каком-то запущенном подвальном помещении, крепко привязанным к столу — дело шокирующее. Он огляделся в свете магических фонарей, натолкнувшись взглядом на парня, что повстречал на улице.

— Где я? — первое, что пришло ему в голову.

— Быстро очухался, — заметил парень, продолжая что-то перебирать вне поля зрения Ма'Айя. — Здесь я иногда обитаю в тайне от Ашран. И, конечно, здесь провожу свои опыты.

— Да я понятия не имею, что ты несешь! — вскричал Ма'Ай пытаюсь освободиться. — Кто ты вообще такой?!

Парень двинулся к нему, он катил перед собой стол с какими-то инструментами:

— Так ли, Ма'Ай? А ты попробуй, — предложил он ему.

Стоило ему это сказать, как перед глазами Ма'Айя замелькали сумбурные картинки... проулок, дождь, торговец Лу Март... Он всё вспомнил, но понимания это не принесло.

— О! Вижу, таки смог. Так будет легче, — одобрил парень, заглядывая Ма'Айю в глаза. — Понимаешь, я не успел довести до ума заклинание, а Ашран обо всем догадалась.

— О чем? — с холодеющим опасением спросил Ма'Ай.

— О том, что я убивал их, чтобы испытывать заклинания. Теперь она мне не позволит, — немного грустно добавил он. — А я ведь всё делаю ради неё, но она не понимает. Ашран мой свет.

— Но при чем, тут я?! — в отчаянье вскричал Ма'Ай.

— Ты ведь хотел, чтобы Ашран позволила тебе остаться в ее лаборатории? — поинтересовался как бы между делом парень. — Ты надеялся, что тебя обучат и все объяснят? Зря! Все просто болтаются без дела. Один я работал днями и ночами. Работа всегда захватывала меня. Это ни работа, ни магия. Это искусство...

Сказав это, он схватился за ворот рубашки Ма'Айя и резко рванул в стороны, оголив грудь. В его руке появился инструмент похожий на шило.

— В этот раз, я уверен. Нужно лишь немного дописать, — пояснил он и принялся выводить полосы на груди Ма'Айя.

Ма'Ай закричал. Отчасти в надежде, что его кто-то услышит, отчасти не в силах сдержаться из-за обжигающей боли. Толстое шило раздирало его плоть чуть ниже ключицы, периодически недовольно скрипя, задевая кости. Закончив выводить кровавое ожерелье, парень с удовлетворением осмотрел свою работу. В голове у Ма'Айя кружило сотни встревоженных мыслей, но всё же, он ничего не понимал. Он даже не помнил имени этого парня!

Парень хотел сказать Ма'Айю что-то ещё, но его прервал далёкий грохот.

— Нас кто-то решил потревожить, — пояснил парень. — Знаешь, мой отец охотник и успел научить меня ставить ловушки, но я их усовершенствовал. Так что можно не беспокоиться никто не придёт... живым.

Он обошел стол, сложил ладони на лоб Ма'Айя и принялся монотонно произносить слова, состоящие из шипящих гортанных звуков. Воздух вокруг засветился знаками, а буквы, выцарапанные на груди, стали жечь насквозь. Он старался терпеть, но не выдержал и закричал, надрывая горло. Слезы ручьем хлынули из его глаз. Беспомощный. Единственное, что он мог молить о помощи в глубине своей души.

— Эфраит! — сквозь боль услышал Ма'Ай.

Одно слово, отозвалось приятным послевкусием внутри него. И всё задрожало. Воздух. Стены. Стол, на котором лежал он. Невидимый пузырь, сжимавшийся вокруг него, лопнул, и всё прекратилось. Парень убрал руки с его лба и теперь держал большой кинжал прямо над Ма'Айем, но смотрел не на него.

— Мори, — голос эльфийки. — Опустит. Прошу, давай поговорим. Ты просто запутался.

Она обращалась к парню нежно, почти ласково. Дальше Ма'Ай не видел, что произошло, лишь услышал, как что-то глухо упало на пол. В поле его зрения появилась Ашран в платье сплошь залитым кровью. Её насквозь пронизывало древко похожее на копье, слегка поморщившись, она потянула, вытаскивая его из своего тела, и равнодушно откинула прочь. Деревянным звуком оно откатилось прочь. Она прошла мимо, лишь мельком, глянув на Ма'Айя.

— Мори, Мори... — донеслось до него. В ее словах чувствовалась горечь. — Ну, зачем?

Вскоре она вернулась к Ма'Айю, освободила его от пут. Они оба молчали. Он сел, растирая затекшие руки.

— Ты как? — спросила она.

— Я все помню, — объявил он.

— Подожди. Не двигайся, — приказала она, и приложив руки к его ранам, закрыла глаза.

Он почувствовал приятное тепло, и как боль уходит. Она лечит его, догадался Ма'Ай. Парень по имени Мори лежал рядом на полу. Из его живота торчал кинжал. Лужа крови растекалась под ним.

— Это нож из квебрита — проклятой стали межмирья. Раны от него нельзя вылечить. Они не заживают.

Он осмотрел ее платье, сплошь покрытое рваными дырами с белевшей кожей внутри них.

— Ты себя вылечила тоже?

— Что же мне с тобой делать? — задумчиво протянула эльфийка, игнорируя его вопрос и спросила, обращаясь к нему: — Ма'Ай, сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Совсем мальчик, — отметила она, прежде, чем сказать. — Однажды я умерла и с тех пор не могу умереть. Поверь мне, я хотела. Я живу уже столько, что сбилась со счета еще тогда, когда уже не считала время годами.

В ее глазах он увидел не только теплоту по отношению к нему, но и мерцание тоски. Похожая тоска охватывала его при мыслях о родной деревне и семье. Нет! Он ошибся. Это некое другое чувство, которое Ма'Ай не мог осознать до конца. Словно она много-много раз уже видела подобное тому, что произошло в этом подвале сегодня. Это не тоска, а усталость от самой жизни. Ашран выглядела так, будто ей очень-очень плохо и тошно от самого её существования, и она задыхается внутри себя. Смысл жизни — очень коварная конструкция. Он как воздух, пока есть, его не замечают. Сил нет сказать, какое горькое чувство захлестнуло его, и он порывисто прижал ее к себе, утешая. Если и есть оправдание его собственной жизни, решил он, то это помочь другому, чтобы он не так мучился:

— В жизни нет никакого смысла. Смысл в том, чтобы найти себе, чем заняться, — произнес он.

— И откуда в юной голове столь глубокие мысли? — тихо произнесла эльфийка, уткнувшись лбом в окровавленное плечо Ма'Айя,

— Они не мои, так говорит За'Ар, — признался тот. Ему показалось, Ашран плачет и старается делать это беззвучно, поэтому продолжил говорить то, что приходило в его голову, позволяя ей выплакаться. — Она любит раздавать советы. Ты, если захочешь, можешь обучить меня магии, например. Эгоистично с моей стороны, но я бы очень хотел сделать это моим смыслом. Эгоист — это человек, который думает только о себе. Это тоже говорит За'Ар. А Шива обзывает так любого, кто не делает, как она хочет...

Когда они вернулись в лабораторию, на ночь глядя, с головы до ног покрытые запекшейся кровью, Румпель позволил себе заметить, что все предсказуемо, учитывая помешательство Мори. И выглядел он при этом не особо опечаленным. О событиях, произошедших в ту ночь, они с Ма'Айем больше не разговаривали. Не обсуждали они и смерть Мори, так же, как и признание Ашран в бессмертии. Честно сказать, Ма'Ай и не горел желанием поднимать эти темы. Он предпочел воспользоваться советом За'Ар и сделать вид, что ничего такого не было.

Во всем этом была и положительная сторона. Ашран разрешила не только посещать свою лабораторию, но удумала открыть лавку мага Белого королевства в городе, чем привела

Ма'Айя в ужас. Он сомневался, что ему хватит представительности и таланта изображать из себя опытного мага. Она лишь отмахивалась, заявляя, что ему не стоит об этом беспокоиться, мол, люди не умеют отличать настоящие вещи от ненастоящих. Она приступила к его обучению, но, к сожалению, он не был талантливым учеником. Обнаружились огромные провалы в его знаниях, которые приходилось заполнять Румпелью.

— Известно ли вам, молодой человек, — вещал тот, чем-то напоминая старика Ва'Но, что обучал детей письму в их деревне. Румпель также сцеплял руки за спиной, важно расхаживая под взором безглазого дракона, но, в отличие от старика Ва'Но, записи делал не на песчаном полу, а в воздухе светящимися знаками. — Знающие люди называют мир, окружающий нас, и все земли, известные нам — Айёлом, миром трех Лун...

— Почему...? — не успевал Ма'Ай озвучить свой вопрос, как его рот запечатывался заклинанием тишины, и его прожигал возмущенный взгляд умного мужа.

— Румпель, ты слишком строг к нему. Порой, мне думается, никто не знает в мире столько, сколько не знает он, — приходилось вмешиваться Ашран. Легким прикосновением к его губам она снимала заклинание, позволяя задать вопрос.

— Почему три? Их же две.

— Когда произошло столкновение миров, некоторые из них имели луны. Доподлинно известно о белой луне в твоём королевстве и красной эльфийской луне. Каждую ночь на небо выплывает еще одна, черная, как сама ночь, и видимая лишь эльвирам. К тому же Айел считается миром погибших богов, — пояснила Ашран и замерла, задумчиво потирая подбородок пристально глядя на Ма'Айя. — В этом мире ничто не может исчезнуть бесследно, мир до сих пор сотрясается. И сила богов тоже должна остаться...

Она прервала свою речь, будто вспомнив о чем-то важном, и убежала в кабинет. После этого к его занятиям добавились вылазки в горы, окружавшие Верлиоку. Там ему было велено медитировать, то есть учиться концентрировать размышления, погружившись в свои внутренние ощущения. Ма'Ай искренне старался быть прилежным учеником, но его мысли против воли возвращались к Ашран. Тогда он наблюдал за ней из полуприкрытых ресниц. Она ожидала его, сидя в повозке в любимой позе — поджимая под себя ноги. Ашран предпочитала простые платья с длинными рукавами теплых цветов, сейчас это был оттенок светло-горчичного цвета. Длинные волосы, по обыкновению собранные в хвост, трепал легкий ветер. Руки сложены на коленях, глаза прикрыты. Ма'Ай лишь гадал, о чем она могла думать с таким умиротворенным выражением лица. Солнечные лучи отражались от её светлой кожи, придавая золотистое сияние. Он любовался ей не из плохих побуждений, а по типу того, как когда-то в детстве любовался статуей богини Анкалеме.

«Анкалеме — белая богиня, а Ашран — золотая богиня» — заключил Ма'Ай.

Незаметно для него прошло почти два месяца. Ма'Ай оставил работу в охране города и стал учеником Ашран. Они довольно ладно общались. Ма'Ай беспрекословно слушался эльфийку, выполняя все её поручения. Она в свою очередь заботилась о нём, как о ребенке, чем иногда невольно смущала. Если он задерживался в лаборатории допоздна, Ашран разрешала оставаться на ночь на длинном и широком диване в её кабинете. Как оказалось, на втором уровне находились её покои. Помимо обучения, они могли вести беседы о чём угодно, иногда под столъ полюбившееся ему эльфийское вино.

Всё чаще днём они обедали в «Сказках русалках», где к ним присоединялись Холгун и Румпель. Румпель чаще выглядел задумчивым и, несмотря на строгость в обучении, к

Ма'Айю относился довольно тепло. Даже всегда чем-то сердитый Холгун почти не сердился на Ма'Айя, лишь изредка вздыхал, замечая, что простота хуже воровства.

В один из дней, когда они обедали, к их столику подбежал мальчишка. Он был одет в домотканые брюки и рубашку, в накинута сером плаще с гербом одной из приютских школ. Ма'Ай видел таких. Их было довольно много на улицах города. Приютские школы зарабатывали на доставке писем и посылок по городу. С лёгким поклоном он вручил Холгуну записку и, получив монетку за работу, удалился.

— Что там? — поинтересовалась Ашран. Холгун развернул записку, и быстро пробежав глазами по тексту, озвучил:

— В семье Лутаро утром произошла кража. Обещают любые деньги и просят о встрече, — и кинул записку на тарелку, где она вспыхнула под его взглядом, превращаясь в пепел.

— Ма'Ай, что скажешь, хочешь заработать? — с улыбкой поинтересовалась Ашран глядя на него. — Познакомишься с работой службы решения дел.

Конечно, он был не против, но чем он мог помочь не предполагал, отчего просто кивнул соглашаясь.

— Украли что-то особо ценное, раз это является бесценным для семьи. К тому же обратились на прямую к главе службы решения дел.

Глава четвертая. Дела открывая

«ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ТАЙНА НЕ СООБЩАЙТЕ О НЕЙ НИКОМУ, КОГДА ЕГО ЗНАЮТ ДВЭ ЭТО УЖЕ СЕКРЕТ В РУКАХ КАК МИНИМУМ ДВУХ» ИЗ ДНЕВНИКОВ БОСНИЙСКОГО МАГА.

Сразу после обеда они выдвинулись в ткацкий район на окраине города, где жили довольно состоятельные люди. На своих землях за горами они выращивали овец. Центром ткацкого района были производства по обработке шерсти, изготовлению тканей, красок и прочего. Следующим полукругом располагались дома рабочих — каменные строения в три, а то и в четыре этажа, где могло проживать до десяти семейств. И уже ближе к городу располагались дома хозяев.

Нужный им дом был в три этажа из такого же серого камня, что и прочие в городе. Отличало лишь нанесение узорчатой резьбы на камне как украшения. Дверь им открыла девушка, по виду моложе Ма'Айя. В простом красно-коричневом платье. Увидев Холгуна в одеждах службы решения дел, её лицо просветлело, и она с улыбкой заметила:

— Я рада, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу. Прошу проходите!

Более богатое убранство дома Ма'Айю случалось видеть лишь в доме Лакорна. Богатство выражалось в огромном количестве дорогой древесины в отделке интерьера и с избытком заливающим первый этаж свете магических фонарей. Его спутники Холгун и Ашран в виде мужчины, отчего молчали ожидая.

— Я владелица Вивиан Лутаро, — пояснила девушка. — Мои родители умерли, и я достаточно взрослая, несмотря на внешний вид.

— Тогда вы расскажете нам, что произошло? — спросил Холгун, без лишних вступлений.

— Идёмте, — сказала девушка и двинулась к лестнице, ведущей на второй этаж. — Меня ограбили. Понимаете, я с двенадцати лет каждый день работаю на ткацком производстве. Контролирую всё и работу, и документы. Мне сегодня не спалось, и я решила задержаться дома, доспать.

Рассказывала она, поднимаясь по лестнице. Остановилась около двери справа от лестницы на втором этаже. Она поискала ключ в связке, отворила. За дверью оказался рабочий кабинет с полками книг и большим письменным столом.

— Когда я проснулась, солнце было в зените. Не знаю, что привлекло мое внимание, но дверь кабинета была не заперта.

Она подошла к одной из полок с книгами, что щелкнула и полка отъехала в бок, открывая небольшую кладовую.

— А здесь, — она указала внутрь. — Был этот человек! Я взяла кочергу. Хорошо, что камин расположен возле входа и огрела его по голове. Наверное, слабо. В следующую минуту он кинулся на меня, прижал к стене и сказал: если пикну, то он убьёт меня. Отшвырнул в сторону и убежал. Я пыталась ему помешать, но я слабая девушка в сравнении с ним. Меня ограбили белым днем, и ушли через парадный вход! А я ничего не могла сделать.

Голос её дрогнул, глаза заблестели от слез.

— Вы были одна в таком большом доме? — искренне удивился Ма'Ай и тут же смутился за позволенную себе вольность.

Девушка мило улыбнулась.

— В нашей семье не принято держать обслугу. Да и к чему? Основное время мы проводим вне дома, либо на производстве, либо на полях. Есть приходящая повариха и горничная, но они пришли уже после ограбления.

— Что всё-таки украли? — спросил Холгун.

— Семейную реликвию, — ни капли, не раздумывая ответила она, безоговорочно веруя в их помощь. — Золотая статуэтка. Она небольшая в две ладони.

— Больше ничего не взяли? — поинтересовался Холгун, взяв в руки золотую чернильницу со стола. — В доме полно других ценностей.

— Статуэтка не просто золотая, она магическая и является артефактом. Думаю, её ценность на черном рынке будет существенной.

— В чем суть магического устройства? — спросила Ашран.

— Я не знаю. Она досталась мне от бабушки, а я не владею магией в отличие от неё.

— Откуда у неё статуэтка? — продолжала Ашран.

— Ей подарил дедушка. Моя бабушка умерла, когда мне было двенадцать лет. К сожалению, в детстве мне не пришлось задавать вопросы, о её происхождении, — развела руками девушка. — Но ценность её велика для семьи, то есть меня. Так что я заплачу любые деньги, а они у меня есть. Я не знаю, что подумать. Ключ от кабинета есть только у меня, и об устройстве тайника в шкафу знаю лишь я, понимаете?

Девушка выглядела милой, честной и очень симпатичной. Ма'Ай даже залюбовался ей, пока она говорила. Поймав его взгляд, она вновь ему улыбнулась. Он смущенно покраснел и опустил глаза в пол. Когда же оторвал взгляд от носков сапог, то встретился с насмешливыми светло-кариими глазами Ашран. Он смутился окончательно и не запомнил, что же еще рассказывала девушка.

Они спускались по лестнице, когда дверь распахнулась, и в дом вошёл мужчина средних лет. Он напряженно замер, но увидев форму службы решения дел облегченно выдохнул:

— Спасибо, что пришли так быстро.

— Это мой дядя Герро, — пояснила девушка.

— Почему не вы стали наследником? — в лоб спросила Ашран.

Мужчина слегка смутился, но вместо него ответила девушка:

— Это решение моей бабушки, но мы дружная семья. Поверьте, это никак не повлияло на нашу жизнь.

Холгун хмуро посмотрел на неё и перевел взгляд на Герро:

— Где вы были, когда произошло ограбление?

— Как обычно на полях, — ответил Герро и звучало это вполне правдиво.

Они покинули дом семьи Лутаро, обещая поймать вора и по окончании дела объявить стоимость за оказанные услуги.

— Хорошая девушка, — зачем-то заметил Ма'Ай.

— Может и так, — согласился Холгун и пояснил: — Ткацкий район — один из самых благополучных районов. Владельцы хорошо платят охране города. Сюда не пропускают посторонних. Странно, что вор смог так спокойно уйти. Я поговорю с охраной, может, кто что видел.

Они действительно шли по улицам, где, к его удивлению, и прохожих было не так много. Большинство из них хорошо одетые люди спокойно возвращались домой. Периодически им на встречу шли патрули службы охраны.

Ашран согласно кивнула и добавила:

— Странно и то, что в огромном доме нет обслуги. В любом другом их будет целый отряд. Они могут себе позволить, но не нанимают людей.

Ма'Ай не мог не согласиться. Припомнив, что в доме Лакорна один человек встретил их на улице, другой в доме, третий проводил в кабинет хозяина, ещё одна девушка принесла закуски и это только те, кого он припомнил. Да, слуг в доме Лакорна был рой! Вскоре Холгун попрощался, и они продолжили свой путь вдвоем с Ашран.

— А ты ей понравился, — заметила Ашран.

Сказала это так внезапно, что Ма'Ай с ужасом ощутил горячую волну, нахлынувшую на него и накрывшую с головой, оставив после себя неясное чувство стыда и неловкости. Ашран, казалось, забавляла его реакция.

— Да, с чего бы? — только, и смог растерянно выдавить из себя Ма'Ай.

— Ну почему бы и нет? Ты довольно милый.

От очередного комплимента в его адрес Ма'Ай подумал, что еще чуть-чуть и он вспыхнет. Он физически ощущал, как горит его лицо. Умом он понимал, что Ашран нашла весёлым провоцировать его реакцию, но противостоять этому он не мог. С трудом взяв в себя в руки, он таки сумев возразить:

— Ты это специально говоришь, — в голосе звучала легкая обида. — Я простой крестьянский сын, разве я могу понравиться... такой красавице...

Он едва не закричал, когда широко улыбаясь Ашран спросила:

— Значит, Вивиан Лутаро — красавица?

Из-за волнения он совершил фатальную ошибку, подкинув Ашран пищу для издевательств. От полной потери лица его спас внезапный удивленный оклик:

— Ма'Ай?

Он повернулся. Анкалиме свидетель! Он никогда не был так рад видеть За'Ар. Ма'Ай радостно подбежал к девушке и схватил за руку:

- Я провожу За'Ар до дома! — бросил Ашран Ма'Ай, стараясь не смотреть на неё, и поспешил прочь.

Он так торопился, что За'Ар начала прихрамывать, едва поспевая за ним. В какой-то момент ей это надоело, она выдернула руку и возмущенно воскликнула:

— Хватит меня тащить!

Ма'Ай выдохнул. Ашран видно не было. Накал страстей спал.

— Прости, — сказал он.

За'Ар смерила его недовольным взглядом:

— Фух! Что на тебя нашло?

Ну, как это объяснить? Да и признаться стыдно! Почему рядом с За'Ар или Шивой он чувствует себя спокойно, а с любимыми другими девушками его частенько охватывает такое волнение, что мыслить тяжело? Что же ему с этим делать? Заметив, его тревогу, она не стала настаивать на ответе.

— Пошли домой, — бросила За'Ар и двинула по мостовой, он поспешил за ней. — Я смотрю ты в форме службы решения дел? А Шива, говорила, что туда не берут, кого попало. Жду подробностей. Как туда ты попал?

— Это долгая история...

— До дома больше получаса ходьбы. Можешь начинать рассказывать свою великолепную историю, — велела За'Ар.

Так или иначе, он все-таки рассказал За'Ар всё с самого начала, а закончил кражей и поиском артефакта. Не позабыв взять обещание сохранить всё в тайне. Слову За'Ар он верил. Они уже спускались по высоким ступеням, ведущих к заливу, когда За'Ар заключила:

— Это дядя.

Ма'Ай даже остановился:

— Что?

— Кражу статуэтки организовал дядя, — уточнила она. — Я была в ткацком районе, это действительно самый безопасный район в городе. Понятно, что он совершил это не сам. В Верлиоке всё покупается и продается. Я больше, чем уверена, он кому-то заплатил. Возьмите его на понт.

— Понт? — переспросил Ма'Ай, не совсем понимая значение слова.

— Я так понимаю, ограбление пошло не по плану и девушки не должно быть в доме. Вам нужно подослать человека, кто представится поделником вора и потребует дополнительной оплаты, — объяснила она.

Ма'Ай отчасти завидовал сообразительности За'Ар. Быстроте понимания всей ситуации. У За'Ар не было сотен лет, имевшихся у Ашран, или начитанности Шивы, но она обладала той удивительной жизненной мудростью. Ему, конечно, было интересно, где она успела ею разжиться, но он удерживал себя от вопроса. Что-то подсказывало, что она вряд ли ответит, а их близость это нарушит.

Ночью ему не спалось. Хотелось как можно скорее сообщить о предложенном плане Ашран. Перехватив что-то с оставшегося ужина, он поспешил в лабораторию и застал Ашран ещё растрепанной и в халате:

— Во имя всего святого! Ма'Ай, солнце хоть взошло? — проворчала она.

Даже слушать его не стала. Велела заварить чаю, а затем нагрозила домашними делами вплоть до прихода Румпеля. И лишь потом позволила рассказать о плане предложенном За'Ар.

— Я волен согласиться с этой девушкой, — кивнул Румпель, выслушав озвученное им предложение За'Ар. — Только есть одна проблема — он видел всех вас.

— Я даже не знаю, стоит ли привлекать к этому делу кого-то ещё... — задумчиво потерла подбородок Ашран, принимаясь расхаживать возле очага. — Я более чем уверена, с этой семьей что-то не так. Правда, пока не могу понять что именно.

Румпель, сидевший в своем кресле, раскурил трубку, сделал глубокую затяжку. И тут его будто осенило.

— О! — Воскликнул Румпель.

Торопясь выразить мысль, посетившую его голову, отчаянно закашлялся, подавился дымом, что не успел выдохнуть. Ашран подскочила к нему, пытаясь одновременно постучать по спине и заглядывать в глаза, наполнившиеся слезами. В итоге выхватила трубку и со злостью выкинула ее прочь:

— Она тебя в могилу сведет раньше времени!

Румпель кашлять перестал. Замер в кресле. Он пораженно уставился на Ашран, та виновато сконфузилась. Задабривая, погладила по голове и вприпрыжку кинулась за трубкой, что выкинула. Со стороны это выглядело настолько смешно, что Ма'Ай не выдержал и начал смеяться. Видит Анкалеме! Сдержат можно всё: слезы, боль, злость, но смех сдержать невозможно! К нему присоединилась Ашран. Когда их, наконец, попустило, Румпель поинтересовался:

— Ну что, молодые люди, я вас вдоволь повеселили?

— Прости Румпель, — примирительно сказала Ашран. — Что ты хотел сказать?

Румпель сменил гнев на милость, достал коробочку, в которой носил табак, и принялся набивать трубку:

— Как насчёт амулета Томбора?

Ашран прищурилась, раздумывая, но Ма'Ай ничего не понимая уточнил:

— Что за амулет Томбора?

— Брат моего прадеда Томбор. Даже не знаю, как тебе объяснить... Иногда меня мучает вопрос, как вас в Белом королевстве делают таких наивных, — вздохнул Румпель, всё-таки решив поведать эту историю Ма'Айю. — Так вот! Томбор имел некие наклонности и попал под влияние тех районов города, где не ведет патрулирование охрана города. Ты, наверное, там и не бывал?

Ма'Ай отрицательно покачал головой.

— Томбор любил мужчин, — заключил Румпель. — Будучи талантливым изготовителем, он создал амулет по уровню достойный эльфийских мастеров. Амулет Томбора способен из мужчины сделать женщину, а женщину превратить в мужчину. Не просто создать иллюзию, как чары Ашран, а полностью изменить сущность.

Зря Румпель думал, что Ма'Айю ничего неизвестно об этой стороне жизни. Он был знаком с подобной историей, о тёмной стороне людей, которую они скрывают. Ещё давно За'Ар просветила их поведала о любви мужчин к мужчинам. Жаль, он тогда не поинтересовался, откуда ей было известно о таком. Умом он понимал, но глубинно осознать не мог. Зачем любить мужчин, когда есть такие чудесные и прекрасные женщины, как Ашран. Сегодня она впервые была в нарядном платье тёмно-зелёного цвета с золотой вышивкой. Вышивка сказочно переливалась в свете огня от очага. Длинные волосы, собранные в высокий хвост, оплетены золотой лентой. Тонкая шея скрытая высоким воротником платья. Длинные ушки Ашран украшали серьги каффы со свисающими желтыми камнями. Красавица! У него сдавило грудь. Вдруг стало трудно дышать. Он просто не мог отвести взгляд от неё.

— О чем задумался? — спросил Холгун.

Ма'Ай вздрогнул, не заметив его появления.

— Ни о чем, — буркнул Ма'Ай и поспешил ретироваться в уборную, схватив вёдра, оставшиеся от уборки.

Амулет Томбора представлял собой довольно простую вещь. Небольшой тёмно-красный камень в оправе из серебра. Но, как сказала Ашран, сам камень изготовлен из крови Томбора. Все камни, изготовленные таким способом, имели подобную окраску. Осталось решить, кто будет представляться подружкой вора. Первым выбрали Холгуна. Едва он надел амулет, по его телу прошла магическая волна. Они пораженно замерли. Более страшной женщины Ма'Айю видеть не приходилось. Он даже на женщину мало походил вообще. Все тот же длинный острый нос, квадратный подбородок, крупное мускулистое тело. Изменения коснулись лишь волос, что теперь нечесаными патлами спадали на плечи, да появления двух небольших холмиков на его груди.

— Холгун, ты кошмарная женщина, — заключил Румпель.

Настал черед Ма'Айя примерять магическое украшение. Когда он надел амулет, то ничего особо не почувствовал, никаких изменений. Ма'Ай посмотрел на окружающих. Ужаса в глазах заметно не было. Он попытался оглядеть себя, взгляд уперся в грудь. Просто

огромную грудь! Таких размеров, что он ног не видел за ней. Глаза расширились от удивления, стремясь к диаметру блюда. Он даже пощупал. Настоящая! И кинулся в кабинет Ашран, где на стене висело зеркало в полный рост.

Увидев себя в отражении, он просто потерял дар речи. Смотревшая на него из зеркала девушка была на удивление миловидной, лишь отдаленно напоминала самого Ма'Айя. Она больше походила на Ма'Рту.

«Только в разы красивше» — подумал Ма'Ай.

Он бы сказал, что он очень даже ничего в женском обличье! На нем была вчерашняя форма службы решения дел. Рубашка сильно приподнялась из-за объёмной груди, оголяя живот. Большие темные глаза в обрамлении густых ресниц. Нос теперь был маленьким и кругленьким, да и пухлые губы казались более уместными на женском лице. Всю эту красоту обрамляли длинные мягкие волны волос. Было желание проверить наличие или отсутствие неких мужских атрибутов в штанах, и он не сдержался. Там было пусто!

— Вот бы ребята видели! — пораженно воскликнул Ма'Ай женским голосом и поразился второй раз.

Стоит ли удивляться тому, что «роль» досталась ему. Ашран подобрала одно из своих платьев, укоротила длину и сейчас занималась тем, что перешивала лиф, подгоняя размер.

— У меня не получится! — в который раз повторил Ма'Ай.

— Тебе просто нужно притвориться. В этом нет ничего сложного. Тебе необязательно быть собой, — приободряла Ашран.

Как он не отговаривался, все закончилось тем, что вот он стоит в ткацком районе под морозящим дождем, в перекроенном Ашран платье, кутаясь в плащ. Он ломал голову над тем, как же ему себя вести, что говорить. Легко говорить — притворись. А что делать, если ты об этом никогда не думал? Вот Шива с таким справилась бы на раз. Ничто не могло помешать ей, получить желаемое.

— Эй, дядя! — крикнул Ма'Ай, подражая дерзкому и уверенному голосу Шивы, немного выйдя из переулка.

Герро Лутаро бросил на него взгляд и отвернулся.

— Дядя Герро! — громче позвал Ма'Ай вызывающим девичьим голосом. — Если вы не хотите, чтобы я поговорила с вашей племянницей, то советовала бы подойти сюда!

Он остановился, посмотрел на него ещё раз и подошел.

— Кто вы?

— А ты подумай, напряги мозг, — вскинул бровь Ма'Ай, дерзко сверля взглядом мужчину.

Он явно занервничал, заметил Ма'Ай.

— Это он...он вас послал? — дрогнувши голосом спросил дядя Герро, и почти умоляя произнес: — Прощу, не трогайте Вивиан...

— Мне нет до неё дела, если ты правильно всё поймёшь! Меня просили передать, — продолжал играть Ма'Ай. — Кое-что пошло не по плану. И требуется компенсация!

— Но...но мы же договорились поделить всё потом... — пробормотал он.

— Это, да. Но мой мужчина это мой мужчина, понимаешь? — Ма'Ай сам толком не понимал, что несёт, но мужчина видимо кое-что сообразил.

— Хорошо. Обожди тут, я выпишу бумагу на компенсацию. Хорошо?

Ма'Ай благосклонно кивнул, сложив руки под грудью, хотя точнее, сложив грудь на

руки.

— Предупреждаю, ждуть я не люблю, — бросил Ма'Ай.

Вскоре Герро Лутаро вернулся с бланком на двадцать золотых и поспешил распрощаться с наглой дамочкой. Бланк был выписан на имя Эзона Тора. Не очень умный поступок со стороны уважаемого Герро, но и опыта общения с противозаконными личностями у него не было. Получив документ, Холгун поспешил в отдел выяснять личность получателя. А они с Ашран вдвоем возвращались в лабораторию.

— У тебя всё получилось, — с улыбкой заметила Ашран.

— А ты думал, у меня не получится, красавчик? — игриво спросил он, толкнув бедром Ашран.

Ашран рассмеялась мелодичным баритоном и обняла его, являвшегося теперь ей, за плечи. Сейчас, будучи кем-то более дерзким и вызывающим, Ма'Ай без раздумий положил руку на талию обнявшего его мужчины и прижался боком. Мир вокруг него сошел с ума. Возможно, на него действовала магия амулета Томбора, или это был результат того, что он был сейчас самой настоящей женщиной. Но Ашран казалась ему не менее привлекательным мужчиной, чем настоящая. Он восхищенно рассматривал её мужской профиль. Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Знаешь, ты красива в любом виде, — признался он, глядя ей в глаза.

Они шли, обнявшись, по мокрой мостовой. Дождь прекратился. Люди торопились домой, стараясь успеть до следующего потока дождя. Ма'Ай с Ашран ловили на себе завистливые взгляды прохожих, как мужчин, так и женщин. Было странно, но в то же время отчего-то очень хорошо.

Глава пятая. Предвзятая

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ Я СБИРАЮ ГЯЗНЫЕ СПЛЕТНИ И ИЩУ В НИХ БРИЛЛИАНТЫ, ТАК ГОВОРИЛА ОНА» ИЗ ДНЕВНИКА БОСНОГО МАГА

Пару дней спустя Холгун вернулся с новостями о получателе. Оказалось, Эзон Тор был довольно известным в Верлиоке ростовщиком. Ходили кривотолки, что он приторговывал с Тёмными землями всевозможными запрещенными товарами через своих девочек, любителем которых он слыл. Имелся и новый слухок о некоем артефакте, оказавшемся у него в руках. Но никто ничего не знал. Продажа планировалась в Туманные земли, а там люди не из болтливых. Выйти на жителей Туманных земель без связей было невозможно.

Идея попросить содействия Шивы принадлежала Ма'Айю. Он прожил с ней довольно много времени и был не окончательно глупым парнем, чтобы узреть простую истину — семья Шивы не из простых. Но, как и следовало ожидать, за бесплатно она ни с кем, ни о чем договариваться не собиралась. Удалось сторговаться на тридцати золотых. Уже на следующий день в «Сказках русалки» их приветствовала Белояра Безье.

Белояра жила в Верлиоке уже продолжительное время. Её кожа потеряла белоснежную бледность, характерную для жителей Туманных земель, но её взгляд был полон внутренних составляющих. Взгляд был спокоен, как воды тёмного озера, цепко и внимательно наблюдая за окружающими, ища свою выгоду. Как пояснила Шива, Белояра специализировалась на покупке и продаже магических предметов и знала всех в городе, кто этим приторговывает.

Встречу назначили на вечернее время в одном из небольших баров на окраине не патрулируемых районов. Оказавшись здесь впервые, Ма'Ай сначала особых различий и не заметил. Те же здания из серого камня, разве что фонарей меньше, а прохожие одеты в более простые одежды и явно не раз штопаные. На первых этажах в этом районе были большие окна, в пол, и в некоторых из них были девушки разных возрастов в различном количестве одежды на них. Заметив это, Ма'Ай невольно покраснел и больше не рассматривал местные виды. Несмотря на то, что на нём самом сейчас был амулет Томбора, а вновь перешитое платье Ашран в этот раз приобрело более глубокий вырез, в расчете отвлечь Эзона Тора на женские прелести.

Ашран за пределами лаборатории по обыкновению была в образе мужчины, но вместо одежды службы решения дел на ней сегодня красовался довольно вычурный наряд. Брюки из чёрного бархата, белая льняная рубашка, украшенная воланами и рюшами, черная бархатная куртка с причудливой вышивкой. Шею украшал бордовый бант. Волосы она распустила и являла собой до неприличия красивого мужчину.

Внутри бара плавал непривычный его носу сладковатый запах. Как пояснила Ашран, это запах галлюциногенных грибов. Что это и с чем их едят, Ма'Ай не знал, но решил расспросить позже. Эзон Тор оказался невысоким крепким мужчиной, одетым не хуже ряженой Ашран. Явился он в сопровождении высокого здоровяка, левое ухо которого было синим и вспухшим.

«Вивиан всё-таки неплохо его огрела кочергой» — подумал Ма'Ай.

Расчет Ашран на прелести Ма'Айя не остался незамеченным. Эзон потонул в декольте: — Прекрасный цветочек, — заметил Эзон, взяв его руку и целуя кисть.

У Ма'Айя покраснели уши от напряжения. Он не знал, как реагировать на ничем не

скрываемое желание мужчины. Ма'Ай всеми силами пытался воскресить в себе образ дерзкой Шивы, но его неопытность играла против него. Застенчивость, видимо, пришлась Эзону по душе. Приподняв его лицо за подбородок, заставляя взглянуть ему в лицо, спросил:

— Как звать тебя, красавица?

Ма'ай покраснел пуще прежнего и выдавил первое, что пришло в голову:

— Ма'Рта...

Эзон улыбнулся хищной улыбкой. Так смотрит тигр, уверенный в своем превосходстве над жертвой. Обвел взглядом остальных, заметил Ашран, что сидела рядом с Ма'Айем:

— Я смотрю, этот цветочек уже обзавелся бабочкой? — Эзон обошел стол и сел на стул напротив Ма'Ай, не сводя взгляда с Ашран. — Мужчинам суждено порхать от цветка к цветку. Такой, как вы, может стать удачной бабочкой.

— Вы переоцениваете меня, — отозвалась Ашран.

— Не думаю.

Мужчины замолчали. Эзон выглядел дружелюбно и мило улыбался, но между ними повисло невидимое напряжение.

— Прошу, товар, — уверенно заявила Белояра.

— Так на кого вы работаете говорите? — спросил он.

— Мы не говорили, — заметила Ашран. — Это маг Белого королевства. Да и к чему вам эта информация.

Ашран аккуратно развернула сверток, внутри была золотая статуэтка в виде стоящего человека со сложенными на груди руками.

— А она меньше, чем я ожидал? — заметила Ашран.

— Ожидания не всегда совпадают с возможностями, — заметил Эзон. — Покажите деньги.

Заполучив мешок с монетами, он поручил пересчитывать напарнику. Здоровяк ловко высыпал монеты на стол, ни сколько не боясь и не смущаясь их звона. Скорость, с какой он их считал, была близка к магии. Движения его быстрых и мелькающих рук, отправляющих монеты в мешок — неуловимы. Ма'Ай едва не открыл рот от удивления и не заметил взгляда Эзона на его грудь.

— Твоя просто невинный цветочек, — отметил Эзон после завершения повторного осмотра, обращаясь к Ашран. — У меня тоже есть подружка, которую я выделяю из всех. Приехала неделю назад. В знак такого события я снял целый этаж для неё. Это нормально.

— Верная? — поинтересовалась Ашран, передавая статуэтку Белояре на проверку. Та уже приготовила на столе различный магический атрибут для проверки.

— Душевно, — усмехнулся Эзон, встал и покинул их уединённый уголок за ширмой.

Ма'Ай взглянул на Ашран, но по её иллюзии, было не понятно, волнуется она или нет. Вскоре вернулся Эзон, широко улыбаясь:

— Скажи, Белояра, почему в баре так мало людей в это время и кому они подают знаки?

— Не понимаю... — успела ответить Белояра.

Дальнейшее произошло ужасно быстро. Ма'Ай не сумел даже сообразить. Почти одновременно, как Эзон влепил пощечину Белояре, отчего та слетела со стула. Здоровяк схватил бутылку со стола и огрел им Ашран. Ашран упала, завалившись в сторону Ма'Ай. Удар был сильный. Она потеряла сознание, и с неё слетела иллюзия человечности. Ма'Ай искренне испугался, сердце сжала холодная рука страха. Не за себя, за Ашран.

— Эльф? Стоило догадаться, — заметил Эзон, хватая статуэтку.

Эзон и здоровяк скрылись за ширмой. Ма'Ай не знал, что его беспокоило больше. То, что Эзон узрел, что перед ним эльф, или то, что Ашран бездвижно лежит на его коленях, и он не знает, жива она или нет. Он пытался прикрыть Ашран собой, чтобы и Белояра не заметила, кто она.

— Ашран? Ашран, — шепотом звал Ма'Ай, пытаясь привести ее в себя, как заметил капли, падающие на прекрасное лицо эльфийки.

Ма'Ай с удивлением осознал, что плачет. Видимо, его слёзы привели её в чувства. Она открыла глаза.

— Не плачь, я в порядке, — Ашран вновь вернула мужскую иллюзию.

— Я не плачу, — возразил Ма'Ай, утирая слезы, почему-то лившиеся из глаз и никак не хотевшие останавливаться. — Это всё амулет Томбора...

Стоит ли говорить, что их план провалился? Они не получили статуэтку, но и потеряли пять тысяч золотых. Ашран добралась до лаборатории благодаря помощи Ма'Айя. У неё кружилась голова, и она боялась, что не сможет поддерживать иллюзию. Женское тело Ма'Айя было гораздо слабее, но снять амулет, оставаясь в женском платье, возможности не было. Их могли неправильно понять и задержать.

Сейчас Ашран отдыхала на диване всё в том же изысканном мужском наряде. Ма'Ай же дремал в кресле, закинув ноги на боковину, готовый в любую минуту проснуться и выполнить любую просьбу Ашран. Так они и провели ночь. Холгун появился лишь следующим днем, ближе к полудню.

— Ашран! Мы должны его поймать! — привычно закричал он, оглядывая комнату.

— Умоляю, Холгун, либо говори шёпотом, либо замолкни на веки, — взмолилась Ашран с дивана, хватаясь за голову.

Он быстро подошёл, оглядел плачевное состояние эльфийки, и недовольно посмотрел на Ма'Айя.

— А ты чем был занят?!

— Холгун, — простонала Ашран, тот вновь повисил голос.

Холгун пилил Ма'Айя взглядом, ожидая ответа.

— Прости, — начал Ма'Ай, оправдываясь. — Всё произошло так быстро. Я не ожидал и растерялся. Быть женщиной очень выбивает из колеи. К тому же я никогда не участвовал в драках и просто не знал, что делать. А ещё этот здоровяк ударил Ашран..., и я думал...

Он замолчал. Что за странное чувство? На секунду вспомнил происходящее в баре, и на глаза вновь навернулись слёзы.

— Холгун, отстать от него, — вмешалась Ашран. — Это моя вина. Я слишком беспокоилась за Ма'Айя и потеряла бдительность.

— Я рад, что вы оба страдаете чувством вины, но пять тысяч золотых мне в управление не простят. Мы должны его найти, — он упал в кресло с противоположной стороны дивана. — Вы не подали сигнала, и мы дали им уйти. Ещё вечером он прислал Белояре компенсацию. Она не собирается помогать его искать, потому что это происшествие и так отрицательно скажется на её репутации. Но самым неприятным итогом этой встречи было то, что сегодня утром меня вызвал к себе глава семьи Артос. Кто-то из службы решения дел прознал о статуэтке и сообщил эльвирам. Глава объявил, что статуэтка принадлежит семье Артос и её похитили более ста лет назад, а я обязан найти и вернуть. Вот так! Если вы забыли, на кого я работаю, то сегодня с утра мне знатно об этом напомнили.

Холгун понурил голову. Выглядел он, как мальчишка, которого недавно пожурили за шалость, и ему пришлось в этом сознаться своим друзьям.

— Интересно, — заметила Ашран.

— Что будем делать? — тихо спросил Холгун.

— Тяжело думать, когда голова раскалывается от боли, — отозвалась Ашран. — Мне нужно несколько дней прийти в себя. Статуэтка осталась у Эзона, значит, он продолжит поиск покупателя. А пока, Ма'Ай, сходи до Вивиан Лутаро и встрясй из неё историю происхождения статуэтки. Пусть докажет, что статуэтка принадлежит семье Лутаро. И запомни, это не просто статуэтка, это вместилище. Узнай кто в ней.

— Но она сказала, что не знает... — возразил Ма'Ай.

— Это ложь.

— Почему бы с ней не поговорить Холгуну?

В глубине души он понимал причины своих отговорок. Он слишком боялся разговора, особенно, припоминая усмешки Ашран. И ему не хотелось идти одному.

— Ма'Ай, прекращай! Ты сделаешь это, потому что я так сказала. У тебя всё получится. Будь собой. Будь милым и найди подход к Вивиан, — она на секунду замолчала и сурово добавила: — В любом случае без ответов можешь не возвращаться.

Ма'Ай шагал по улицам, не замечая ничего вокруг. Отчего она так строга с ним? И правда ли, не разрешит вернуться, если он не узнает? Казалось, вся его жизнь зависела от разговора с Вивиан Лутаро. Первым порывом было желание посоветоваться с За'Ар, но Ма'Ай заставил себя остановиться. Что он за мужчина, если каждый раз бежит к ней за советом? И во время вчерашней встречи в пабе он ни разу не подумал об опасности, полностью полагаясь на Ашран.

Почему его так пугают разговоры с незнакомыми людьми? В родной деревне Вон у него таких проблем не было. Да и с чего им появиться? Он знал всех в деревне. В городе люди тоже были добрее и имели привычку для начала представляться. До приезда в Верлиоку его никогда не обзывали тупым деревенщиной. А что, собственно, его задело? Тупым его называли не в первый раз.

«Ну, может, не совсем тупым, а вот глупым не раз» — поправил свои мысли Ма'Ай.

Он привык быть самым глупым учеником и самым глупым сыном в деревне. Это утверждал и старый деревенский учитель в попытках вбить в его голову систему сложения цифр, которую он никак не мог освоить. Старался и отец за те случаи, когда он позволял себя обсчитать на рынке. Он действительно деревенщина, с этим не поспоришь и не изменишь. Тогда в чем смысл так реагировать на слова незнакомых людей?

При первой встрече с Ашран он был уверенным и требовательным. Почему? С первой минуты она вела себя с ним как с равным. Так стоит ли стесняться того, кем он является, если Ашран считала его равным себе?

К его приходу дом Вивиан был пуст. Ма'Ай отправился разыскивать ее в фабричных цехах, попутно расспрашивая встречных людей о местонахождении девушки. Форма службы решения дел производила нужное впечатление. Вскоре Ма'Ай обнаружил Вивиан в ткацких цехах, где уже ткали шерстяные полотна. Её кабинет находился на втором этаже.

— Вы её нашли? — с надеждой в голосе спросила Вивиан, отрываясь от записей, что производила, лишь увидав его.

На ней был рабочий фартук и нарукавники для защиты одежд от чернил. Она

спохватилась, что не совсем вежлива и быстро добавила:

— Ох! Здравствовать вам! Желаете чего? Чай или вино?

— От горячей кружки чая я бы не отказался, мне пришлось разыскивать вас, — улыбнулся Ма'Ай. Все-таки от Ашран он научился вычурно разговаривать.

— Так что есть новости? — нетерпеливо повторила девушка.

— И да, и нет. Мы нашли статуэтку, но упустили её, — на секунду обрадованная девушка, тут же погрустнела. Ма'Ай поспешил добавить: — Мы её найдём, не переживайте!

Слишком эмоционально воскликнул. Вивиан улыбнулась, ожидая, что же он скажет. Даже Вивиан Лутаро смотрит на него, как на ребёнка, лишая его смелости.

— Ваша семья украла статуэтку у эльвиров? — выпалил он от волнения.

И тут же об этом пожалел. Светлое, милое лицо Вивиан стало пасмурным, как небеса Верлиоки в самый плохой зимний день. Глаза вот-вот готовы заметать молнии, чтобы убить его:

— Вы думаете, мой дедушка украл статуэтку?!

Если сейчас он что-нибудь не скажет, то Вивиан велит вышвырнуть его прочь ещё до того, как помощник принесёт чаю. Он явно начал не с того. Как сказала Ашран? Быть собой?

— Извините меня, — начал он. — Я не особо умею вести такие разговоры. Не пытался оскорбить вашу семью или обидеть вас. Я расскажу вам правду, ту, что известна мне, а вы решите отвечать или нет.

Он посмотрел на Вивиан. Грозно нахмурившись, она ждала продолжения, и он продолжил:

— Сегодня утром семья Артос заявила на статуэтку свои права. А это значит, мы будем обязаны передать её им. Нам нужны доказательства того, что статуэтка ваша...

— Мой дедушка не крал статуэтку, — наконец ответила она. — Вы понимаете, что одних моих слов будет недостаточно против семьи Артос?

Она встала, явно нервничая, но, уже не обвиняя Ма'Айя.

— Почему ко мне послали такого малыша, как вы? — спросила она.

— Мне не оставили выбора... — признался Ма'Ай и покраснел.

Вивиан внимательно посмотрела на него. Усмехнулась и спросила:

— Что вам известно об эльвирах?

— Ничего, — и это была чистая правда. Да и никто ничего о них и не знал в его окружении. — Мне сказали, что статуэтка это вместилище.

— И?

Он пожал плечами, коря себя за то, что был так занят своими переживаниями и не удосужился расспросить у Ашран, что это значит. Вивиан вздохнула, вернулась к столу и села. Помощник принес чай, дымящийся и ароматный, и как только он разлил по чашкам и вышел, Вивиан спросила:

— Вас отправил тот высокий блондин?

— Да. Он пострадал вчера и не мог сам задать эти вопросы вам, — Ма'Ай осознал для себя, почему Ашран отправила его. Это обрадовало, польстило и удивило его одновременно. Он добавил: — Я могу обещать, чтобы вы не сказали, это не станет известно кому-либо ещё. Поверьте мне.

Ма'Ай не мог определить верит ли ему Вивиан. Она откинулась на спинку кресла, скрестила руки и низким мужским голосом произнесла:

— Я не крал статуэтку! Она моя! И семье Артос это известно.

Ма'Ай едва не подскочил, хотя всё-таки потом подскочил, когда, дернувшись, расплескал горячий чай. Уронил кружку и пораженно уставился на Вивиан Лутаро. Она широко улыбалась, довольная произведённым эффектом.

— Ты — Ма'Ай, кажется, если мне не изменяет память? — спросила она, своим обычным голосом. Он кивнул, поднял кружку и поставил на поднос: — Не обжётся?

— Не, всё в порядке.

— Тогда садись. Я расскажу тебе немного об эльвирах, а ты помни своё обещание о молчании, — мужской голос. — И знай, что человек ничто против эльвира.

Ма'Ай сел.

— Расскажу, потому что тот, кто послал тебя, знает гораздо больше, чем сообщил тебе. И думаю, он не явился ко мне по простой причине, что не захотел второй раз попадаться мне на глаза. Я был не особо внимательным при нашей первой встрече, и заведи он со мной такие разговоры. Кто знает, что бы я узрел. А ты — удобный, наивный мальш, Ма'Ай.

Вивиан улыбнулась. Он начинает привыкать к этим странностям во внешнем виде. Ашран выглядела то женщиной, то мужчиной. Он сам уже пару раз менял свой пол. И вот, юная девушка, разговаривающая низким мужским басом. Стоит ли удивляться? Но признаться это удивляло.

— Эльвиры находятся здесь со времен столкновения миров. Мы были захвачены эльфами на родной планете, были пленниками этих вырожденцев мнящих себя повелителями миров, — он замолчал, чуть успокоился и продолжил: — Столкновение миров нас освободило, но этот мир — не подходящее для нас место. Та статуэтка, созданная эльфами для нас тюрьма. В этом мире безопасное убежище. В этом мире мы не можем находиться вне тела или убежища, сотканного магическими рунами. Но эльвиры приспособились, подарив людям развитие и процветание, заключив с некоторыми из них союзы. Мы живем в их телах.

— Мой дедушка не крал статуэтку. Она принадлежала ему с самого начала, — обиженным девичьим голосом добавила она.

— Передай, тому, кто послал тебя, что я больше не член семьи Артос. Я образовал свою семью. И они не должны узнать о Вивиан Лутаро.

Он замолчал.

— Я думаю, мой дедушка, прояснил вопрос о хозяине статуэтки, — улыбнулась Вивиан, как бы намекая на конец разговора. Ма'Ай встал, но тут вспомнил, что Ашран говорила спросить кое о чем ещё:

— Раз вы в теле Вивиан, то кто в статуэтке?

Вивиан встала, и казалось, вместе с ней встало что-то тёмное, большое и древнее:

— Мальчишка... — тихо пробасила Вивиан.

— Дедушка? — озабоченно спросила Вивиан.

Ма'Ай замер. Вивиан выглядела так, словно обдумывала ответ на сложный вопрос. Ма'Айя окружила невидимая, но хорошо осязаемая угроза. Сам воздух пропитался этой тёмной энергией, стал тяжелым и неподвижным. Ма'Айю подумалось, что эльвир может лишиться его жизни в любую секунду. Горло схватил спазм. Единственное, что спасало от попытки убежать в ту же секунду прочь из кабинета, это вера в то, что Ашран не подвергла бы его опасности.

Вивиан села. Всё прошло, атмосфера опять стала обычной:

— Я уговорила дедушку довериться тебе. Поэтому он должен рассказать свою историю... — сказала она, а дальше продолжил говорить эльвир: — Я бывший глава семьи

Артос. Как я и предполагал, семья постаралась скрыть моё исчезновение. Я встретил Ви — бабушку Вивиан сто двадцать лет назад. Тебе неизвестно, но эльвиры питаются эмоциями людей. Совсем недавно, ты не плохо так испугался...это было вкусно.

Он облизнулся, подтверждая свои слова и улыбнулся.

— Ви оказалась чем-то особенным. С ней я мог создавать эмоции сам, как на родной планете. Это как чудо. Среди людей есть слово для определения данного чуда. Любовь. Возможно это была любовь, я не специалист в этой области. Страх вызвать гораздо проще. Проблемой было то, что Ви не член семьи. У эльвиров случались не объяснимые тяги к некоторым людям, но для сохранения тайны жизни эльвиров лишние люди не нужны. Я сам создал эти законы и правила, но она стала для меня важнее всего. И я решил, что хочу провести не долгий срок жизни Ви с ней, забыв о том, кто я на самом деле. Мне даже удалось скрыться почти под носом у эльвиров. Когда не хочешь, чтобы тебя нашли, прятаться стоит на самом видном месте, мальчик.

Он помолчал будто раздумывая.

— Нас ждало ещё одно чудо. Жизнь подарила нам дочерей Виви и Виан. Виви — это мать Вивиан, она человек. А Виан — её сестра близнец, она эльвир. Это редкое явление, а уж в союзе с человеком единичный случай. К сожалению, Виви погибла вместе с мужем под обвалом в горах очень рано, а родили мы их слишком поздно. Когда жизнь моего человеческого тела подошла к концу, я оставил его и оставался с Ви. Я продлил её жизнь настолько, насколько мог... Моим удивлением было то, что моя способность создавать эмоции не покинула меня. Она продолжается вместе с Вивиан. В статуэтке моя дочь — Виан.

На этот раз он замолчал очень надолго и видимо не собирался продолжать, ибо за него закончила Вивиан своим голосом:

— Мой дедушка считает, что сказал слишком много. Этого должно быть достаточно?

Ма'Ай кивнул.

— Ваш дядя, — спросил он. — Он не знает ваш семейный секрет?

— Нет. Тело дяди Герри не подходит для эльвира. Дедушка решил предоставить ему свободную от тайн жизнь. Секреты утомляют, — пояснила Вивиан.

Ма'Ай решил поделиться ещё кое-чем, что рассказывал Холгун.

«Имеет ли он право раскрыть чужие тайны?» — подумал Ма'Ай.

И всё же решил, что это будет на благо, произнес:

— На чёрном рынке в Верлиоке ходит запрос на некую золотую статуэтку. Так получилось, что ваш дядя проиграл в карты огромную сумму денег и от незнания счёл статуэтку не столь ценной.

Глаз Вивиан удивленно расширились, но почти сразу она ответила мужским голосом:

— Спасибо. Я поговорю с мальчишкой.

Ма'Ай кивнул и вышел. Ему самому не верилось, что у него всё получилось. К тому же узнал так много, чего даже не предполагал. С него взяли слово, но кому бы он такое рассказал, кроме Ашран.

К его удивлению, когда он вернулся в лабораторию, Ашран была подвижна, здорова и в отличном расположении духа. Сначала он лишился дара речи, глядя на неё, возившуюся со склянками за столом кабинета в халате и пучком на голове. А затем до него дошло:

— Ты! — вскричал он. — Ты обманула меня!

Она рассмеялась:

— Это же ты забыл, что я прекрасный лекарь.

— Ты просто не представляешь, что я пережил, — глухо добавил он, опустив лицо.

— Но ведь пережил? — усмехнулась она.

Она просто издевается над ним. Забавляется! И такая злость охватила его. Он не знал, что делать. Злоба требовала выхода.

— Я, — произнес он. На ум пришло единственное. То, что он делал с За'Ар или Ма'Ртой, когда они доставали его своими шуточками. — Я защекочу тебя насмерть!

Вскрикнул он свою угрозу и кинулся к ней. Он не знал, боится ли она щекотки или нет, но заодно и выяснит. Она взвизгнула и бросилась прочь от него.

— Ни одна магия тебя не спасёт! — добавил он угрозу и принялся её догонять. У него таки получилось поймать Ашран. Она боялась щекотки. Зажав ее в одном из кресел, он наслаждался своей пыткой. Ашран правда пыталась отбиться и руками, и ногами, но получалось у неё это плохо, отчего она лишь глубже вжималась в кресло в попытке избежать прикосновения его рук.

— Я мастер щекотки! — пояснил он на новом заходе.

Её попытка возразить потонула в потоке порывистого смеха. Ма'Айю было весело. Лицо Ашран покраснелось, дыхание сбилось, волосы, как и одежда, растрепались.

— Что вы делаете? — вмешался в их гомон, громкий голос Холгуна.

Ма'Ай остановился, и Ашран удалось ускользнуть, через ручку кресла.

— Ма'Ай просто разозлился, — смеясь, пояснила Ашран и, отбежав подальше, добавила: — На свою глупость.

— Странно, тебя наблюдать за занятием глупостями, — как ни в чем не бывало, заметил Румпель. — Уже вечереет, а вы ещё не готовы для похода в «Дикие цветы».

— «Дикие цветы»? — переспросил Ма'Ай, понимая, что от него укрыли большую часть плана.

— Именно, — подтвердил Ашран. — Семье Артос известно о статуэтке, я думаю, сегодня последний день пребывания статуэтке в руках Эзона Тора. Но нам повезло, Эзон так по человечески, хотел утереть мне нос, как мужчина, что не преминул похвастаться об этаже снятым для подружки. Женщин он называет цветочками, что натолкнуло меня на одну мысль, и мы должны её проверить. К тому, же я уже перешила тебе костюм, Ма'Ай.

«Дикие цветы» оказались целым комплексом зданий, стоящих кругом и соединенных между собой высокой, в три человеческих роста, кирпичной стеной. Зданий было пять, в четыре этажа. Самым удивительным было то, что в центре площади росло большое дерево. Одно из тех, что растут за горами, с большими пятиконечными листьями. На его ветвях развешены магические фонари, а от верхушки тянулись канаты с тентами, защищая от вечно морозящего дождя в зимнее время в Верлиоке. Вокруг его ствола находилась площадка с музыкантами, что наполняли пространство весёлой музыкой. Столы здесь были высокими, каменными, на одинокой кованой ножке, с такими же высокими стульями. Ма'Ай с Холгуном расположились за одним из таких столов. И только тогда Ма'Ай заметил отсутствие Ашран с ними. Куда она пропала, он и не видел. Он стал высматривать высокого светловолосого красавца, коим она сейчас являлась. На глаза попадались лишь дамочки в шерстяных плащах, а под ними одетые в платья больше похожие на ночные сорочки.

«Спасибо Анкалеме, что не пришлось надевать амулет Томбора сегодня!» — беззвучную поблагодарил Ма'Ай богиню.

В отличие от Ма'Айя Холгун наоборот выглядел скучающим. Он заказал бутылку вина и методично её опустошал, не отрывая взгляд от бокала. Внезапно их плечи обняла появившаяся неизвестно откуда Ашран:

— Друзья мои, вы только гляньте, кого я нашёл.

Холгун посмотрел через плечо на трёх девиц в платьях-сорочках, что хихикали в ожидании чуть поодаль.

— Шлюх что ли? — хмуро спросил Холгун.

— Лучше! Это цветочек Эзона и её подруги. Я уговорил пригласить нас к себе, я понравился цветочку, — хихикнула она, повернулась к девушкам и послала воздушный поцелуй. — Цветочек на мне, а вам достанутся Марани и Фай...

— С ума сошла! Нет! Я люблю свою жену.

— У неё могут быть наши пять тысяч золотых и статуэтка, — широко улыбаясь, напомнила Ашран. — Ну же, Холгун, дай волю своей брутальности.

— Хорошо, — согласился он, оглядывая девушек ещё раз. — Выбираю Фай.

Комнаты "цветочка" находились на втором этаже центрального здания и представляли собой объединённые три комнаты. Мебели здесь было с избытком, но подобрана была не со вкусом, как в доме Лутаро. Больше походило на то, что кто-то скупает понравившиеся вещи и ковры. Особенно ковры. Пушистые, с длинным ворсом, различных цветов и расцветок, они практически покрывали весь пол на этаже. Пропуская их внутрь, "цветочек" отбежала от них к ближайшей двери и закрыла её на ключ. Заметив, что они смотрят на неё в ожидании, скинула плащ на пол и мелкими шажками подбежала к Ашран.

— Там ничего интересного, златоглазик, — зазывно улыбаясь, пояснила "цветочек" и, схватив Ашран за руку, потащила в комнату. — Я покажу тебе нечто другое. Тебе понравится.

За ними последовал Холгун, обнимая двух девиц сразу. Ма'Ай же нёс три бутылки самого дорогого вина из бара внизу, купленных для девочек. В центре находилась большая, похожая на постамент, круглая кровать, застеленная алым атласным покрывалом с множеством подушек. Кровать окружали пять широких диванов, но больше всего поражал потолок. Он был зеркальным. Ма'Ай с удивлением рассматривал себя в нём, отчасти позабыв о причинах их пребывания здесь.

— Ты права, Цветочек. Мне это нравится, — услышал он мужской голос Ашран.

А потом в отражении она поцеловала цветочек в губы. Ма'Ай не поверил своим глазам и пораженно перевел взгляд на реальность отражения. На его глазах "цветочек" целовал высокий блондин. Целовал глубоко, прикрывая глаза. Всё бы ничего, но он знал, что это только видимость. Под этой иллюзией Ашран — эльфийка и женщина. Ма'Ай распахнул рот от изумления. В этот момент Ашран открыла глаза и посмотрела на него, не прерывая поцелуя.

Ашран оторвалась от девушки и объявила:

— Нам нужны бокалы! Мы совсем забыли про вино.

— Точно! Вино! — согласилась цветочек.

— И позабыли взять что-нибудь на закуску, — добавил Холгун, передав небольшой мешочек с монетами одной из девушек, кажется, Фай — Пошлешь человечка сбегать?

Две из них побежали за бокалами, что находились в другой комнате, а Фай отправилась дать указание слуге. Оставшись одни, Ашран тут же объявила:

— Делайте, что хотите, но вы должны их отвлечь минут на десять-пятнадцать, Они не должны заметить моего отсутствия, — Холгун кивнул. А Ма'Ай всё так и стоял, обнимая бутылки. — Ма'Ай, в конце концов, поставь бутылки на стол, что ты их греешь?

Ма'Ай сделал, как сказала Ашран. Вернулись девушки. Пока Холгун разливал весёлым девушкам вино, Ашран приобняла Ма'Айя за плечи и заявила:

— У меня тоже есть кое-что, что вам понравится.

— Что может, понравится больше тебя, котик? — засмеялась Фай.

— Вы не поверите, но этот малыш девственник, — три пары девичьих глаз уставились на него. — Он даже не целовался, так ведь, Ма'Ай?

У Ма'Айя зашумело в ушах от смущения, лицо загорело красным. Холгун громогласно рассмеялся, и сразу две девушки кинулись к нему с объятиями — Марани и "цветочек". Фай же предпочла остаться с тем, кто уже не пожалел потратить мешочек золотых на неё. Он с трудом мог сказать, сколько прошло времени, как начались его пытки. Девушки затащили его на кровать, играя в свою игру, кто же из них его первой поцелует, попутно руками шаря по его телу. Всё это сопровождалось хохотом Холгуна, который предпочел развалиться в кресле с Фай под боком и бутылкой вина. Самым унижительным было то, что его тело реагировало на ухищрения девушек, но делать что-то большее на глазах у Холгуна он не собирался, да толком и не знал. Наконец "цветочку" это удалось, но Ма'Ай изо всех сил сжал губы и зажмурил глаза.

— А кто-нибудь из вас пил настоящее эльфийское вино? — раздался откуда-то рядом мужской голос Ашран.

Девушки оторвались от своей жертвы, почти распятой на кровати, и с интересом посмотрели на бутылку с золотой жидкостью плескавшейся внутри. Вино девицам понравилось, и вскоре они заснули, как когда-то было с Ма'Айем.

Трое мужчин беспрепятственно покинули покои цветочка и направлялись по площади к раздатчику колясок. Один из них был совсем мальчишкой и больше выглядел не довольным, а расстроенным.

Наконец Ма'Ай не выдержал и сказал:

— Ты это специально сделала. Решила отомстить за то, что я тебя щекотал?

— Зачем мне тебе за это мстить, Ма'Ай? — с долей удивления спросила Ашран. — Не да, я сделала это специально. Я знала, что жительниц Туманных земель позабавит игра с тобой. К тому же, ты так легко смущаешься.

В этот момент он почти ненавидел Ашран:

— Это худший день в моей жизни! — крикнул он ей в лицо и ускорил шаг, обгоняя.

Единственное, что он хотел, это быстрее покинуть это место. Место его позора. Ашран, видимо, не планировала его отпускать. Схватив его за руку, она сказала:

— Честное слово, Ма'Ай, ты ведешь себя, как обиженная девчонка.

— Ну, уж прости, что я такой! — крикнул он. — Я целый день слушаю, про любовь. Любовь эльвира к бабки Вивиан, даже Холгун говорил о любви к жене. И так, получается, что религия Белого королевства построена на любви и искренности. И если бы мне пришлось выбирать, то я бы предпочел целоваться не с каким-то цветочком, а с тем, кого бы любил. А ты лишила меня выбора...

Договорить он не успел. Ашран обхватила его лицо ладонями и прижалась к его губам своими. Он не ожидал. И только открыл рот что-то возразить на её действия, как почувствовал её язык у себя во рту. Он замер. Её язык двигался. Он лизал его зубы. Её язык

такой теплый. Она смотрела ему в глаза и от её взгляда, сейчас золотистых глаз, теплота разливалась по телу.

"Мне нравится" — успел подумать он.

А потом до него дошло происходящее. Он не знал, что шокирует больше: то, что сейчас в глазах остальных на площади его мужчину целует другой мужчина, или то, что он знал, что под этим видом скрывается Ашран, которую он возвел до уровня богини. А он никак не мог ей нравиться. И любить его она не могла. Значит, играет? Он оттолкнул её. Его мысли пугались. Он сделал единственное, что пришло в голову. Не сказав ни слова, развернулся и убежал прочь, в темноту. Подальше от «Диких цветов», разврата и Ашран.

Глава шестая. По местам расставляя

«ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ? Я СЛЫШАЛ ПО ДЫХАНИЮ И ТЕМБРУ ГОЛОСА, КАК ОНА НЕЁ ВЕЕТ ТЧАЯНЬЕМ. МНЕ ЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ Я БЫЛ ПРИЧИНОЙ...» ИЗ ДНЕВНИКА В БЕСНОВОДА МАГА.

Вчера Ма'Ай довольно поздно вернулся, ведь те районы находились на другом конце города от гавани, да и он благополучно заплутал, благо обошлось без происшествий. Ещё и проснулся довольно рано, в прескверном настроении и полном разбитости чувств. В голове попеременно всплывали картины то его позора, то поцелуя Ашран. Хоть поцелуй и был приятным, его бесило, что Ашран так легко целует кого угодно. Злило её отношение к нему. Он думал, что она заботится о нём. На соседней кровати заворочался Ста'Арх, потянулся, открыл глаза.

— О! Ты дома, — удивился Ста'Арх.

Ма'Ай не ответил. Когда-то Ста'Арх был его лучшим и единственным другом. Раньше у Ма'Айя не было тайн от него, а теперь с каждым днём у Ма'Ай становилось всё больше секретов и они почти не разговаривали. Ма'Айю казалось, что с того момента, как они попали в Верлиоку, Ста'Арх повзрослел на десятку лет. А он всё так и остался глупым деревенским мальчишкой.

— Послушай, Ста'Арх, вы с Ма'Ртой целовались? — спросил Ста'Арх.

Здоровяк замер, отвлекаясь от водных процедур:

— Я не думаю, что это хорошо обсуждать Ма'Рту с тобой. Ей будет неудобно...

— Так да или нет? Мне просто интересно, обещаю молчать об этом.

— Целовались, — спокойно ответил друг.

— А вы с ней спали?

Вот тут Ста'Арх покраснел, но не от смущения, а от злости:

— Ма'Ай, что на тебя нашло?! Я не собираюсь отвечать на твои вопросы. Как ты мог подумать такое о Ма'Рте? Мы ведь еще не женаты.

Чтобы не злить друга, у которого вопросы связанный с Ма'Ртой вызывали порывы защитника чести его сестры, Ма'Ай решил пояснить:

— Со мной тут кое-что произошло...

— Ты с кем-то переспал?

— Нет, — смущаясь ответа, сказал Ма'Ай.

Ма'Ай пытался вспомнить, а обсуждали ли они когда-нибудь девушек. И не мог. Конечно, Ста'Арху всегда нравилась Ма'Рта, а он не тот человек с кем мог поговорить об этом Ста'Арх.

— А ты с кем-нибудь другим спал? — осенило Ма'Айя.

— Я не совсем понимаю суть твоих вопросов. Было бы проще, если бы ты прямо спросил, что тебя интересует, — заметил Ста'Арх.

Ма'Ай не мог. И дело было не в том, что ему бы тогда пришлось рассказать всю позорную ситуацию вчерашнего вечера, а в том, что он толком не знал, что же хотел узнать. Ста'Арх его молчание понял по-своему и присев на свою кровать, произнес:

— Ну, не то, чтобы я не хотел, попробовать с кем-то другим. Просто я слишком люблю твою сестру и не могу думать о ком-то другом. Если тебя интересует сам процесс, то поговори с Кураном. Они спят с Шивой и она у него не первая.

Если бы Ма'Ай не лежал на кровати, он бы упал.

— Куран спит с Шивой? Откуда ты знаешь?

— Я говорил с ним, — пожал плечами Ста'Арх.

— Да я и предположить такого не мог. Он же спит на полу под её дверью?

— Ты не особо внимательный к таким вещам. Когда мы жили в Воне, тебя больше интересовали новые закваски для сыров и строение зданий с За'Ар.

Ведь, правда, до того, как им пришлось бежать, они разрабатывали систему, названную За'Ар интересным словом канализация. Удобная вещь. Такую же они применили и в этом доме.

"Час от часу не легче" — подумал Ма'Ай.

Может ли сказаться с ним что-то не так. Он напрягся, пытаясь припомнить, какая девушка нравилась ему в Воне. Не получалось. Он просто их не помнил. Имена — да, но как они выглядят, вспомнить не мог. Единственная, кто лез в его мысли, была Ашран. Её волосы всегда собраны в хвост или пучок после сна. Платья скромны и застёгнуты на все пуговицы, как того требовала благовоспитанность приморского города. Для человеческой женщины она была высока, но не по-человечески стройна и изящна. Точеный подбородок уверенно вздёрнут вверх. Тонкие, но идеально очерченные губы, казалось, всегда готовые вспыхнуть улыбкой. Больше всего она любила усмехаться не со злобы, а так, по-доброму. Две ее безукоризненно прямые брови взлетали вверх к вискам и являлись дополнительным украшением её глаз, чуть раскосых, необычайно завораживающего золотистого цвета, чем-то напоминающие кошачьи. Из-за её глаз Ашран казалась Ма'Айю каким-то неземным существом. Именно их блеск привлёк его ещё тогда, в торговом переулке, и заставил следовать за собой. Его влекла к ней не её магия, а желание посмотреть ещё раз в эти глаза. Глаза самой красивой женщины...

Он следовал за ней, как влюбленный мальчишка. Он даже не знает, сколько ей лет. Сто? Двести? А может вся тысяча! Ашран с её более чем огромным жизненным опытом, конечно, заметила его порывы, а не осознала внезапно, как он. От понимания этого стало ещё более тошно. Стыд за свой побег, за свое поведение, затопил его. Как заметила Ашран, он вел себя как обиженная девчонка. Он застонал от безысходности и отвернулся к стене. Через какое-то время вернулся Ста'Арх и позвал к столу. Аппетита не было. Единственное, что он хотел — это бокал эльфийского вина и забыть обо всём, как "цветочек" и её подруги.

Он не пошел в лабораторию к Ашран ни сегодня, ни на следующий день. Он не хотел видеть её ни вчера, ни сегодня и никогда-либо вообще. Да никто его там и не ждал. Всё больше убеждался Ма'Ай в справедливости предупреждений Шивы. Он уже решил для себя что может себе позволить несколько дней побыть дома. Несколько золотых монет он всё-таки заработал у Ашран. А затем вернётся в привычную для него службу охраны города. В магии он всё-таки не добился успеха, и вряд ли будет прорыв, а находится рядом с Ашран... Ему теперь было стыдно.

Уже прошло то время, когда они обедали в «Сказках русалки». В доме остались лишь Ма'Ай, Ста'Арх и их незваные гости. Равномерный стук металла о наковальню сообщал с том, что его друг занят работой. Ма'Ай решил отвлечься от своих мыслей и приготовить ужин. Он всё же был старшим ребенком в семействе Ма' и готовить умел. Спустившись вниз, он обнаружил Тирну, возившуюся на кухне. Насколько он понял, в землях матушки питались лишь тем, что давала природа, и приготовление сложных блюд для неё было в новинку. Он постарался не напугать её, привлекая внимание к своему присутствию. Она

повернулась к нему и улыбнулась:

— Ужин, — просто пояснила она.

— Ужин, — согласился Ма'Ай. — Я помогу.

Он как раз пытался научить Тирну чистить картофель, ибо то, как она безжалостно срезала добрую половину картофеля, не укладывалось ни в какие рамки. Быть бы ей битой кастрюлей, если бы это увидела его мать. Как в дверь постучали, редкое явление с тех пор, как За'Ар вышла на работу. Тирна востепенулась. Ма'Ай успокоил её и пошел открывать. На пороге стояла Ашран в тёмных одеждах службы решения дел, привычно в мужском облики. Необычайно яркое солнце для этих дней блестело в её волосах.

— Привет, — сказала Ашран.

— Ага, — она застала его врасплох.

— Можно войти? Нам нужно поговорить.

Он кивнул, пропуская её внутрь. В конце концов, он не девчонка, чтобы бояться разговора. Она прошла. Он ожидал, пока она сообщит ему цель своего визита. Странно было видеть её нерешительность. И Ма'Ай с удивлением осознал, что так выражается её смущение.

— Присаживайся, — предложил Ма'Ай, сменил гнев на милость, приглашая к столу. Она робко прошла к столу и села, будто боясь, что он передумает. Смущённая Ашран — непривычное явление. — Будешь травяной чай? Эти травы собрала За'Ар. Она тоже любитель чаев.

Она кивнула.

— Мы можем поговорить наедине? — поинтересовалась Ашран, намекая на присутствие девушки в комнате.

— Это Тирна, она с Земель Матушки и только учит язык. Можешь говорить при ней.

Ашран кивнула, соглашаясь, и опустила взгляд в кружку с чаем:

— Я хотела, сказать, что мне очень жаль, если я тебя обидела или оскорбила своими действиями. Прошу меня простить.

Да что же делать?! Вот сейчас он как никогда чувствует себя девушкой! Он почувствовал, как краснеет, и пожалел, что не попросил Тирну всё-таки выйти. Время от времени та бросала на них косые взгляды.

— Если тебе станет легче, хочу, чтобы ты знал, я тоже девственница. Меня это не смущает. Ни к тому, чтобы это имело какое-то значение, такая как я — полукровка, не имеет права плодить... Я не хочу, чтобы мои дети жили, скрываясь, как я. У эльфов в силу их долгожительства, как и у людей Туманных земель, нет такого трепетного отношения к девственности, как у людей Белого королевства. По этой причине я знала, что ты покажешься им забавным. Так что ещё раз прошу прощения.

— Прекрати! Не напоминай, — взмолился он, спрятав красное лицо в ладони.

Они сидели так какое-то время, затем Ма'Ай сказал:

— Я не обижен. Был обижен и повел себя глупо.

— Мне нравятся твои глупости, — улыбнулась Ашран.

Как же легко она развеяла все его страхи и опасения. Легкая улыбка и тёплый взгляд разогнали тучи сомнений копошащих в его душе совсем недавно.

— Только прошу, давай не будем об этом. Я не знаю почему, меня ужасно смущают разговоры на эту тему, — признался Ма'Ай.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Я учту тонкую организацию твоей души.

А ведь опять издевается, подумал он, но в этот раз эта мысль вызвала лишь улыбку:

— Звучит уж, как-то слишком вычурно для простого крестьянского сына.

— Интересно, все ли крестьяне Белого королевства такие скромники?

— Ашран! — воскликнул он.

Она рассмеялась и примирительно подняла руки вверх.

— Мне нужно ещё кое-что тебе сказать, — она протянула ему лист свернутой бумаги с надломленной печатью. — Прочти.

Он развернул лист дорогой бумаги пропитанной цветочными духами:

«Сообщаем Вам, что не стоит искать семью Лутаро в ткацких районах. Мы приняли решение покинуть Верлиоку. Всё наше имущество продано. Мы будем ждать Вас на корабле „Прекрасная Ви“ в гавани»

Ашран положила на стол сумку, что носила через плечо:

— Ты должен передать семье Лутаро статуэтку сегодня вечером. Сразу после нашего разговора, иди в гавань и разыщи корабль.

Он согласно кивнул.

— Есть ещё одна, — заметила она и протянула вторую.

Бумага была дорогая, но от неё исходил смутно знакомый сладковатый аромат. Галлюциногенных грибов, услужливо подсказала память.

«Эльф! Ты неплохо меня обдурил и опоил моих девочек. Если ты думал, что так можешь уйти от меня, то ошибался. Твоё враньё о маге Белого королевства — твой провал. Цветочек по имени Марта у меня. Отдаю должное твоим иллюзиям, без них она не столь прекрасна. Жду тебя вечером, когда солнце скроется за горами в том же баре, где была наша встреча. С пятью тысячами золотых. Иначе я с легкостью продам её в Туманные земли»

Ма'Айя пробрал озноб. Он глазами ещё раз пробежал по тексту. Марта! Он сам представился Ма'Ртой. Выходцами из Белого королевства в городе были только они. Найти их не представляло большого труда даже в таком большом городе.

"Снова моя вина, а страдает Ма'Рта" — ударила мысль.

Первым осознанным порывом было бежать на её поиски. Но куда? В дом Лакорна? Наблюдавшая за его переживаниями Ашран взяла за руку:

— Отнеси статуэтку семье Лутаро. Доверься мне. Я позабочусь о твоей сестре. Напою вином, и она даже не вспомнит о сегодняшних злоключениях.

Ма'Ай беспокоился, но в словах Ашран была своя правда. У Ашран гораздо больше возможностей спасти его сестру. В прошлый раз он был просто бесполезен.

— Я обещаю тебе, с ней ничего не случится. Ты мне веришь? — настойчиво повторила она, обхватив его ладони своими. Он посмотрел на Ашран и согласно кивнул.

Ма'Ай отыскал трёх палубный галеон с красивым наименованием «Прекрасная Ви» в дальней части порта, привязанным к пирсу. На судно рьяно шла погрузка товара. Целый отряд повозок тянулся к судну. Множество матросов сновали по трапу. На корабль его не пустили и пришлось ждать, пока сообщат капитану. Ему оставалась только сожалеть о своей очередной необдуманности. Как бы всё упростили одежды службы решения дел.

Когда, наконец, его провели в каюту капитана, он не сразу признал Вивиан в алом кафтане и широкополой капитанской шляпе с большим белым пером. Вивиан тоже не сразу признала его в простых одеждах. Когда она осознала, кто он, она дико заорала, разрывая

шаблон прошлого воспоминания о ней:

— Симон!

Тут же из-за двери показался моряк, что сопровождал его:

— Да, кэп?

— Тащи бутылку лучшего вина. Живо! — приказала она и более добродушно обратилась к Ма'Айю: — Вы нашли её?

Он кивнул не в силах ответить, находясь под произведенным эффектом. Вивиан рассмеялась:

— Понимаете, нам предстоит дальнейшее плавание, — она взяла его под руку и проводила до кресла напротив стола. — Дедушка говорит, без строгости и страха на корабле нельзя. Этот галеон — одно из последних достижений корабельных дел мастеров. Они утверждают, что построили его по чертежам самого императора. У корабля повышенная вместимость и грузоподъемность. Он может преодолевать самые дальние плавания.

— Куда вы отправляетесь?

— Моего дедушку давно заинтересовала легенда, что ходит среди моряков, о существовании ещё одной земли за океаном. Мы решили её проверить. Это рискованно, но крайне интригующе, — с энтузиазмом поведала Вивиан.

Он бы с интересом послушал истории и задал бы ещё кучу вопросов, но ему хотелось быстрее попасть в город. Он и так очень долго простоял в очереди на приём к капитану. Он быстро передал статуэтку.

— Вы меня извините, но у нас возникли некоторые проблемы с вашим делом. Я не могу задерживаться больше, чем необходимо.

— Проблемы? Какого рода?

— Мою сестру похитил организатор кражи. Сейчас уже должны были всё уладить, надеюсь.

Вивиан открыла ящик стола и достала оттуда увесистый мешок с монетами.

— Понимаю. Прошу возьмите, как компенсацию за беспокойство. А ещё, — она встала и, открыв за спиной тайник аналогичный тому, что был в её доме. Поместила туда статуэтку и достала потрепанную книгу. — Дедушка просил передать это семье Артос. Здесь почти доработанная технология изготовления статуэток. Они хоть его бывшая, но семья.

После обмена Ма'Ай развернулся, чтобы уйти, но замер, обдумывая вопрос.

— Вивиан, могу я задать вопрос твоему дедушке?

Если припомнить, в прошлый раз этот эльвир говорил, что живёт со времен сотворения мира таковым, каким они его знают.

— Спрашивай, Ма'Ай, — Вивиан вновь обрела мужской голос.

— Вам известно, в чем опасность существования полукровок?

— Опасны только эльфийские полукровки. Когда-то давно, мой маленький друг, эльфы правили мирами, основываясь на магии крови, и равнялись почти богам. Мне неизвестно, что произошло, когда я был пленен, но больше чем уверен, им пришлось бежать и прятаться. Эльфы запечатали свою магию крови. Понимаешь, магия оставляет след. Остаётся открытым один вопрос: от кого? У полукровок незапечатанная кровь, чем больше полукровок, тем виднее их след.

Он замолчал и больше ничего не добавил.

— Хорошего вам плавания и желаю найти землю, — сказал на прощание Ма'Ай.

— Я отчётливо вижу, что нам суждено еще встретиться, мальчик, — сказал эльвир в

спину.

Ма'Ай повернулся, но эльвир большего пояснить не стал.

— А я желаю, чтобы с вашей сестрой всё было хорошо, Ма'Ай. До свидания, — добавила Вивиан от себя.

Ма'Ай покинул корабль и поспешил домой в кузню. Когда он резко распахнул дверь, на дворе была уже ночь. Его друзья сидели за столом и уплетали ужин. Они с удивлением посмотрели на него.

— А мы тебя уже и не ждали, — заметил Ста'Арх.

Ма'Рта подпрыгнула за тарелкой для брата.

— Ма'Рта, с тобой всё хорошо? — поинтересовался Ма'Ай.

Сестра удивленно повернулась к нему:

— Ох, да. Всё хорошо. Представляешь, сегодня заснула в доме у Лакорна. Даже не знаю, как такое объяснить. Ничего не помню, будто весь день проспала, — пояснила она. — Я как раз рассказывала об этом. Вот не знаю, как такое могло произойти. Меня разбудил сам Лакорн. Так неудобно.

— Ты перетрудилась, — заметила За'Ар.

— Да, — подтвердила Ма'Рта. — Лакорн так мне и сказал, и дал три дня выходных.

Ма'Рта поставила тарелку жаркого на стол.

— Ты чего стоишь, Ма'Ай? Садись уже, — сказала она.

Он так и сделал. У Ма'Рты было прекрасное настроение.

— Хорошо, что Тирна приготовила ужин, иначе я бы не успела. Сама не более часу назад вернулась домой, — заметила Ма'Рта, широко улыбаясь.

— Я почти начал волноваться, — добавил Ста'Арх.

— Ма'Ай... — протянула Тирна глядя на него, но видимо сбилась с того, что хотела сказать и замолчала.

— Хорошо получилось, — отозвался Ма'Ай и кивнул Тирне.

Он не хотел, чтобы она сказала что-то ещё.

А вот взгляд Шивы его напрягал. Она просто буравила его взглядом, молча отправляя ложку за ложкой в рот.

«Да и ладно, — подумал Ма'Ай, — главное с сестрой всё в порядке. Остальное узнает у Ашран, завтра»

Глава седьмая. Магия непростая

«НЕНАВИЖУ ЭТО ЧУВСТВ, КОГДА ТЕБЕ ГРУСТНО, НО ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ ПОЧЕМУ. ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ ТАКУЮ ПУСТУТУ. ТЕБЯ СПРАШИВАЮТ, ЧТО ЖЕ НЕ ТАК, НО ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ОБЪЯСНИТЬ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ СПРАШИВАЮТ. НЕ ЗНАЮ, ЧТО ХУЖЕ...» ИЗ ДНЕВНИКА БЕСНОГО МАГА

Едва Ма'Ай на следующий день явился в лабораторию Ашран, как ему было велено помогать грузить телегу. Через час они должны выдвигаться в старшую школу магии. Ашран была серьёзна, как никогда. Она скрупулёзно собирала небольшой деревянный сундук, наполняя его книгами, колбочками, склянками с зельем, и без конца потирала подбородок в раздумьях. Поговорить с ней ему удалось только в телеге. На козлах сидели Румпель с Холгуном, они же с Ашран расположились сзади. Ашран восседала на своём сундуке, а он рядом. Все как один в одеждах службы решения дел.

— Как твоя сестра? — первой спросила Ашран.

— Она ничего не помнит. Думает, просто уснула, — тут Ма'Ай сунулся в сумку, перекинутую через плечо: — Вот, деньги за работу, а это Вивиан велела передать семье Артос.

Он протянул ей мешочек с деньгами и потрёпанную книгу. Та приподнялась и сунула всё, не глядя, в сундук.

— Вы поймали Эзона? — поинтересовался Ма'Ай.

— Тебе повезло, что я отправила тебя в гавань. Помощник Эзона, тот здоровяк, просто взбесился и забил Эзона до смерти.

— Как? — открыл от удивления рот Ма'Ай.

— Голыми руками, — отозвалась Ашран.

На несколько секунд Ма'Ай поражённо замер. Ашран абсолютно спокойно ему сообщала, что человек, который пару дней назад отвешивал ему комплименты, теперь мёртв.

— К тому же вчера произошло нечто занимательное. В непатрулированные районы согнали почти всю службу решения дел. Тебе не кажется, это странным? — поинтересовалась Ашран.

Он растерянно воззрился на эльфийку, что сейчас по обыкновению была в мужском обличье:

— Клянусь Анкалеме, я не знаю... — признался Ма'Ай. Ашран вроде слегка опечалилась, будто хотела с ним что-то обсудить, но передумала.

— А семья Артос знает, что статуэтку мы не им отдали? — через некоторое время спросил Ма'Ай.

— Знает, можешь не сомневаться, — заметила Ашран. — По этой причине мы сегодня и отправились в школу магии. Один из членов семьи Артос, ученик школы. Несколько дней, как находится в лазарете в бессознательном состоянии. Наша расплата за своеволие — разобраться в этом вопросе.

Они выехали из города, свернули влево, и их телега покатила по накатанной дороге, тянувшейся вдоль безумно высоких гор с одной стороны и огромного сине-зеленого леса с другой. Несмотря на то, что погода сегодня выдалась на удивление ясная, на небе ни облачка, Ма'Ай глубже закутался в плащ, в тени ещё было прохладно. За год жизни в Верлиоке Ма'Ай редко выбирался из города и сейчас с наслаждением рассматривал

местный пейзаж, совершенно позабыв обо всех былых неурядицах. Ма'Айю, привыкшему к практически голым песчаным видам Белого королевства, столь буйная растительность казалась чем-то сказочным. Огромные пятилистные деревья тянулись ввысь, будто желая перерости горы, что закрывали восходящее солнце. На их ветках виднелись уже набухающие почки. Некоторые мохнатые вайи, что набирали силу, свисали на дорогу и задевали проезжающую мимо телегу.

В целом поездка прошла уныло. Природные красоты вскоре Ма'Айя утомили. Ашран всю дорогу медитировала, а Румпель с Холгун никогда не относились к людям болтливым. Уже темнело, когда они подъехали к какому-то поселению, что находилось в большом овраге у подножия горы. Сверху виднелись тоненькие три улочки. В центре находился большой пруд, а за ним разработанные поля. Все домики были крепкими, деревянными. Они притормозили у большого двора в центре. Им на встречу сразу же выбежал мужчина возраста Румпеля.

— Смотрю в окно, думаю, глаза меня подводят! Нет, правда, Румпель! — радостно прокричал он с порога.

Странное дело, но Румпель расплылся в довольной улыбке. По-молодецки спрыгнул с козел и поспешил на встречу.

— Друг мой, Андор! — воскликнул Румпель. — Выглядишь хорошо. Здорово.

— А ты всё куришь? — засмеялся Андор.

— А то!

Их встретили так, будто ждали. Провели в дом, где мужчины представили друг другу своё окружение: один — членов семьи, другой — своих сопровождающих. Усадили за большой накрытый стол, на который без усталости жена и дочь Андора подносили вкусности, встречая важных гостей.

— Если бы я знал, что ты относишься к службе решения дел, я бы давно тебе написал, — уже за столом произнес Андор.

— А что такое случилось? — поинтересовался Румпель.

— Так ты не поэтому приехал? — искренне удивился Андор в ответ. Поняв, что Румпель не в курсе, начал пояснять: — В нашем поселении за этот год пропали семь девушек и парень. Я ведь староста, знаю каждого жителя. Да и поселение наше не так велико, чтоб не знать. Сначала мы внимания не обратили. Первыми пропали те, кто хотел податься в город. Мы тогда решили, что они в город вместе ушли. Семьи у девушек не особо благополучные, да и сами они не великого морального облика. Вот мы и подумали, подались девчонки в цветущие районы города. Затем дочка соседки пошла в лес за орехами и пропала. Искали все, не нашли. Чай, зверь какой съел. Потом девчонка с парнем исчезли. Тут тоже пришли к такому умозаключению: родители их были против отношений, вот и сбежали.

Он вздохнул и продолжил:

— Эти пропажи мы и пропажами не считали до начала зимы. А за зиму пропали три девушки. Домыслить, куда они делись, мы не в силах. Первой исчезла девчушка, наша соседка. Я за ней приглядывал. Сиротка она. Родители скончались три года назад. Ни следа, ничего. А другие две девушки работали в школе магии горничными. Ушли с утра на работу и не вернулись, но и до школы они не дошли. Я ходил к Гелидору, он нынче заведует школой. Ты помнишь его высокомерие?

Румпель согласно кивнул, он продолжил:

— Так он меня еле принял и сказал, что ему нет дела до сельских девок, — печально

вздыхнул он. — Мы тогда с жителями посоветовались, наскребли золотых, и заявление в службу решения дел написали. Увидел тебя в форме и решил, что по моему вопросу.

— Ты что-нибудь об этом слышал? — переадресовал вопрос к Холгуну Румпель.

— До меня не доходят заявки, — отрицательно покачал головой тот в ответ.

— Все страннее и страннее, — заметила Ашран, потирая задумчиво подбородок. — Когда пропала последняя девушка?

— Да, месяца не прошло как, — отозвался Андор. — Многие в поселении работают в школе магии: кто-то работает горничными, кухарками, разных дел мастерами, другие на полях выращивает провизию. Всё поселение, так или иначе, существует для комфортного существования магов. Но все боятся и с некоторых пор стали ходить только группами.

Отужинав, да обсудив ещё некоторые подробности о пропажах, их расположили на покой.

Чтобы попасть в старшую школу магии, нужно преодолеть получасовой подъём по выдолбленным ступеням в горе. Румпель идти отказался, сославшись на то, что слишком стар для таких походов. К тому же старшая школа магии, из которой его отчислили, не навеивает ему приятных воспоминаний. Стоит ли удивляться тому, что отчислили Румпеля за курение трубки. Поставщиком табака в своё время являлся теперь уже им знакомый Андор. Их сопровождала дочка Андора, что работала кухаркой при школе. Школа располагалась в плоском уступе горы и была выдолблена так же, как и ступени. С фасада это было великолепное рукотворное здание с резными в камне окнами и проходами, украшенное огромным количеством магических рун по поверхности, с высокими потолками помещений внутри. В остальном старшая школа магии не произвела на Ма'Айя особого впечатления, всё в ней было на удивление тоскливо и больше напоминало дом казначейства, в котором работала За'Ар, чем нечто волшебное-магическое. Так часто бывает, ожидания никогда не согласуются с реальностью бытия.

Гелидор был истинным воплощением высокомерия всех магов Империи. Он осмотрел посетителей пытливым взглядом с головы до ног, не вставая с кресла в своём кабинете и не предлагая присесть. Ма'Ай впервые в жизни видел человека с такой длинной бородой, частично заплетенной в косу, и абсолютно лысой головой. Он бы счёл это забавным, если бы не холодный приём, который им был оказан.

— Чем обязан вашему визиту? — спросил Гелидор, будто его принуждали.

— Доброго вам дня! — на Холгуна инсинуации поведения не производили впечатления. — Я начальник службы решения дел Холгун Юдзуно. У нас письмо от семьи ваших попечителей вы должны предоставить нам комнаты и проживание на время расследования происшествия с вашей ученицей, что принадлежит семье Артос. Об этом я думаю, вам известно.

Гелидор нахмурился, читая переданное ему письмо, затем поджал губы и позвонил в колокольчик. В кабинет вошёл высокий худой мужчина в тёмных мантиях мага. Держался он весьма апатично и выглядел несколько изможденно, у него была бледная кожа и тёмные круги под глазами.

— Это мой заместитель — Ангус. Он будет вам во всем помогать, — и будто нехотя добавил: — Вы должны кое-что знать, мы пока не распространялись об этом. У нас один из учеников недавно спрыгнул со скалы, его тело только вчера достали. Мне неизвестно, имеет ли это какое-либо отношение к произошедшему с ученицей из семьи Артос, но у него с ней

были межличностные внешкольные отношения. Если вы понимаете, о чем я.

— Вы имеете в виду, что у них имелись интимные отношения? — уточнил Холгун.

— Да, — сквозь зубы подтвердил Гелидор. — Им было выписано несколько предупреждений. Такое не приветствуется в нашей школе.

— Как вы охарактеризуете пострадавших детей? — спросила Ашран, игнорируя его замечание.

— Наша школа одна из лучших школ магии в ней учатся лучшие дети семейств, — заметил Гелидор, явно злоупотребляя словом «лучший». — Нарин Артос и Фил Капица прекрасные представители своих семейств, несмотря на имеющиеся у них выговоры. Они одни из лучших учеников нашей школы. Мы подозреваем, что ребята экспериментировали с запрещёнными видами магии.

— Что именно произошло с Нарин? — продолжала Ашран.

— Неделю назад на уроке алхимии она потеряла сознания и до сих пор не пришла в себя. Определить причину нам не удалось, — ответил Гелидор. — Мы признаём своё полное бессилие в этом вопросе. Маги-лекари не могут определить, что с девушкой, но поддерживают приток жизненных сил.

— Что насчет парня? Почему решили, что он прыгнул со скалы? — поинтересовалась Ашран.

— Он очень переживал о том, что произошло с Нарин. Ему явно было что-то известно, но нам он не признался. Мы думаем, мальчишка был напуган и в том, что произошло винил себя.

— Сейчас мы хотели бы осмотреть Нарин, а потом школу, — проинформировала Ашран заведующего школой магии, тот согласно кивнул в ответ.

— Прошу, идёте со мной, — отозвался приставленный к ним помощник. — Я всё покажу и отвечу на все дополнительные вопросы.

— Сколько учеников в школе? — поинтересовался Холгун, когда они вышли из кабинета и двинулись по коридору, больше походившему на каменный тоннель с множеством магических фонарей.

— Сто двадцать, — ответил Ангус и уточнил: — Из них семнадцать девушек, в том числе и Нарин Артос. Наша школа не считает, что уровень магии как-то зависит от пола. Конечно, существуют некоторые проблемы, учитывая юный возраст учеников, но в целом совместное обучение очень благотворно сказывается на учениках. Простые человеческие желания способствует большим усилиям в учебе, в желании выделиться.

Сказано это было на удивление монотонным тоном, но Ангус производил впечатление человека любящего своих учеников, пытающегося оправдать некоторые поступки учащихся.

— Ещё учитывая, что за их обучения одинаково платят, что тоже не плохо, — заметила Ашран.

— И это бесспорно, — апатично согласился Ангус.

Лазарет находился на втором этаже с большими застекленными окнами, в полной мере освещенной естественным светом. Девушка лежала на кровати под белоснежной простыней, тут же находилась маг-лекарь. Обговорив с ней и не узнав ничего нового, Ашран попросила магов покинуть лазарет. Ангус немного замялся, но всё же последовал за лекарем, заявив перед уходом, что сходит распорядиться насчёт их комнат.

Как только дверь за ними закрылась, Ашран принялась осматривать девушку, без движения лежащую на кровати. Она пощупала её за руки, подняла веки, заглянула в глаза,

послушала дыхание, затем откинула простыню в сторону, от чего Ма'Айю пришлось смущенно отвернуться.

— Ну-ка, Ма'Ай, иди сюда, — позвала его Ашран.

— Я? — неуверенно переспросил он.

— А у нас есть ещё один Ма'Ай? Брось смущаться, мне нужна твоя помощь, — сурово повторила она.

Он подошёл.

— Я хочу, чтобы ты осмотрел её, — пояснила она.

Борясь со смущением, Ма'Ай перевел взгляд на девушку, что лежала на кровати в короткой рубашке. Она была неестественно бледной, грудь её еле приподнималась при дыхании, а губы отдавали синевой. Ма'Ай не знал, что же он может сделать. Он ничего не понимал в медицине. Ма'Ай взял девушку за руку, как до этого делала Ашран. Его телс пронзил ледящий холод, такой, которого он никогда в своей жизни не испытывал. Он будто примёрз к девушке, не в силах двинуться с места, в то время как лёд жёг огнём его руки. Он силился что-то сказать, но не мог даже вздохнуть. В его душе начал подниматься неопиcуемый ужас. Наконец, Ашран отодвинула его руку, Ма'Ай тут же в испуге отпрянул.

— Почувствовал? — спросила она.

Он со страхом посмотрел на неё:

— Что это было?

Он едва не закричал, когда Ашран улыбнулась в ответ:

— Замечательно, — заметила она. — Ты ощутил действие чистой некромантии. Судя по тому, что это чувствуем только мы, значит магия высокого уровня.

Он не верил своим ушам. Магия высокого уровня, когда он не способен зажечь даже фонарь?

— Запомни эти ощущения, Ма'Ай. Так некроз вытягивает жизнь. — заметила Ашран. — Девушка к чему-то прикоснулась, что обладает редким некротическим свойством. Не будь она эльвиром и если бы лекари не вливали в неё жизненные силы, то была бы уже мертва. Ты же имеешь уже представление кто такие эльвиры?

Ма'Ай утвердительно кивнул.

— Думаю, Нарин Артос очень молодой эльвир, но все же смогла остановить некротию. Это хорошо. У нас будет время найти, куда влезли детишки, — заключила Ашран.

Она накрыла девушку простыней, и принялась расхаживать по комнате, потирая подбородок.

— Что думаешь насчёт парня? — прервал её размышления Холгун.

— Очень сомнительно, — отозвалась Ашран. — То, что у них были отношения. Не сомневаюсь ни на секунду. Нарин всё же эльвир. А вот то, что он спрыгнул со скалы...

— Может устроить допрос учеников? Кто-нибудь должен что-то знать, — предложил Холгун.

— Жаль, наш старикан не пошёл. Было бы не плохо, если бы он послушал, кто что говорит в школе, — вздохнула Ашран. — Для начала обыщем школу. Где-то здесь прижился некромант.

Их прервал стук в дверь. Они переглянулись. За дверью стояла молодая светловолосая девушка милой наружности в тёмно-бордовой тау-мантии ученика с вышитыми охранными золотистыми рунами на рукавах.

— Извините, — робко начала она, — вы, случаем, не из службы решения дел?

— И вовсе даже не случаем, — ответил открывший дверь Холгун.

Она взволновалась и неуверенно пояснила.

— Я увидела вас, ваши эмблемы на плащах...

— Вы не из Верлиоки? — втиснулась в разговор Ашран.

— Ох, нет. Я из Туи центрального города Империи, — подтвердила девушка, что объясняло её не уверенность в форме службы решения дел. — Мне нужно с вами поговорить.

Без лишних слов Холгун кивнул, приглашая девушку войти, и прикрыл за ней дверь. Едва переступив порог, она обеспокоенно посмотрела на девушку на кровати:

— Нарин, — с дрожью в голосе произнесла она и чуть ли не кинулась к ней, но её остановила Ашран:

— Лучше вам к ней не прикасаться.

— Простите, — со слезами на глазах ответила девушка. — Нарин моя подруга. После того как это случилось, нам запретили её навещать.

— Для начала поясните, кто вы, — предложил Холгун.

— Я Иринэ Фойх, я на последнем году обучения заклинателей.

— Вы хотели поговорить именно с нами? — уточнил Холгун.

Она кивнула, опустив голову и спрятав руки перебирая что-то под мантией. Даже Ма'Ай понимал, что она хранила некий секрет, разрываема изнутри желанием смолчать и потребностью признаться кому-то.

— Обещайте, что никому не скажете, — наконец что-то решив для себя, произнесла девушка.

— Почему? — заинтересовалась Ашран.

— Мы ходили в старую школу магии, куда вход воспрещён, — призналась Иринэ. И не дождавшись затребованных обещаний продолжила: — В ту ночь мы с ребятами отмечали успешную сдачу экзаменов. Мы решили устроить испытание на смелость и отправились в старую школу.

— Разве школа не закрывается защитной завесой на ночь? — заметил Холгун.

— Преодолеть не замеченными завесу для нас не препятствие, — Иринэ сделала второе признание в нарушении правил школы.

— И что там произошло? — уточнил Холгун.

— Я не знаю, что вам сказать, вроде как и ничего и не произошло. Я никаких странностей не заметила, — развела руками Иринэ. — Только Нарин закричала в ужасе, чем всех перепугала и убежала, как только мы попали в закрытую комнату.

— Что значит закрытая комната? — включилась в разговор Ашран.

— Эта комната и была нашим испытанием. Ходят слухи, что в ней и задохнулись ученики школы, что не смогли выбраться, когда случился пожар. Их души до сих пор там и кричат по ночам.

— Вы же ученица старшей школы магии! — воскликнула Ашран. — Вам бы не знать, что души и призраки досужие предрассудки неучей.

Иринэ вздрогнула от неожиданного порицания и виновато опустила голову, лишь добавила в своё оправдание:

— Это показалось нам забавным тогда.

— Кто именно ходил с вами? Их имена, — вмешался Холгун.

— Я, Нарин, Фил, Шилона, Флавус и Лэйхо. Мы все с курса заклинателей.

— Вы все были в закрытой комнате? — уточнила Ашран.

Иринэ немного подумала, прежде чем ответить:

— Нет, Шилона с Флавусом вообще не заходили в дом. Они предпочли остаться в лесу и пообжиматься, — призналась Ирина.

— Судя по вашим парочкам, верно ли я угадаю, что ты и Лэйхо? — дополнила свой вопрос Ашран.

Девушка покраснела.

— Нет... — начала она, но её прервал внезапный протяжный крик за окном, за которым последовал глухой хлопок и пронзительный женский визг. Они, не сговариваясь, кинулись к окнам. Слева от окон лазарета, почти по центру ко входу в школу, на камнях лежал человек с раскинутыми руками в тёмно-бордовой мантии ученика старшей школы магии.

Глава восьмая. В огне не сгорая

"НЕ УВЕРЕН — НЕ ДЕЛАЙ ЭТО!" из ДНЕВНИКОВ БОСОНГО МАГА.

Первой из них во двор школы выбежала Ашран. Она осмотрела парнишку и констатировала смерть. Пока Ашран с Холгуном разглядывали балконы на верхних этажах, Ма'Ай парализовано замер на ступенях. Он не мог оторвать взгляд от распростёртого тела молодого парня приблизительно его возраста. Парень лежал на спине с раскинутыми руками, с распахнутыми полами мантии-туи. Над его головой растекался кровавый ареол, чем напоминал Ма'Айю красно-кровавого королевского мотылька его родных земель.

В его душе медленно образовывалась огромная яма, в которую он падал. Все последние несколько дней всё происходило так быстро, что у него было тягостное ощущение потери контроля над своей жизнью. В какой момент он стал послушной марионеткой Ашран? Всё его существо наполнялось сумасшедшим страхом необратимости и неизбежности происшествий.

Рядом с ним замерла и юная ученица Иринеэ. Она пораженно воскликнула:

— Лэйхо! — и прикрыла рот рукою.

Вскоре во дворе появились и учителя школы во главе с Гелидором, а в окнах замаячили лица учеников. Остальные участники службы решения дел сохраняли собранность действий в отличие от Ма'Айя.

— Чьи балконы находятся на верхних этажах? — хмуро спросил Холгун, обращаясь напрямую к Гелидору, но вмешался Ангус:

— Это мои, мои балконы над входом, — сказал он, будучи крайне взволнованным. — Я на минуту зашёл к себе, как он постучался...

Ангус замялся, прикрыл рукою глаза, пытаясь совладать с переживаниями и продолжил:

— Лэйхо ворвался ко мне. Он был агрессивен и говорил странно. Я пытался его успокоить, понять, что с ним происходит. А затем он рванул к балкону и прыгнул вниз. Я не успел его остановить.

Ангус вздохнул и взглянул на Гелидора, в поисках поддержки.

— Разве сейчас у них не занятия? — уточнил Холгун.

— Да. Он был на моих занятиях по начертанию, — подал голос один из учителей. — Лэйхо попросился выйти, сослался на то, что неважно себя чувствует. Не более десяти минут назад.

В распахнутых дверях школы стали мелькать красные мантии учеников, те, что были заинтересованы случившимся, да являлись посмелее других. Это заметил Гелидор и громогласно объявил:

— Так давайте расходитесь! Тут трагедия! Ничего интересного. Займитесь учениками.

Столпившиеся учителя вздрогнули, и опомнившись, гуськом потянулись внутрь.

— Надо убрать Лэйхо с обозрения, — вздохнул Гелидор, впервые показав свою человечность.

Ашран обратила внимание на Ма'Айя, схватила его за руку и потянула в холл школы вслед за уходящими учителями. Ма'Ай послушно следовал за ней, не сопротивляясь.

— Ма'Ай, посмотри на меня, — попросила Ашран. Она взяла его лицо в ладони. — Успокойся, прошу. Мы потом всё обсудим. Всё будет хорошо, поверь мне.

Он смотрел на неё, чувствуя, как стараниями Ашран по его телу расплывается тепло и покой. До них донесся голос Ангуса с крыльца:

— Иринэ, как ты?

Ашран вся напряглась, прислушиваясь и продолжая делиться теплом с Ма'Айем.

— Я...я не знаю, господин Ангус, — отозвалась растерянно девушка. — Почему они так поступают?

— У меня есть некие опасения, — сказал Ангус. — Скажи, Иринэ, неужели вчетвером ходили в старую школу магии, когда запрещено посещать то заброшенное здание?

— Откуда... откуда вы это знаете? — удивилась Иринэ с долей испуга в голосе.

— Лэйхо успел сказать, прежде, чем его охватило безумие.

Иринэ охнула.

— Зачем вы ходили туда? — вздохнул Ангус. — Это не хорошее место.

— Мы поступили глупо, — слышно было, как Иринэ заплакала. — Мы дружили. Если бы я знала, что такое произойдет, то сама всех бы отговорила.

— Ну, тише. Тише, — сказал Ангус с долей нежности в голосе, нарушая свою апатичность. — Иди к себе. Успокойся. Я отправлю к тебе мага-целителя.

Через секунду Иринэ вбежала в холл, где её перехватила Ашран:

— Подожди, — сказала Ашран. — Ты пойдешь с нами.

Глядя на то, как удивленно смотрит Иринэ на руку Ашран, что удерживала девушку, Ма'Ай догадался, что Ашран успокаивает девушку магией, как и его. Ма'Ай с облегчением отметил, как к нему вернулось его обычное душевное состояние.

— Но почему я должна идти с вами? — спросила Иринэ, утирая слёзы.

— Я объясню всё потом. В любом случае все должны подчиняться службе решения дел.

Иринэ покорно кивнула. Через минуту — другую они втроём вышли во двор школы. Тело Лэйхо уже заворачивали в какую-то тёмную ткань пара крепких деревенских мужчин, работавших тут.

— Холгун, мы уходим! — привлекла внимание мужчины Ашран, что наблюдал за происходящим вокруг.

Надо отдать должное выдержке Холгуна, никаких лишних вопросов он задавать не стал, даже увидев, что с ними следует и Иринэ. Однако на это обратил внимание Ангус.

— Что происходит? — воскликнул он. — Куда вы забираете Иринэ?

Всё-таки смерть ученика лишила его голос монотонности.

— Иринэ Фойх с этой минуты под защитой службы решения дел, — объявила Ашран и дала им знак продолжать двигаться дальше.

Больше Ангус ничего не спросил, и они начали спуск по ступеням вниз. Где-то на половине пути Иринэ не выдержала и спросила:

— Скажите, почему меня надо защищать?

— Мне очень жаль, Иринэ, но ваших друзей убил человек. Они вовсе не покончили собой с горя или безумия, — отозвалась Ашран, что шла рядом с Иринэ.

Иринэ какое-то время помолчала, обдумывая, а потом произнесла, выдавая свои исключительные мыслительные способности:

— Вы так решили, потому что Лэйхо упал с балкона господина Ангуса?

Ашран заинтересовано посмотрела на девушку, ожидая продолжения. И оно незамедлительно последовало:

— Вы заблуждаетесь, — начала она. — Ангус хоть и производит впечатление человека

незаинтересованного, но уверяю вас, он очень внимателен к каждому ученику. Я третий год учусь в школе. Я знаю. Я знакома с его дочерью.

— Возможно, — кивнула Ашран, соглашаясь. — Скажите, откуда господин Ангус знал, что вас было четверо?

— Ему сказал Лэйхо.

— Вас же было не четверо?

— Если Лэйхо был не в себе, то мог что-то напутать, — предположила Иринэ.

— Есть и другой вариант, — заметила Ашран. — Ангус был в той комнате и видел только вас четверых, ведь двое из ваших друзей не входили.

Иринэ вновь задумалась, а Ма'Ай поразился вниманию Ашран, ведь он даже не обратил внимания на такие мелочи в разговоре.

— Я всё равно не могу поверить, что господин Ангус их убил, — вздохнула Иринэ.

— Я советую больше опасаться того, что он может оказаться некромантом. До тех пор, пока мы не проясним этот вопрос, вам лучше оставаться рядом с нами, — сказала Ашран.

Иринэ не спорила. Вскоре они добрались до поселения и вернулись в дом старосты.

— Я не думал, что вы за пару часов всё раскроете, — удивился Румпель, выслушав их объяснения. — И что будем делать?

— Для начала проверим старую школу, посмотрим что там, — отозвалась Ашран, ковыряясь в своём сундуке.

— Андор, что ты знаешь о пожаре в старой школе? — поинтересовался Румпель у друга.

— Пожар случился почти полвека назад, — почесал голову Андор. — Этот пожар знатно подмочил репутацию нашим магам, до этого в школе училось гораздо больше учеников. Я помню, как всё полыхало. Ночью на западе было светло, как днём. Погибло детишек тридцать не меньше и не сгорели, а задохнулись, набившись в комнату. Преподавателям повезло меньше, если можно так сказать, они все до единого сгорели. Все были огневиками и погибли в пожаре, дурное совпадение, не так ли?

Румпель кивнул, Андор продолжил:

— Были большие разборки, съехалось много важных людей. Решили, что это какое-то нарушение в использовании магии. С тех пор старшая школа не обучает огневиков, тогда же убрали предыдущего управляющего и назначили на его место Гелидора.

— А Ангуса знаешь?

— Знаком. Насколько мне известно, он ничего не преподаёт, а занимается полным обеспечением и управлением школой. Отсюда и знаю. Он часто бывает у нас в поселении по делам. Ангус довольно простой. Ну, если вы видели его, по нему не скажешь, что он зазнавшийся маг. По нему, вообще, мало что скажешь, — усмехнулся Андор. — Ангус и предложил мне, написать в службу решения дел, когда я рассказал о нашей беде.

Он задумался и добавил:

— Он приехал почти сразу после назначения Гелидора, вроде старый приятель из его родных земель.

— А где его дочь сейчас? — поинтересовалась Ашран.

— Так уехала она, года четыре назад, поступила в какую-то другую школу магии. Огневичка она. Он тогда порывался за ней поехать, да его Гелидор уговорил остаться. Ангус каждый год ездит её навещать. Без него в школе начинает твориться полный хаос, люди жалуются без конца. Гелидор редкостный самодур, хоть и не плох в магии.

— Так значит, в службу решения дел рекомендовал написать господин Ангус, — вмешалась в разговор Иринэ. Ей до сих пор не верилось в доводы Ашран.

— На столь мелкую заявку даже не обратят внимания, — возразил Холгун. — Стоит лишь немного понимать, как обстоят дела в окружающем мире, чтобы это предположить.

— Никому нет дела до простых людей, — скрипнул зубами Андор.

После этого разговора Ашран уединилась в комнате, что выделили для постояльцев. Румпель достал пачку небольших листков, поставил на стол бутылочку чернил и принялся перьевой ручкой что-то писать невидимое глазу Ма'Айя. Холгун задремал, опершись на руку за столом рядом с Румпелем, стоило только позавидовать его спокойствию. Иринэ была предоставлена сама себе, она грустно сидела на лавке около окна погруженная в свои мысли, Ма'Ай хотел с ней поговорить и как-то подбодрить, но не нашел в себе смелости.

Недолго думая Андор привлёк к делам по хозяйству бесцельно болтающегося по дому Ма'Айя. С лопатой в руках его и застал окрик Холгуна:

— Ма'Ай, где Иринэ?

Ма'Ай растерянно оглянулся:

— В доме была.

— Демон меня раздери! — воскликнул Холгун.

Ма'Ай воткнул лопату в землю и поспешил в дом.

— Как вы умудрились втроем проворонить девчонку? — вопрошала Ашран, но никто не спешил оправдываться.

— Скорей всего она сама улизнула, по-тихому, — предположил Румпель.

— Собираемся и выдвигаемся! — объявила Ашран.

Поднялась суета. Грудь Холгуна украсила портупея, перекинутая крест-накрест и наполненная небольшими ножами пригодными для метания. Ашран повесила сумочку на бедра и порывшись в кармане, достала четыре кулона с мутноватым белым камнем.

— Я успела зарядить только три, — вздохнула она.

— Как раз хотел сказать, — подал голос Румпель. — Я не пойду. Ты же знаешь, я практически бесполезен против некротии. Буду наблюдать со стороны.

Ашран кивнула, принимая его решение.

— Я подготовил сгилы, — сказал Румпель, передавая небольшую стопку прямоугольных листов, что написал и перевел взгляд на Ма'Айя: — Сигил — это знак или печать, назови как угодно. Истинное имя записанное на листке облечённое внутренней силой. Ма'Ай, я приготовил один и для тебя, случится, испробуешь.

Он протянул Ма'Айю серый листок чистый на первый взгляд.

— Сигил сна, — пояснил Румпель. — Истинное слово обозначающее сон — майниус. Запомни.

Ма'Ай повторил про себя несколько раз, взяв листок.

— Попробуй вложить в сигил, что вкладываешь в своих светлячков, когда будешь произносить, — добавил Румпель. — А уж по возвращению займёмся изучением начертаний.

Сгоревшая школа магии находилась в глубине великого сине-зеленого леса. Равнину вокруг неё окружали мёртвые древесные великаны, некоторые из них ещё стояли сухими, безжизненными стволами упираясь в небо, часть из них уже валялась, образуя на месте своего падения прогалины, в которых нетерпеливый подросток юного дерева тянулся к солнцу. Им неизвестно была тропинка до сгоревшей школы, поэтому приходилось постоянно

перебираться через колдобины и кучи хвороста, обходить огромные стволы упавших деревьев.

Обгоревший массив старой школы, если припомнить рассказ Андора о силе пожара, поражал своей сохранностью. По сути, представлял собой обугленное черное здание, сохранившее свою конструкцию и даже крышу. Они подошли, дверей в широком входном проёме не было. Ашран прикоснулась к косяку и произнесла, озвучивая свои мысли:

— От полного выгорания школу сохранило действие какого-то заклинания.

Они переступили порог. Внутри всё было пусто, тихо, черно и темно, кое-где валялись пожухлые листья, занесённые ветром.

— Ма'Ай, запусти светлячков, — велела Ашран.

Ма'Ай так и сделал, одновременно с этим вокруг него пронесся какой-то шепоток. По его телу прошла дрожь.

— Чувствуешь? — заметила Ашран. — Это тьма услышала тебя.

Чем дальше они продвигались внутрь школы, тем холоднее становился воздух вокруг, Ма'Ай поёжился. Двигаясь от входа по прямому просторному коридору, они натолкнулись на единственную сохранившуюся здесь дверь, да и стены были не обожжённые, каменные.

— Как странно, — заметила Ашран.

Ашран тронула ручку двери.

— Заперто. Холгун сможешь открыть?

Холгун присел перед дверью, орудуя в замке какими-то железячками. Он кивнул и отворил дверь, укрывшись за каменной стеной. Их встретила тишина, а Ма'Айя накрыл тихий шепот. Он замер, не понимая, а кулон на его груди тускло засветился.

— Ма'Ай, игнорируй. Не замечай, — сказала Ашран. — Здесь насытившаяся тьма.

Она открыла сумочку и достала оттуда кусочек парафина и протянула Ма'Айю:

— Заткни уши. Ты же слышишь её?

Он кивнул и последовал совету Ашран. Парафин в его ушах на слух не сильно повлиял, а вот шёпот прекратился.

— Входим? — спросил Холгун.

Ашран кивнула.

В комнате никого не было, но в отличие от всего дома здесь была мебель. Перевернутые столы, стулья, шкафы, пол был усыпан хаотично разбросанными книгами. Всё было покрыто слоем пыли. Привлекали внимание две металлические статуи в виде человеческих фигур стоящие спина к спине в центре.

— А вот и ответ, — произнес Холгун. — Подтверждение слухов о том, что души кричат по ночам — тягуны.

— Кто-то создаёт кровавый камень, — добавила Ашран. — Если это Ангус, то мы его опередили. Ночью, когда детишки сюда наведались, двери не были закрыты. Это значит одно — он был тут. Он испугался того, что они увидели тягунов. А дети даже не поняли.

Ма'Ай также абсолютно ничего не понимал из их фраз.

— Холгун, закрой дверь, чтобы не вызывать подозрения, — попросила Ашран.

— Ты думаешь, он всё-таки явится сюда с Иринэ? — спросил Холгун.

— Несомненно. Кровавый камень почти готов по моим ощущениям.

Пока Холгун колдовал над дверью с внутренней стороны комнаты. Ма'Ай поинтересовался у Ашран:

— Что такое тягуны?

Ашран сунула руку в карман, откуда достала белые перчатки, надела на руки и подошла к одной из статуй. Быстро пробежав пальцами по её бокам, нашла скрытую ручку и отворила её как шкаф. Внутри статуя была полая и усыпана сотнями игл.

— Эта камера вытягивает кровь и жизнь из жертвы, преобразуя его в необходимый материал, — пояснила она.

Она закрыла статую и потёрла подбородок:

— То, что случилось в школе сорок лет назад не случайность, — заметила она. — Почему-то мне кажется, Ангус не совсем некромант. С такой мощью тьмы он мог использовать её силу в качестве защиты, но не использует. Почему?

— Он не умеет пользоваться тьмой? — предположил Холгун, закончив запирающую дверь.

— Именно! — подтвердила Ашран, она стала обходить комнату, внимательно оглядывая всё вокруг. — Ма'Ай, добавь-ка яркости светлякам.

Он послушно исполнил её просьбу, окон в комнате не было, никто бы не увидел их света.

— Когда детишки попали сюда, Ангус был где-то тут, спрятаться здесь негде, — вслух рассуждала она. — Да и тягуны должны где-то формировать лоно камня...

— Тут есть скрытая комната, — закончил её мысль Холгун и присоединился к ней в поисках. Ма'Ай тоже не стоял на месте, но ничего странного не замечал с тех пор, как шёпот утих.

— Нашёл! — Объявил Холгун, опустившись на колени в углу комнаты.

Всё было довольно просто, несколько досок пола приподнимались, открывая каменные ступени, ведущие вниз в темноту подвального помещения.

— Я пойду первой, — сказала Ашран, высыпая на перчатки какой-то мерцающий в полумраке порошок, растёрла и двинулась вниз, пока Холгун держал «дверь».

— Я буду охранять, — сказал Холгун.

Ма'Ай взглянул на него и последовал за Ашран, запуская вперед них светлячка. Ашран пальцами рук выводит в воздухе какие-то знаки, что образовывали светящиеся узор и укладывались в два мерцающих круга висящих над её руками. Когда они спустились, и свет светлячка высветил то, отчего Ма'Ай поражённо замер у подножия лестницы.

— А вот и лоно, — озвучила Ашран.

Подвальная комната была меньше той, что находилась над ними, но в её углу ровно там, где стояли тягуны наверху, расползлось кроваво-красное нечто. Это нечто походило на живой организм, оплетенный пульсирующими сосудами и венами, по которым шёл кровоток. Множество глаз больших и маленьких украшали мясистое тело, растянувшееся с потолка до самого пола. Целый ряд беззубых ртов открывался что-то шипя. Кое-где торчало что-то похожее на руки человека без кожи, что сжимали и разжимали в случайном порядке свои кулаки. В центре этого тела висел большой мясной шар, немного расширившийся к низу, он сжимался и разжимался подобно сердечной мышце. Ма'Ай замutilo.

Ашран произнесла неясные слова на мелодичном языке, круги над её руками расширились и образовали что-то подобное щитам перед ними. Ашран подошла вплотную к этому нечто и погрузила руку в пульсирующее сердце подобно ножу, плоть засветилась сиреневым по краям разреза, а из раны полилась вполне настоящая кровь кровь. Она вынула руку, держа кроваво-красный камень, будто обработанный неизвестным ювелиром, его грани мерцали в свете его светлячка. Ашран достала мешочек, положила камень туда и убрала в сумку, что висела на её бедре. Отерла руку платком и бросила его на пол, затем

вернулась за светящийся щит, достала стопку бумаг переданных Румпелем ей и принялась произносить слова.

— Клемэ! — произносила она, и листочек срывался с её рук и летел прямо на кроваво-мясистое тело в углу комнаты, повисая на нём. Теперь Ма'Ай видел знаки, написанные на листах Румпелем, они горели огнем.

— Клемэ, — продолжала Ашран. — Клэме.

В этот момент что-то треснуло — это был амулет, что светился до этого ярким светом, но Ма'Ай не заметил. В ту же секунду на него будто упала великая тяжесть, как если бы в него кто-то кинул мешком овса сверху, а он не смог удержать. Он распластался по полу, тяжесть давила с нарастающим усилением. Свет светлячка мигнул. Ашран продолжала отправлять листки не в силах помочь ему или остановиться. По наитию он пытался не гасить светлячка, избегая его мигания. Стало трудно дышать, грудную клетку уже не поднять для вдоха. Невидимая нога давила его, как букашку, прижимая к полу. Ашран хлопнула в ладоши, и кроваво-красный организм взорвался, разбрасывая кровь и плоть, стекая рваными кусками по светящимся щитам Ашран. Давление исчезло, Ма'Ай сделал судорожный вздох и с трудом поднялся.

— Ты как? — спросила Ашран, протягивая ему, платок и показывая, куда его следует применить.

Он даже не заметил, что из его носа хлещет кровь.

— Я в порядке, — отозвался он дрогнувшим голосом.

— Тьма нашла тебя гораздо вкуснее меня, — сказала Ашран и стала подниматься по лестнице, а Ма'Ай понял, что его снова использовали, но послушно последовал за эльфийкой.

— Остаётся дождаться появления Ангуса, — сообщила Ашран, ожидающему их Холгуну.

Они подняли один из диванов, расположили его в дальнем углу и уселись ожидать втроём. Ждать пришлось недолго. Вскоре ключ в замке заворочался и на пороге появился Ангус со связанной по рукам и ногам Иринэ на плече. Наличие пленницы вполне объясняло его задержку. Он положил девушку на пол и зажёл магический фонарь, висевший на стене при входе. Видимо он никого не боялся. Иринэ пыталась сопротивляться и дергалась в путах, пытаясь отползти подальше от похитителя. Они сидели тихо, Ма'Ай боялся даже вздохнуть. Ангус их не замечал.

— Прости, Иринэ, видят боги, я этого не хотел, — сказал Ангус, привычно монотонным голосом. — Я могу успокоить себя тем, что ты будешь последней.

Он наклонился, подхватил девушку подмышки и потащил к тягунам. Холгун, до этого также неподвижно сидящий около Ма'Айя, поднял руку и метнул в спину мага заранее подготовленный нож. Тот, пролетев расстояние, врезался в невидимую стену и отлетел в сторону металлическим звоном. Ангус резко выпустил девушку из рук и повернулся к ним.

— Демон его раздери! Охранка! Он чародей, — вскричал Холгун и вздохнул с сожалением: — А ведь какой удобный момент.

— Вы? — удивился он, увидев их троицу.

Никто не ответил.

— Вы уже всё поняли? — поинтересовался он глухо.

— Скажи, Ангус, зачем тебе это, ведь ты же не некромант? — спросила Ашран.

— Вы же мне не дадите довести до конца? — ответил вопросом на вопрос чародей, за

его спиной Иринэ не оставляла попыток отползти в сторону. — А если я убью девчонку? Прямо сейчас.

Произнес угрозу Ангус.

— Абсолютно всё равно на эту девчонку, — отозвался Холгун. — Мы здесь из-за Нарин Артос.

— Ах, да. Эльвиры важнее всего для службы решения дел, — казалось, он улыбнулся своей догадке в полумраке. — Даже если это крайне глупая эльвирка. Если бы не она, что полезла в лоно тьмы. Сама не знала, куда лезет.

— Они все не поняли, что увидели тут. Ты зря испугался и поубивал ничего не понимающих детей, — заметила Ашран. — Давай, просто поговорим, Ангус. Зачем тебе это надо?

— А вы позволите принести последнюю жертву? — поинтересовался он, в его голосе сейчас без монотонности слышалась надежда. — Иначе столько смертей было зря.

— Решим этот вопрос после того, как поговорим, — хладнокровно объявила Ашран.

Он замер, обдумывая, затем поднял один из стульев и сел. Ангус совсем позабыл о своей пленнице, что сейчас отползла к стене и села там, глядя на них широко раскрытыми глазами и кляпом во рту. Ангус вздохнул, провел рукой по лицу и сказал:

— Моя дочь. Она умерла чуть больше года назад. Глупый несчастный случай. Упала со ступеней и свернула шею. У меня никого нет, кроме неё.

— И? — заметила Ашран, ожидая продолжения.

— Мне, конечно, сообщили. Я поехал в ту школу и там меня нашел он и предложил всю эту схему. Он знал, что старая школа построена вокруг этого каменного жилища какого-то древнего мага. Понимаете, — со вздохом сказал Ангус, обращаясь к ним, — он обещал воскресить мою дочь, если я создам кровавый камень тьмы. Это было ужасно. Мне претило само это действие. Я никогда не думал, что способен убить. Но надежда... Это была надежда. Поймёте ли вы меня? Человека, потерявшего смысл жизни. Вся моя жизнь была в ней.

Под конец его голос начал дрожать, выражая искренность чувств.

— Кто этот некромант, Ангус? Как его имя?

— Я не знаю. Лица я не видел, имени он не называл. Но он поклялся на крови, что выполнит своё обещание, если я изготовлю камень.

Он замолчал, Ашран больше ничего не спрашивала.

— Так вы позволите? — повторил свой вопрос Ангус.

— Не думаю, что мы имеем такое право, — ответила Ашран. — Мы уничтожили лоно тьмы, будь ты некромантом, то сразу бы это заметил.

— Что?! — вскочил Ангус. — Как вы могли? Я столько убил!

Ангус вскинул руку и что-то кинул в центр комнаты. Вспышка и на этом месте появился большой огненный кот.

— Холгун! Девчонка! — крикнула Ашран, всыпая на перчатки мерцающую пудру. Холгун, как молния кинулся к связанной Иринэ.

Кот потянулся, широко зевнул и заметил их. Они с Ашран продолжали сидеть, он поражённо, она, он не знал почему. Огненный кот, как и вполне обыкновенный кот, крадучись двинулся к ним, там, где он ступал, доски пола вспыхивали огнём. Кот притаился и сделал прыжок.

— Беги! — скомандовала Ашран, отпихивая его в сторону.

Перевернутый котом диван вспыхнул. Кот недовольно обернулся и открыв пасть,

выпустив струю огня в сторону беглецов. Всё в комнате принялось пылать. Они выскочили в коридор. К этому времени Иринэ уже была на ногах и без кляпа во рту. Ашран принялась вновь выводить светящиеся знаки в воздухе. На этот раз они образовывали некую эфемерную сферу перед ней. Когда огненное животное выпрыгнуло в коридор за ними, Ашран резко расширила руки вверх и вниз, увеличивая сферу в размерах, и поймала животное как в клетку. Кот недовольно фыркнул огнём, зависнув в шаре над полом. Ашран схлопнула руки и огненное животное исчезло вместе с шаром.

— Надо найти Ангуса, — сказала Ашран отчего-то запыхавшимся голосом.

— Вам не придется искать меня, — донеслось до них с противоположной стороны коридора. — Ведь ты перекрыл выходы. Я так понимаю, из всех только ты владеешь достаточной магией. И именно ты уничтожил лоно тьмы. Если мне не уйти, то я заберу вас с собой.

Сказав это, Ангус топнул ногой по обгоревшему полу из-под его ноги побежал желто-оранжевый круг, пролетел под ними и окончился вспыхнувшей стеной огня окружившей старую школу снаружи. Ма'Ай почувствовал жар огня, что начал лизать не до конца сгоревшие стены школы.

— Это ты лишил меня надежды! — зло крикнул Ангус, обращаясь к Ашран.

Ангус опустил руки и с них на пол упали две огненные змеи, что молниеносно вытянулись и кинулись в сторону Ашран. Она успела создать мерцающий щит и преградить им путь. Змеи врезались в щит, рассыпая пучки огненных искр. Холгун метнул несколько ножей в чародея, но они вновь отскочили от защитной ауры Ангуса. Он даже не обратил на это внимание, запуская змей в обход. Ма'Ай отчаянно думал, чем может помочь, и ему пришла в голову отличная идея. Пока Ашран отбивалась от преследующих её змей, Ма'Ай напрягся, вызывая с десятков крупных светлячков. Он направил светлячков кинуться в лицо Ангуса. Подлететь к нему они тоже не могли, но закрыли обзор, сбившись в кучу. Ангус махнул рукой, пытаясь отогнать светлячков, немного опешил, когда его рука прошла сквозь них, как сквозь сгустки света. Развеять магией ему тоже не удалось, и тогда он повернул замерших до этого змей в сторону Ма'Айя. Ашран едва успела добежать до Ма'Айя и подставить магический щит.

— Боишься за мальчишку? — обрадовался Ангус и улыбнулся.

Змеи принялись гоняться за Ма'Айем, а Ашран приходилось защищать его. Ма'Айк всё-таки удавалось перекрывать обзор мага, и движение змей было не точным. Сейчас практически всё вокруг их пылало, наполняя дымом и обжигая жаром. В руках у Холгуна появился светящийся синим лук. Он принялся выпускать такие же светящиеся стрелы, что врезались в защиту чародея, разбиваясь осколками. Чародей не обращал внимание на потуги Холгуна измотать защиту чародея. К Холгуну подбежала Иринэ и вручила измятый кусок бумажки. Холгун сначала озадачился, но глянув на листок, сразу всё понял. Прикрепил лист к острию стрелы и запустил. В этот раз стрела впиалась в защитный барьер чародея. Барьер мигнул, треснул и осыпался осколками, похожими на стекло. Немедля Холгун метнул пару ножей с обеих рук сразу. Первый попал в плечо чародея, от второго Ангус успел увернуться. Это заставило змей ретироваться. Пока Ангус осознавал произошедшее. Он скрылся в проходе одной из комнат.

— Быстрее! Пока он не восстановил защиту! — крикнула Ашран.

Они кинулись в проход, в котором укрылся Ангус. В голову Ма'Айю пришла вторая идея. Он призвал светлячка и прикрепил к нему лист, что вручил ему Румпель. Сам удивился

от того, что не осязаемый свет удерживает листок и поспешил за остальными. Зажатый в угол, Ангус напускал своих змей на службу решения дел, не давая возможности подойти или сконцентрироваться, а они, в свою очередь, мешали ему восставить защитный барьер. Ма'Ай отправил кучку своих светлячков в сторону чародея. Огненные змеи светлячков не пугали, а приёма против них у Ангуса не было. Лист коснулся лба чародея.

— Майниус, — прошептал Ма'Ай, следуя рекомендациям Румпеля.

Чародей упал. Змеи исчезли. Ма'Ай замер. У него получилось! Холгун громко рассмеялся:

— Молодец, малыш! — констатировал он его успех. — Осталось потушить это пламя.

Ашран опутала чародея удерживающими магическими лентами. Крепко спящий Ангус был водружен на плечо Холгуна, и они двинули к выходу, где стеной полыхало пламя, всё больше охватывая школу огнём. Они замерли на отдалении от огня, в ожидании. Через некоторое время Ашран тихо произнесла:

— Я не могу снять это заклинание. Оно временное. Запущенное, оно перестает действовать, я не могу отменить то, что уже по факту бездействует.

Сердца их замерли. Дым будто стал гуще, и в подтверждение ужаса за их спиной упала охваченная огнём балка с крыши, проломив пол второго этажа. Ма'Айя даже не удивило, что Иринэ испугано вцепилась в его руку.

Снаружи школы раздался угрожающий грохот, один, второй, третий. До них донеслось возмущенное шипение огня и поток чёрного дыма. Гроза, разыгравшаяся снаружи, против воли огня тушила его. Как только огонь огненной стены, окружающий школу, поутих под напором воды, они перешагнули порог и двинули прочь. Вокруг школы разыгрывалась стихия. С неба обрушивалась лавина дождя из черных огромных туч над равниной. Поток воды моментально промочил их насквозь. На краю леса, где дождя почему-то не наблюдалось, стоял Румпель, напряжённо попыхивая трубкой. Рядом с ним стоял Гелидор, высокомерно оглядывая идущих к ним, покрытых сажей с чёрными лицами службу решения дел.

— Румпель, не представляешь, как ты вовремя, — с благодарностью заметил Холгун.

— Если вам не понятно, то огонь утихомирил именно я, — высокомерно заметил Гелидор, будто не замечая связанного приятеля и своего заместителя в его же лице на плече Холгуна.

— Гелидор отличный стихийник, — отметил Румпель, выпуская дымок, пока тучи за их спинами выливали остатки дождя. — Я, как только понял, что пахнет жареным, решил тряхнуть стариной и переместился к Гелидору...

— И насильно переправил сюда, — заметил Гелидор, окидывая Румпеля презрительным взглядом.

— Уж так получилось, — развел руками Румпель, улыбаясь. — Зная тебя, пока вас уговоришь, уважаемый.

— Мы арестовываем Ангуса и забираем его с собой, как пособника некроманта, — сообщил Холгун.

Гелидор кивнул и задрал подбородок выше, затем перевел свой взгляд на всё ещё слабо горевшую по окружности школу:

— Давно следовало похоронить это место, — произнес Гелидор.

Глаза его засветились, он поднял руки, и земля под их ногами задрожала. С двух сторон от школы стремительно возникли скалы, сдвинулись, и обгоревшего здания там словно и

никогда не бывало. У Ма'Айя отвисла челюсть, а тучи с небес стали медленно расплзаться прочь, открывая голубые небеса и пропуская лучи солнца.

— Потрясающая сила магии, — искренне восхитился Румпель.

Гелидор посмотрел на Румпеля:

— Помня твою жалкую способность к перемещению, стоит предположить, мне придется возвращаться ногами? — презрительно спросил он, разглядывая трубку во рту Румпеля.

— Ты прав, — согласился Румпель, ни капли не смущаясь. — В этом я жалок.

Не сказав, больше ни слова Гелидор развернулся и зашагал в лес, за ним поспешила Иринэ. В то же мгновение на Румпеля обрушился целый ливень воды, сделав его столь же мокрым, как и всех остальных.

— Подлец! — крикнул Румпель в спину Гелидора, выливая воду из трубки. — Ты совсем не изменился!

— Ты тоже, — донеслось до них.

Они все рассмеялись, глядя какое горе охватило Румпеля.

На памяти Ма'Ай это осталось одним из самых быстрых дел. Они вернулись в поселение, где их новости встретили радостным облегчением. Удостоверившись, что Нарин Артос пришла в себя, погрузив до сих пор спящего Агнуса с сигилом на лбу на телегу, они двинули обратно в город. Несмотря на всё, душа Ма'Айя наполнилась удовлетворением. Он в кои веки оказался полезным при деле.

Глава девятая. Внезапная

«...была так же чувств, будто я скучаю по кому-то. Слыв мне нужен кто-то. Кто во мне с всем не нуждается. Я начинаю ненавидеть себя и хочу, чтобы меня оставили в покое, в то же время хочу, чтобы кто-то обнял меня и сказал, что всё будет хорошо...» из дневника в бсн гггг
МАГА

Ма'Ай пытался мыть пол в большом зале под недвижимым взором безглазого дракона, и ему очень мешала Ашран, которая наматывала круги вокруг него. Он вздохнул. Это могло означать только одно:

— Ашран, тебя что-то беспокоит? — спросил он, закинув тряпку в ведро.

Ашран посмотрела на него так, будто только сейчас заметила Ма'Айя и осознала, что выскочила из кабинета.

— Да, — согласилась она и, сделав несколько шагов от него, упала в кресло, в котором обычно заседал Румпель. — Ты прав.

— И каким вопросом озадачена твоя голова, что не даёт покоя ногам? — поинтересовался Ма'Ай.

— Заклинание стены огня вокруг школы, — сказала она. — С тех пор, как мы вернулись, всё время об этом думаю. Вспоминаю свои ощущения и всё больше убеждаюсь в том, что это было очень древнее эльфийское заклинание. Я перерыла все имевшиеся у меня книги и не нашла ничего подобного. Ангуса допрашивали маги-дознатели и выяснили, что способ его активации ему сообщил тот таинственный некромант. Это приводит меня к мысли, что пожар и гибель учеников сорок лет назад — не случайность.

Ма'Ай молчал, не зная, что сказать. В таких темах он был не силен.

— Этот некромант крайне опасен, и меня это тревожит, — заключила Ашран. Она порывисто встала и направилась в кабинет. — Тебе не кажется, Холгун с Румпелем давненько не заходили? То крутятся тут практически ежедневно, то неделю уже не видать. Заканчивай, Ма'Ай. Идём, пообедаем в «Сказках русалки». Мне скучно.

Через некоторое время, одетые по обыкновению в форму службы решения дел, они вышли на площадь в целях её пересечь по маршруту. Погода сегодня была смурная, дождя не было, но низкие небеса давили своей серостью на прохожих.

— Уважаемый! Уважаемый! — раздалось откуда-то за их спинами.

Они обернулись и увидели, как к ним торопится молодой мужчина из службы решения дел. Он подбежал, отдышался немного и произнес:

— Я Луджер Йон. Секретарь Холгуна Юдзуно.

— Я помню, — сказала Ашран.

Луджер кивнул и продолжил:

— Я уже несколько дней дожидаюсь вас в этом районе, — Луджер запустил пятерню в свои русые волосы.

— Что случилось? — спросила Ашран.

— Господин Холгун пропал.

— С чего вы решили?

— Дней пять назад к господину Холгуну зашёл его однокашник и друг господин Фран.

Он раз в месяц стабильно заходит на поболтать, так сказать. Но последний раз зашёл по личному делу. Господин Фран попросил разобраться в одном очень интимном вопросе. Он недавно женился, и они перебрались жить в поместье на виноградники. Он хотел отойти от всех дел и в полной мере насладится семейной жизнью. Внезапно его юная жена начала жаловаться, что за ней кто-то следит. Стали приходиться письма интимного содержания. Последней каплей было то, что кто-то проник в дом и украл личные вещи жены, — выдал Луджер практически на одном дыхании.

— Вам известно что именно украли? — уточнила Ашран.

— Нижнее бельё госпожи Фран.

— Хм, — хмыкнула Ашран, а Ма'Ай немного смутился.

— Господин Холгун обещал разобраться в этом деле и на следующий день сказал мне, что он отправляется на виноградники Франа, съездит туда и обратно. Это в часе езды от города, но он до сих пор не вернулся. Весточки о дальнейших передвижениях господина Холгуна я не получал. Через пару дней я поехал туда сам. Дом стоит закрытый, но работники сказали, что никаких важных людей и не видали, кроме меня. А господин Холгун, говорил, в случае чего, обращаться к вам. Велел ожидать вас на площади, мол, рано или поздно вы тут появитесь.

— Ясно, — кивнула Ашран.

— Так вы займётесь поисками господина Холгуна?

— Конечно, он же мой брат, — выражение лица Луджера в этот момент дорогого стоило. Он был полностью обескуражен и лишен дара речи.

«Да, — подумал Ма'ай, — Тяжело представить, что мужицкий мужик абсолютно не симпатичной наружности является родственником такого красавчика, как Ашран»

— Спасибо, Луджер, — поблагодарила она мужчину, который до сих пор не мог прийти в себя. — Идём, Ма'Ай. Заскочим в гости к семье Фран, я ещё незнаком с его женой.

Дом Франов находился в часе ходьбы от центральной площади на улице Виноградников. Говорящее название улицы сообщало, что на ней располагались резиденции тех, кто содержал виноградники. Примечательным для Ма'Айя было и то, что стены домов вместе с крышей оплетали багряно-зелёные виноградные лозы.

— Ансель Фран, эх, ты этаким пройдоха! — крикнула Ашран, обращаясь к мужчине, что придавал форму растению, оплетающему дом, подстригая его садовыми ножницами, стоя на лестнице, приставленной к дому.

Мужчина удивленно обернулся.

— Господин Ашран! — воскликнул он и поспешил спуститься вниз.

Ансель Фран был довольно подвижным пухляшом, невысокого роста, с густой тёмно-рыжей бородой. Он, — заключил Ашран в объятья. Его лицо расплывалось в счастливой улыбке:

— Категорически рад вас видеть, — странное дело, но глядя на него, губы невольно растягивались в улыбку. — Когда уже вы начнёте стареть? Помнится, я был совсем юн, когда вас впервые увидел. Клянусь матушкой, вы абсолютно не изменились. Сейчас вы моложе меня!

— Я же маг, — возразила Ашран. — Внешность для меня всего лишь обман. На самом деле я очень-очень стар.

Ма'Айя удивило, что они хорошо знакомы. При том Ансель не сомневается, что Ашран

— мужчина.

— Тебя послал Холгун? — спросил Ансель, выдавая свою обеспокоенность той проблемой, с которой обратился к другу.

— Не совсем, — пространно ответила Ашран. — Но нам надо поговорить.

— Идёмте в дом, — предложил он. — Негоже на улице разговоры сказывать.

Ашран представила их с Ма'Айем друг другу и поинтересовалась:

— Мне Холгун не говорил, что ты женился. Так бы подарок от меня был обеспечен, — заметила Ашран.

Ансель смутился и тихо сказал:

— Он не знал. Я скрывал.

— Почему? Не совсем понимаю.

— Познакомлю с женой и всё расскажу за обедом, — пообещал Ансель.

Женушка Ансея была миловидной молодой девушкой с копной рыжих волос — кучеряшек, а бледная кожа ненавязчиво намекала на рождение в Туманных землях. Звали её Кендра. Несмотря на то, что она явно была гораздо младше мужа, улавливалось нечто, что роднило её с супругом. Выраженное в подобной округлости тела, а также добродушие лиц. Она без конца улыбалась, накрывая на стол.

Семейство Франов жили ни богато, ни бедно, а хорошо. Атмосфера дома была крайне уютной, светлой и тёплой, будто само солнце, в этот пасмурный день, пряталось в их доме, а не за тучами вовсе. Ма'Ай сам не заметил, как его полностью охватило состояние покоя и что он улыбается весь обед. Ансель прекрасно умел поддержать разговор и знал целую кучу весёлых историй, Ма'Ай даже успел позабыть цель их визита.

— У тебя чудесная жена, — заметила Ашран, когда Кендра отбежала на кухню за пирогом. — Отчего ты скрывал, что женился на такой прекрасной девушке?

По лицу Ансея прошла тень.

— Ты же заметил, что Кендра уроженка Туманных земель? — не дожидаясь ответа, что и так ясен ему, продолжил: — Ты не представляешь, какие на этой улице живут снобы, готовые распустить слухи за твоею спиной. Порой мне кажется, что в городе нет никого более щепетильного в плане приличий, чем люди, живущие на улице Виноградников. А у Туманных земель слава распущенных нравов. Честно сказать, так оно и есть. Большинство девчонок из цветущих районов, родом именно оттуда.

Он печально вздохнул.

— В начале осени я поехал в Туманные земли налаживать связи для продажи вина. Кендра — дочь моего нового оптового закупщика. Когда с ней познакомили, у меня возникло такое ощущение, будто всю жизнь с ней знаком, как родная.

— У меня также, — с улыбкой добавила Кендра, входя в столовую с пирогом на подносе.

Ансель улыбнулся жене, взял её за руку, когда она села, и сказал:

— Мы поженились почти сразу после знакомства. По возвращению в Верлиоку я предложил пожить это лето на виноградниках, чтобы кожа Кендры подзагорела. Меня не смущает, что моя жена родом из Туманных земель. Решение вызвано моим желанием сберечь Кендру от нежелательных пересудов и домыслов, — с горечью в голосе закончил он.

— Я знаю, — посочувствовала ему Кендра.

— Я гораздо старше Кендры, да и внешность моя не блещет, что непременно станет дополнительной пищей для сплетников...

Договорить ему не дала его жена, строго отрезав:

— Ансель, прекрати себя уничтожать! В который раз повторяю тебе. Мне абсолютно нет дела до того что кто скажет. Я с ними даже не знакома и мне абсолютно всё равно на их мнение. На их и на мнение кого-либо в целом.

Ма'Ай усмехнулся, а вот, и дух Туманных земель.

— Полностью с вами согласен, прекрасная Кендра, — подала голос Ашран. — Так, что же нарушило ваши планы?

— Об этом лучше расскажет сама Кендра, — сказал Ансель и посмотрел на жену.

— Ну что ж, — вздохнула она и поведала: — Сначала всё было прекрасно. Где-то пару недель назад я стала замечать, что за мной следят. Я даже не столько замечала, как ощущала, что на меня кто-то смотрит, когда я гуляла. Я, конечно, сообщила об этом мужу. Его это позабавило, а я списала на перемену мест и свою впечатлительность. Затем стали приходиться эти письма странного содержания. Но и на это мы не обратили особого внимания. Спустя какое-то время мы поехали в гости на несколько дней к родственникам Анселя, а по возвращению застали в доме бедлам. Все вещи были просто раскиданы по дому.

— А защитное заклинание? — вмешалась Ашран.

— В этом и заключается пугающая нас странность, — добавил Ансель. — Оно было на месте, когда мы вернулись.

Ашран больше вопросов не задавала, и Кендра продолжила:

— Ничего не пропало, кроме моего нижнего белья. Это было ужасно! Я дама не из пугливых, поверьте! Но это ощущение, что на меня кто-то смотрит, стало преследовать меня и в доме.

— А сейчас, находясь в городе? — поинтересовалась Ашран.

— Всё спокойно. И письма прекратились, — ответила Кендра.

Ашран потёрла подбородок и спросила:

— А письма? На них можно взглянуть?

— В тот день, когда я обратился за помощью к Холгуну, мы вечером ходили к его семейству на ужин, я ему их передал, — ответил Ансель.

Вскоре они распрощались с семейством Фран и двинули по Виноградной обратно.

— Прекрасная пара, — заметила Ашран с легкой грустью в голосе, как показалось Ма'Айю. — Их будто слепили из одного куска теста.

Ма'Ай взглянул на неё, пытаясь разглядеть хоть что-то под маской иллюзии, но безуспешно. Она заметила его взгляд, скорее всего, почувствовала, посмотрела на него и улыбнулась:

— Зайдём в гости к Холгуну?

Дом Холгуна находился на соседней улице от центральной площади и поражал своим величием. Дом в три этажа был искусно украшен защитными знаками с обилием кованых деталей в его экстерьере. Таких, например, как два огромных животных, напоминающих телом собак, но с хищной головой стервятника и сложенными за спиной крыльями. Они были тощи и заменяли перила на каменной лестнице.

Ма'Ай даже подумать не мог, что Холгун на столько богат. Как и полагается в домах такого статуса, встретил их слуга, открывающий двери. К своему стыду, Ма'Ай забыл, как он называется.

— Господин Ашран, — кивнул тот, пропуская их внутрь.

— Я бы хотел поговорить с госпожой Ацуко, она дома?

— Где ещё мне быть? — донеслось до них из прохода справа.

Там стояла женщина, что могла красотой поспорить с Ашран в её женском обликии. Ма'Ай, таких, в своей жизни никогда не встречал. У него скользнуло подозрение, а не вторая ли это эльфийка, но острых ушей видно не было.

— Мне порой, кажется, что мой муженёк появляется домой, только чтобы делать детей, — наиграно недовольно возмутилась она.

За её спиной маячило сразу пять тёмных голов. Все как один, вылитый Холгун. Они также и хмурились, буравя его недовольным взглядом. Ма'Ай поёжился, ему стало слегка неприятно.

— Твоя правда! — рассмеялась Ашран. — Как ты справляешься?

— Мне повезло, что мальчишки все в отца. Спокойствие и выдержка у них в крови. А собственно, где он? Удивлена, что ты один, — протянула она, заметив отсутствие мужа.

— Он в отъезде по делам, — уверенно заявила Ашран, — Поэтому мы и пришли, нам нужно кое-что забрать в его кабинете.

— Ну, где кабинет мужа ты знаешь, а мне пора укладывать младших, — и, махнув рукой, скрылась в проходе, утаскивая хмурых детишек.

Когда они остались в холле одни Ашран поинтересовалась:

— Ничего не чувствуешь в этом доме?

Ма'Ай задумался:

— Я не понравился детям? — Ашран рассмеялась и прояснила суть вопроса:

— Значит, защитные заклинания ты не ощущаешь.

Дверь в кабинет Холгуна находилась под широкой лестницей, за которой каменные ступени вели вниз, в огромное подвальное помещение, заставленное рядами стеллажей, снизу доверху заполненных жёлтыми папками. Имелся тут стол и мягкое кресло. Было темно и совсем не уютно.

— Должности в службе решения дел передаются по наследству. Так что не одно поколение в семье Холгуна работает начальником службы, как говорит каждый предок Юдзуно: всё должно быть упорядоченно, — пояснила Ашран, попросив запустить светлячка. — Ещё бы вспомнить, какой тут порядок...

К их облегчению, им не пришлось искать нужную папку среди полок. Она обнаружилась на столе с надписью: «семья Франов. Похищение белья в доме на виноградниках» Внутри лежала стопочка писем на серой недорогой бумаге. Ашран взяла их, села в кресло и внимательно прочитала каждое, пока он ожидал, и протянула ему:

— Интересно?

«Конечно!» — воскликнул он про себя и кивнул.

Первый лист под номером три гласил:

«Каждую ночь я представляю: ты практически нагая, на лице дерзкий макияж, волосы твои кучерявые, распущены. Ты изумленно стоишь у двери, а я томно иду к тебе навстречу. Затем дарю тебе шаловливый поцелуй. Ты приходишь в чувство и пытаешься то ли оттолкнуть, то ли прикоснуться ко мне. Я беру твои руки в свои, начинаю тебя целовать. Прижимаю тебя к себе всем телом, ощущаю твою упругую грудь. Ты на взводе. Всё-таки определилась, пытаешься вырваться. Я тебе этого не позволю, за твою выходку решаю тебя наказать. Отталкивая к стене, приподнимаю к стене и трусь о твой орган своим. О,

да! Чтобы ты почувствовала, насколько я возбуждён»

Ма'Ай почувствовал, как его щеки против воли краснеют. Перешёл к следующему, под номером четыре. Его взгляд выхватил надпись, написанную красными чернилами в середине текста:

«...ты говоришь: милый, он у тебя всегда был такой большой? Неважно! Я хочу попробовать его на вкус. Ты восхитителен! От твоего тела, от твоего вкуса, от твоего запаха у меня кружится голова. Я вся намокла...»

Ма'Ай смутился, сильно зарделся и не смог продолжить читать. Он не совсем понимал, но это смущало и отчего-то волновало его. Ашран наблюдала за ним с кривоватой усмешкой. Она забавляется, понял он. Он передал ей письма обратно, не дочитав.

— Право, Ма'Ай, это просто письма эротомана, — заметила она. — Решила бы я так, если бы не пропажа Холгуна. Думаю, нам надо посетить виноградники Франов.

Когда они выехали за город, и Ашран направила повозку по дороге, ведущей в сторону моря, Ма'Ай не выдержал и спросил:

— Ты совсем не беспокоишься за Холгуна?

— Беспокоюсь, конечно, — ответила Ашран. — Я ни на секунду не сомневаюсь, что с ним что-то случилось. Чтобы понять, что произошло, необходимо пройти по его следам шаг в шаг. На первый взгляд это даже не дело, а какая-то потеха. Уверена, также подумал и Холгун. На это и был расчёт.

Они катили между стройных рядов виноградов, но насладиться их панорамой мешал пасмурный день и туман, стелившийся по земле. Стоит отметить тот великий труд, что вложен в отслеживание каждого по отдельности растения с десятками чередующихся экспозиций, посаженных по следующей схеме: некоторые прохладней, некоторые выше, некоторые солнечнее, чтобы создавать исключительные купажи эксклюзивного винограда, выращенного ближе всего к морю.

— У Франов интересная семейная предыстория, — внезапно сказала Ашран, и заметив его интерес, продолжила: — Самое забавное, что дед Ансея был военным капитаном.

Ма'Ай удивленно посмотрел на неё, не припомнив никаких историй о военных действиях в Империи.

— Это было в прошлом столетии, когда были только открыты земли варваров, что находятся на севере. Император хотел подчинить их, но его ожидал провал. Варвары, хоть и отстают в уровне развития от Империи, имеют в пользовании прекрасные драккары. Их люди умелые войны, ибо без конца воюют друг с другом, а магия духов предков сильна. Императору пришлось выкручиваться и заключать с ними мир. Война длилась пять лет.

Ма'Ай припомнил, что видел в порту не похожие на другие корабли с полосатыми парусами и бородатых мужчин, что больше походили на медведей, чем на людей.

— Так вот, дед Ансея, как и все его предки, был мореплавателем. Он никогда и не помышлял о жизни крестьянской. Когда война была окончена, он решил податься в торговцы и ради расширения своих познаний решил изучить такую науку, как сомелье. Сам не заметил, как втянулся и купил виноградник на все сбережения. На том винограднике столетиями производили известные вина, но на выскочку капитана смотрели свысока, а вместо помощи и советов он получал лишь насмешки. К тому же продавец утаил, что земли его виноградника до крайности истощены.

Она взглянула на него, отслеживая его заинтересованность рассказом, улыбнулась и

продолжила:

— Но дед Ансея не сдавался. После очередной неудачи он припомнил, что как-то видел растение подобное винограда на Туманных островах, где приставал для пополнения запасов воды. Корабль всегда оставался при нём. Каково было его удивление, когда чахлый заморыш, лишенный солнечного света в прошлом, дал потрясающий рост. Всего семь семейств обрабатывают эти поля, — она указала на небольшие домики в отдалении. — Есть ещё одна особенность у вина Франов — это трехлетняя выдержка в подводном погребе.

В этот момент повозка заехала на гребень холма, открывая их взгляду очаровательный вид. Там, где стройные ряды винограда находили своё окончание, упираясь в водное пространство, на волнах которого, разрывая туман, покачивался старый, но всё ещё крепкий фрегат. На берегу стоял дом, увитый виноградными лозами и цветочным садом подле него.

Их повозка притормозила около дома, Ашран спрыгнула на землю, огляделась. Двинулась к дому, тронула дверь. С её губ сорвались несколько мелодичных фраз на незнакомом ему языке:

— Заперто. Ключ забыла спросить, — пояснила она ему и воскликнула: — Эфраит! Всё дрогнуло внутри него. Она сняла защитное заклинание, понял он.

— Ты можешь выломать дверь, Ма'Ай? — спросила Ашран.

Ма'Ай критически оглядел крепкую добротную дверь, сделанную из деревянного массива. Сильно сомневаясь в своих возможностях.

— Может, у кого-то из работников есть ключ? — предположил Ма'Ай.

От позорных попыток выноса двери, его спас мужчина в возрасте, что внезапно вышел из-за дома.

— Уважаемые! Я управляющий Хорс, — представился он. — Хозяева в город уехали.

— Это нам известно, — грубовато отрезала Ашран. — У вас есть ключ?

Видно мужчина опешил, но Ашран осознав свой промах, сказала:

— Простите, но дело не терпит промедления. Что насчёт ключа?

— Да, был, — растерянно произнес он. — Но дней пять назад приезжал один из ваших служебных, большой такой, хмурый мужчина. Я отдал ключ ему.

— Он спрашивал?

— Эээ...да, нет, вроде... Я сам предложил.

— Почему другой человек из службы дел сообщил мне, что местные сказали ему, что никого не видели?

— Я...я, — мужчина замялся. Видимо форма службы решения дел простого жителя немного пугала, а учитывая странную резкость Ашран, мешала ему и думать. — Могли и не видеть, находясь за работой. Обычно я смотрю за домом господ.

Ашран потеряла к управляющему интерес.

— Ма'Ай? — вопросительно взглянула она на него, намекая на дверь.

— Ммм... Я вряд ли способен на это, — признался Ма'Ай, пытаясь сохранить лицо. — Вот, Ста'Арх, я думаю, с легкостью это выполнил бы...

Ашран вздохнула, достала перчатки, натянула, сыпанула порошок на руки, растёрла:

— Нужно поскорее найти Холгуна, иначе мне всё придётся делать самой, — проворчала она.

Она оговорила при постороннем, высказываясь о себе в женском роде. Мужчина не обратил внимания, зачарованно глядя на то, как под пальцами Ашран появляются светящиеся знаки, образуя небольшой круг. Она подошла к двери, разместила светящийся

круг в том месте, где находился замок, отошла и щелкнула пальцами. Раздался резкий «Бабах». Ма'Ай вздрогнул. Мужчина вскрикнул от неожиданности. В двери, где был замок, образовалась круглая дыра.

— Почините потом дверь, — бросила она, входя в дом, и тут же крикнула: — Управляющий Хорс!

Мужчина кинулся к ней, как послушный мальчишка:

— Да, уважаемый?

— Вы заходили в дом с тем хмурым служивым?

— Да... — начал он и осёкся.

Всё в холле и гостиной было перевернуто. Стол, стоящий когда-то с вазой на ней, был сломан, а ваза разбита. У деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, сломаны перила. Картины, которым предназначалось висеть на стене, валялись, а холст одной из них был прорван посередине. Всё очень напоминало последствие драки. Ашран сделала несколько шагов к сломанному столу, отодвинула одну из его половин и что-то достала.

— Это ваш ключ, управляющий Хорс? — спросила Ашран, держа блестящий желтым металлом ключ.

— Точно не знаю, но это ключ от дома. Когда я был в доме с тем господином, всё было в порядке и цело, — ответил он и добавил: — А затем, он попросил меня удалиться.

— Вы видели, как он уехал?

— Нет. Я проверил дверь, она была заперта, я подумал, что господин не удосужился занести ключ... — пояснил Хорс.

— Обожди тут, Ма'Ай, — сказала она и стала подниматься по лестнице ведущий наверх.

Ма'Ай заметил, как светятся кончики её пальцев в белых перчатках, и пустил за ней светлячка.

— Я слышал, что госпожу Кендру кто-то преследует, — произнес Хорс, когда они остались одни. — Надо думать, Туманные земли опасны.

Ма'Ай промолчал, ему не хотелось сплетничать о семье, что так пришлась по душе. Вскоре Ашран вернулась, ни слова не говоря прошла мимо них и села в повозку, а не на козлы.

— Ма'Ай, тебя долго ждать?! — нетерпеливо крикнула она.

Он едва не подпрыгнул на месте. Она впервые столь резко обращалась к нему. Забыв попрощаться, Ма'Ай бегом кинулся к ней.

— Мы уезжаем? — удивленно спросил он.

Она сунула в руки ему сложенный вдвое листок и грозно добавила:

— Не потеряй и двигай уже!

Он не стремился испытывать её терпение. Мигом вскочил на козлы и, когда лошадь двинула по прямой дороге к городу, достал листок и развернул. На сером листке было что-то написано, но он абсолютно не понимал ни одного слова или знака.

— Ашран? — не уверенно позвал он.

— М?

— Что это?

— Холгун был в доме, — пояснила она. — Мне не знаком язык, на котором сделана запись, но её оставили точно нам. Нужно показать её Румпелю. Так что двигай к «Сказкам русалки»

Глава десятая. Опасность реальная

«...Я пр_ст_ ненавижу эт_ чувств_! чувств_ к_гда ты не знаешь, чт_ чувствуешь» из
ДНЕВНИК_В Б_С_Н_Г_Г_МАГА

Ма'Айю показалось, что они вернулись в город быстрее, чем добирались до дома Франов на виноградниках, однако, когда их повозка притормозила возле конюшен «Сказок русалок» уже сгущались сумерки. Ашран не стала спешить и подождала его, пока он распрягал лошадь. В таверну они вошли вместе.

— Мой столик свободен? — спросила Ашран.

«Каждый раз спрашивает, — подумал Ма'Ай. — И зачем? Ведь столик за ширмой всегда был свободен»

— Румпель здесь? — спросила Ашран у девушки принимавшей заказ о лёгких закусках.

— Господин Румпель? — задумалась девушка. — Спрошу у господина Кантора, минуту.

Она убежала, а вскоре вместо неё появился и владелец сего заведения. Он был взволнован, его взгляд метался с Ма'Айя на Ашран, в конце концов, он остановил свой взгляд на Ашран и спросил:

— Ашран, отец разве не с тобой?

В их углу за ширмой повисла тишина. Ма'Ай молчал удивленный тем, что Кантор сын Румпеля, а он и не знал. Кантор же ожидал ответа. Ашран молчала.

— Как давно нет Румпеля? — тихо спросила она, наконец, не глядя на Кантора.

Кантор не был бы сыном своего отца, если бы не догадался, о чем она умолчала. Он практически упал на стул около Ма'Айя:

— Три дня назад он сказал мне, что идёт к тебе. Никто из вас не появлялся и я подумал, что вы заняты какими-то делами. А сейчас ты приходишь и спрашиваешь моего отца.

— Румпель не появлялся у меня где-то неделю, — Ашран взглянула на Кантора. — Подумай, что происходило в тот день, прежде чем он ушёл, что-нибудь странное?

— Ничего не обычного... Отец был у себя, читал или подсушивал, как обычно, — протянул он и задумался. — Единственное, что могу припомнить, это мальчишку из приюта, что доставил записку отцу. Вскоре он собрался и пошёл к тебе.

— Я не отправляла записок, — сказала Ашран и резко встала: — Идемте! Нужно обыскать комнату Румпеля, и будем надеяться, что послание он не унёс с собой.

Они поднялись на второй этаж. Комнаты Румпеля состояли из двух и обе они были заставлены стопками книг почти до самого потолка, образуя широкие коридоры к столу, кровати, к шкафам и окнам.

— Нужно перетрясти книги, — указала Ашран. — Румпель с детства всё прячет в них.

— Все?! — воскликнул Ма'Ай.

— У нас в любом случае нет выбора, — ответила она, взяв одну из верхних книг в ближайшей от неё башне и перелистнула страницы.

Они распределились так: Ашран с Кантором разделили большую комнату, а ему досталась спальня меньшего размера, но с таким же огромным количеством книг. Время шло и близилось к ночи, свои находки Ма'Ай складывал на кровать: клочки бумажек, множество сигиллов, куча записок от Холгуна и Ашран, пять перьевых ручек, золотая монета, пара расчёсок, несколько денежных бланков на крупную сумму.

Из очередной книги выпала перьевая ручка и закатилась под кровать. Ма'Ай вздохнул и отложил книгу в просмотренные, наклонился, заглядывая под кровать и наткнулся на одиноко лежащую книгу. Он подхватил её, и уже пытаясь открыть, понял, что она только выглядит как книга.

— Ашран! — прокричал он. — Я что-то нашёл!

Кантор с Ашран влетели почти вместе, задевая книжные стены и немного круша. Ашран повертела в руках найденную им книгу, внимательно осмотрев.

— Это похоже на шкатулку, сделанную из книги, — сказала она. — Но она закрыта.

— Ну-к, дай мне, — протянул руку Кантор.

Кантор достал из-за пояса большой шэф нож, пригляделся и воткнул в промежуток на стыке двух половин, где-то в районе середине толщины книги и провернул, прилагая усилия. У него получилось. Шкатулка с недовольным щелчком открылась. Помимо упаковок табака взгляд Ма'Айя выхватил серый листок. Они втроем уставились в лист.

«Мне известно, где твоя мать»

— Не понимаю, — протянул Кантор.

— А я вот кое-что подозреваю, — сказала Ашран.

Она сходила к сумке и достала письма, предназначенные Кендре и послание на неизвестном языке, обнаруженном в доме Франов.

— Это дело рук одного человека, — объявила она. — Можно проверить почерк, но у меня нет сомнений, что выполнены они одной рукой и на бумаге из одной упаковки.

Ашран потёрла подбородок, ей была необходима ходьба, но комната не позволяла проверить сей маневр, поэтому она подхватила сумку, сунула в неё листы.

— Кантор, я найду твоего отца, — сказала она и добавила, обращаясь к Ма'Айю: — Иди домой, уже поздно, встретимся завтра.

Ма'Ай был удивлён таким внезапным прощанием, но сделал, как она сказала. В доме к этому времени все спали, он прошёл в свою комнату под светом светлячка и, не раздеваясь, завалился на кровать. Сон не шёл, напротив, в голову лезли тяжёлые мысли.

«Иди домой, уже поздно, встретимся завтра» — вспоминал он её слова.

Каким голосом она это сказала, её интонация. Ма'Ай видел, как она обманывает, говорит ложь ровным не дрогнувшим голосом. И в этот раз, её голос был лишён эмоций, будто пропажи Холгуна и Румпеля её вовсе не трогали. Она сказала это так, как если бы, отправляла его заварить чай, но он дрогнул на фразе «встретимся завтра»...

Ашран обещала Кантору отыскать отца, но как она собиралась это сделать? Письма Кендры были бесполезными. Как сказала Ашран, если это всё задумал один человек, то кто-то заранее знал о дружбе Ансея с Холгуном, и знал, что он обратится к нему за помощью. То, письмо на непонятном языке, не проясняло ситуацию, лишь последняя записка: «Мне известно, где твоя мать»

До сегодняшнего дня он практически ничего не знал о личной жизни Румпеля, он не знал ничего о матери Румпеля, но Ашран знала. Она поняла смысл этих пяти слов. Обычно, Ашран всегда поясняет ему все мелочи, что неизвестны ему, а в этот раз отправила домой...

«Она обманула его! Она не будет ждать его завтра» — осенило его.

Ма'Ай подскочил на кровати, натянул сапоги, схватил плащ и поспешил в лабораторию Ашран.

Ма'Ай не ошибся. Ашран и не думала спать, она собиралась. Около столов стоял уже знакомый Ма'Айю сундук, а Ашран сортировала колбочки и баночки.

— Ма'Ай? — удивилась она, когда он вошёл. — Я же сказала тебе идти домой.

— Ты меня обманула, — сказал он. — Мы не встретимся завтра.

— Что за глупости! С чего ты взял? — усмехнулась она, сложив руки под грудью, и посмотрела на него так, как смотрят на нашкодивших, но очень любимых детей. — Ты слишком перенервничал в последнее время. Тебе просто показалось.

Ма'Ай поджал губы, обдумывая обоснованные доводы своих подозрений.

— Зачем ты собираешь сундук? — спросил он.

— Собираю? Я просто навожу порядок, — улыbnулась она, будто насмехаясь над его пустячными переживаниями.

— Не относись ко мне как к ребенку! — вскричал Ма'Ай. — Холгун и Румпель кем-то похищены, а ты хочешь меня убедить, что ни капли не переживаешь за них? Я в это не верю! Я спать не могу, размышляя о том, что с ними случилось и где они. А ты решила просто навести порядок в сундуке?

— Как же с тобой сложно, — вздохнула Ашран. — Этот сундук обладает таким же свойством, как и вход в мою лабораторию. Если закрыть его крышку, то ни сломать его, ни взломать, не разрушить магией или уничтожить не получится. Так что, всё самое ценное я храню в нём.

— Ты просто заговариваешь мне зубы, отвлекаешь внимание, — отбросил Ма'Ай. — Я знаю, ты врёшь мне.

— Вру?! — уточнила она, её глаза и волосы заблестели золотом гнева. — Ты просто мальчишка, который ничего не понимает в этом мире! Смеешь меня обвинять?

Ма'Ай тоже сложил руки подобно Ашран и упёрто произнес:

— Ты спасла меня, защищала, учила. Ты думаешь, я поверю тебе? Что ты можешь мне причинить вред?

Они какое-то время молчали, меряя друг друга взглядом, затем Ма'Ай примирительно произнес:

— Расскажи мне о матери Румпеля. Ты же о чем-то догадалась, что неизвестно мне.

Глаза Ашран потухли.

— Ну, что за глупый мальчишка, — вздохнула она и направилась к креслу. — Если уж ты тут, то организуй нам чай и поищи закуски. Помниться, мы так и не ужинали.

Ма'Ай улыbnулся, она сдалась.

— Значит, хочешь знать о матери Румпеля? — спросила она, когда он выполнил все условия.

Он кивнул, подтягивая второе кресло поближе.

— В семье Румпеля имеется суеверие, что мужчины их рода несут проклятие женщинам, — заметив в его глазах немой вопрос, пояснила: — Это просто череда совпадений, не более. Несколько поколений подряд в их семьях рождается лишь один мальчик, а жены погибают от несчастного случая. Мать Румпеля практически разорвала череду неудач. Но когда Румпелю было семнадцать, он тогда учился в известной тебе школе, она пропала. Я разыскивала её вместе с отцом Румпеля. Единственное, что удалось найти, это информацию о том, что она покончила с собой. В день её исчезновения был шторм. Она заплатила капитану одного небольшого судна баснословные деньги, чтобы он рискнул выйти в море, и когда они вышли, прыгнула за борт. Тело найти так и не удалось.

— Почему она это сделала?

Ашран пожала плечами.

— Я даже не могу предположить. Никаких намеков, на что либо, я в её вещах не обнаружила. С мужем они жили дружно и мирно, никогда не скандалили. Элоиза, так её звали, вообще, имела тихий, спокойный характер. К тому же, она выросла вместе с отцом Румпеля, и они были знакомы с детства, дружили.

Она замолчала, задумчиво потягивая чай.

— Ну, уж если я начала говорить, следует рассказать, как Элоиза попала в семью. Ещё раньше до всего рассказанного мной ранее, Фламин — дедушка Румпеля жил в двух днях пути от города на восток, там, где начинается равнина, разбросано множество поселений. Тогда и произошло шокирующее всех событие. Поселение Хуко, неподалёку от поселения Фламина, состоящее из тридцати домов было полностью уничтожено, выжили лишь дети возрастом до десяти лет. Картина того происшествия была ужасна. Людей и животных будто разорвали на куски, их внутренности висели на стенах их же домов, — она остановилась вспоминая. — Глава тех равнин когда-то проживал в Верлиоке, и попросил службу решения дел проверить, не могла бы это быть какая-то тварь. Откуда он о них знал...

Она прервалась, посмотрела на Ма'айя.

— Ты же тоже не знаешь, — вздохнула она. — Что я тебе сейчас сообщу, никогда не рассказывай никому. От этого может зависеть твоя жизнь и жизнь остальных.

Ма'Ай кивнул соглашаясь.

— Эльвиры ты встречал, но что они такое на самом деле, мне не известно самой. Запомни, никогда не доверяй эльвиру и никогда не ври ему. Не доверяй по причине того, что они ценят только тех людей в телах, которых живут. И не ври, потому что они видят эмоции и чувства человека. Обмануть их не получится. Они питаются эмоциями и чувствами. Весь город для них, как огромная ферма. Эльвиры сами разжигают конфликты в городе, а насытившись, просят службы разрешить эти проблемы. Разжигают конфликты они благодаря тварям, что проникают в человека, заставляя творить ужасные вещи. Вытравить эту тварь из человека или уничтожить практически невозможно, без согласия твари. Хочешь знать, почему семья Холгуна является начальником службы решения дел и почему они терпят меня?

Ма'Ай снова кивнул, ожидая продолжения.

— Холгун, как и его предки умеет контролировать тварей и заставлять подчиняться, на это не способны даже сами эльвиры, создающие их. Холгун удобный инструмент, а я им не мешаю. Что-то я отошла от основной ветки рассказа, — улыбнулась Ашран. — Глава того округа откуда-то знал о тварях, и в дальнейшем эльвиры заставили его за это знание поплатиться, но сейчас не об этом. Он обратился с тем, что на равнинах завелась одна из тварей эльвиров. Мы выехали на место, и сразу стало понятно, почему их магический совет ничего не заметил. То поселение было уничтожено некромантом с уровнем магии превышающим магические способности каких-то равнинных колдунов. Над всем поселением висело заклинание, которое мне пришлось разрушить. В одном из домов в погребке за тайной стеной скрывалась Элоиза с остальными детьми. У всех детей, обнаружили родственники, что забрали их в семьи, кроме Элоизы. Фламин взял девочку к себе на воспитание, и они всей семье переехали в город, купив здесь таверну. Они ничем её не обделяли, заботились, как о родной, и растили вместе со своим сыном. Дети они были очень дружны, оба просто одержимые чтением и наукой, а повзрослев, образовали семейный

союз, как мне когда-то казалось, довольно успешный.

Ашран прервалась, поглощая нарезку сыров и орешков. Ма'Айю казалось, что она хочет сказать что-то еще, и она сказала:

— Мне надо съездить в поселение Хоку.

— Я поеду с тобой, — не раздумывая ни минуты, заявил он.

— А вот этого я не хочу, — возразила Ашран.

— Почему?

— Понимаешь, всё это выглядит как ловушка. Попались и Холгун, и Румпель, но им отведена роль приманки. Эта ловушка предназначена мне. Кто-то хотел, чтобы я поехала на виноградники Франов, нашла там записку и поехала к Румпелю, а теперь этот кто-то хочет, чтобы я посетила то поселение Хоку, — пояснила она и добавила. — Я не знаю кто это. Кто столько может знать о нас? Кто, вообще, знает обо мне? Но знаю одно, этот кто-то очень опасен. И учитывая то, что ему удалось провести этих двоих, для тебя это крайне опасно. Я не уверена, что смогу тебя защитить.

После этого признания Ашран замолчала.

— Я в любом случае поеду с тобой! — упёрто повторил Ма'Ай. — Возможно, я не силен в магии, но в последний раз я оказался полезным.

— Очень, — улыбнулась Ашран. — Я не имею ни малейшего представления, что меня ждёт там. Я очень не хочу, чтобы с тобой что-нибудь произошло.

Ма'Ай встал, прошёлся к сундуку, заглянул в него и выдвинул новый аргумент.

— Дорога туда занимает два дня, так? — спросил Ма'Ай.

Настала очередь кивать Ашран.

— Ты же концентрируешь свою силу во время медитации?

Ещё кивок.

— Ты же не думаешь, управлять повозкой одна?

Она нахмурилась, всегда такая догадливая Ашран, не понимала, к чему он ведёт.

— Пока ты будешь медитировать, а я буду управлять повозкой. Это лучший вариант из возможных, чтобы мне быть полезным тебе, — пояснил он, вызывая улыбку. — Между прочим, мы повозку оставили в «Сказках русалках»

— Ох, я совсем об этом забыла.

— А это нормально забыть о таком в такой ситуации, — подтвердил Ма'Ай.

— Опять повторяешь чьи-то слова? — спросила она улыбаясь.

Он улыбнулся в ответ, соглашаясь и попросил:

— Обещай мне, что возьмёшь меня с собой.

Она вздохнула.

— Обещаю. А ты обещай мне, если что-то пойдёт не так и я скажу тебе убежать — убежишь.

Ма'Ай насупился, ему не хотелось обещать такое, но выбора не было.

— Обещаю, — выдал он из себя.

Глава одиннадцатая. Гром среди ясных небес

«НА УЛЫБАЛАСЬ ВСТРЕВ ОЖЕНН О И НЕМН Г О ГРУСТН О В Т О Т М О МЕНТ Я П ОДУМАЛ, КАК В О ЗМ ОЖНО БЫТЬ ТАК ОЙ КРАСИВ ОЙ» ИЗ ДНЕВНИК О В Б О С Н Г О Г МАГА

Ашран сдержала своё обещание, вручила Ма'Айю карту с указанием всех дорог и развилочек и полностью вверив себя ему, ушла в медитацию. Если Ма'Ай и был в чем уверен, так это в своей способности ориентироваться на местности. Этого было у него не отнять. И сейчас, сидя на козлах, он спиной ощущал, где находится Верлиока. Дорога была не близкой, поэтому на повозку пришлось установить непромокаемый тент, от чего он не мог видеть Ашран. Несколько раз он разминулся с крестьянами, везущими продукты на продажу в город. Когда стали сгущаться сумерки, Ма'Ай приглядел место для ночлега и съехал с дороги.

— Ты остановился на ночёвку? — высунулась Ашран.

— Не знаю, как ты, но я и перекусить хочу, — заметил Ма'Ай. — Выходи, захвати корзинку, что собрал Кантор.

Ашран вылезла и, глядя на то, как он разводит костёр, заметила:

— Ты же мог просто запустить светлячка.

— Огонь отпугивает диких животных, — заметил он. — Я не знаю, какие хищники тут обитают.

Ашран устало приложила руку ко лбу:

— Что-то мой разум даёт сбой, — вздохнула она.

Ашран раскинула плед около большого ствола дерева недалеко от костра и стала разбирать корзинку. Дорожный набор от кантора был просто шикарен. Две баночки тушеного мяса с картошкой, кусок буженины, отварные яйца, овощи, половинка головки сыра и кругляш хлеба. Они молча жевали свой ужин. Ма'Ай огляделся. Огонь дрожал, отбрасывая круглое красноватое отражение, что упиралось в темноту, пламя иногда вспыхивало щелчком, забрасывая за черту того круга отблески — искры. Мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света сужался, из надвигающейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая. Задумчиво смотрела на них, также молча жуя травинку, и снова опускалась, тотчас скрываясь. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркиваться.

Огонь будто гипнотизировал, баюкая и предлагая забыть обо всех проблемах и заботах. Пламя костра создавало некий уголок единения, в сравнении с которым весь остальной мир терял свою реальность существования. Ма'Ай посмотрел на Ашран. Она была в своём эльфийском облики и зачаровался ей не меньше огня.

— Ашран, сколько тебе лет?

Ашран посмотрела на него своими золотыми глазами и улыбнулась:

— Я не помню, я бросила считать где-то в возрасте пяти ста лет.

Ма'Ай еле удержал отпадавшую от удивления челюсть. Он был не способен посчитать насколько она старше его, решил, что на много.

— Вы с Холгуном все время говорите «люди не из семьи», а ты называешь их братьями, что это значит? — поинтересовался Ма'Ай.

— Как бы это объяснить, — она потерла подбородок, привычным жестом. — Для этого

надо рассказать историю моего происхождения. Это было давно. Во время первой эльфийской войны моя мать попала в плен к моему отцу. Несмотря на вражду, между ними сложились уважительные отношения. Через какое-то время матери удалось сбежать. Тогда, она ещё не знала, что уже беременна. К ее облегчению, я родилась истинной эльфийкой. Матушка рассказала другим, что отец её ребёнка — один из эльфов, что погиб на войне. Правда выяснилась спустя несколько лет, когда оказалось, что я расту и взрослею быстрее, чем дети других эльфов. В те времена как раз разворачивалась тема того, что полукровки противоестественны природе. Разрабатывался закон, что эльфийка, родившая ребенка от человека, должна быть умерщвлена вместе с ребенком. Моя мать бежала вместе со мной. Как оказалось, отец всё это время искал мою мать. Вроде бы тогда была погоня. Как мне кажется, я тогда умерла. Смутно припоминаю эти моменты... Мать просила отца спасти меня. Больше я ее не видела.

Мой отец покинул войска. Ему пришлось скрывать меня. Он вернулся к жене и детям. У него было три сына. Семья отца отнеслась ко мне как к родной. Отец просил своих сыновей — моих братьев, помогать мне, и никому не рассказывать обо мне. Шло время. Братья умерли, их сменили дети. Гораздо позже мы перебрались в Верлиоку, где и обосновались. Моя семья — это потомки моих братьев, но я помню их всех до одного...

Ма'Айя шокировало сказанное Ашран. Это ужасно — жить так, понимая, что близкие люди уйдут намного раньше тебя. Разговаривать с человеком и заранее понимать, что его вскоре не станет. Учитывая срок жизни Ашран, человеческая жизнь для неё длится не дольше недели, в лучшем случае месяца. Единственное, что тебе остается, это носить их в своей памяти.

— Прошу, Ма'Ай, не принимай так близко к сердцу мой рассказ, — сказала Ашран, и Ма'Ай с удивлением отметил выступившие на глаза слёзы. — Лучше расскажи, что заставило вас бежать из Белого королевства.

Ма'Ай вздохнул.

— Это я виноват, — признался Ма'Ай. — Моя семья — сыровары. Раз в неделю мы возили сыры на продажу в город. Я не силён в счёте, поэтому со мной в тот день поехала моя сестра Ма'Рта. Так совпало, что в тот день в город пригнали небольшой табун только пойманных рынцев. Они вырвались и понеслись по городу. Выбежали на рыночную площадь. Все кинулись в рассыпную, а Ма'Рта застыла бездвижною статуей. Я был далеко и не знал, как помочь сестре... А потом, сам не знаю, как это произошло. Рынцы вспыхнули горящими факелами и пали на землю.

— Это был первый раз?

Он кивнул.

— Это я сделал, но обвинили Ма'Рту. Я, как трус, боялся признаться, в душе не веря, что на такое способен. Понимаешь, в Белом королевстве для простых людей не дворянского происхождения магия под запретом. Ма'Рту арестовали и готовились отправить в Белый Храм на проверку, а оттуда никто не возвращается. Ма'Рта со Ста'Архом планировали свадьбу. Это было ужасно, — он тяжело вздохнул. — Выручила меня За'Ар. Она предложила организовать побег Ма'Рты и скрыться в Эльфийском лесу.

Он слегка рассмеялся:

— Это покажется тебе забавным, но За'Ар утверждала, что эльфов не существует.

— Почему?

— Сейчас припомню, как она сказала, — улыбнулся Ма'Ай и произнес, подражая

За'Ар: — Их никогда никто не видал. Людям всегда нужно во что-то верить: в эльфов, фей, гномов, богов. Если бы не было богини Анкалиме в Белом королевстве, придумали бы, какую другую богиню.

— Правда, забавно, — согласилась Ашран. — А что было потом?

— Потом, мы встретили эльфов, — улыбнулся Ма'Ай и его лицо потемнело. — А затем началась череда необъяснимых вещей. На эльфов напали люди из королевства, обрушивая огненный дождь. Появилась из ниоткуда Шива с Кураном, и мы все перенеслись в какие-то пещеры. Мы долго блуждали в этих пещерах. Там мы и увидели монахов Белого храма. Они служат какому-то ужасному существу, называют его богом. И это не богиня Анкалиме. Нам повезло вырваться. Какая-то магия перенесла нас на летающий город. Там тоже были эльфы, но большие такие, в два твоих роста. Они и отправили нас в Верлиоку.

Ма'Ай закончил говорить и увидел озадаченность Ашран:

— Говоришь, эльфы в два моих роста? — спросила она.

— Да.

— Высшие эльфы, — протянула она. — Я думала, это эльфийские сказки о летающих городах.

Внезапно природа будто взбунтовалась, противясь их откровениям. Налетел сильный ветер, верхушки деревьев недовольно зашумели. Резко похолодало, вынуждая Ма'Айя глубже укутаться в плащ.

— Пахнет дождём, — заметила Ашран, глядя вверх. — Идём, тебе нужно отдохнуть, ты же прошлую ночь практически не спал.

Они быстро собрали остатки ужина и плед. Первым залез в повозку Ма'Ай. Под светом светлячка снял с себя плащ. Мурашки забегали по телу, он поёжился и поспешил расстелить подстилку на дно повозки и разобрать одеяла. Несколько минут спустя в повозку влезла Ашран и завязала завязки тента изнутри.

— Дождь будет сильным, — сказала Ашран.

— Ага, — пробубнил Ма'Ай, стягивая сапоги, и лёг на бок, укрывшись одеялом, активно шевеля пальцами на ногах в попытке согреть их.

Ма'Айю нравилось быть наедине с Ашран. Каждый раз они делились секретами из их жизней. Ему льстило такое доверие к его скромной персоне. Сама жизнь в Белом королевстве рядом с ней казалась ему событиями давно ушедших дней. Верлика больше не томила его. Ашран разукрасила его жизнь чередой событий, пусть не всегда и приятных. Было странно, но сейчас Ашран была для него дорогим «человеком», ниточкой, на которой он балансировал на грани двух жизней — прошлой и настоящей. Ему даже было стыдно, что он позабыл о друзьях в какой-то момент.

Хлынул дождь, барабания по крыше их укрытия. По верхушкам деревьев с воем принялся гулять ветер. Под аккомпанемент природы зашуршал плащ, и Ашран легла рядом.

Они молчали, но попытки уснуть не увенчались успехом: Ашран то и дело ворочалась, а Ма'Айю было холодно. Помимо этого, его стали одолевать странные мысли, которые за последние месяцы нашли подпитку у разрастающихся чувств.

— Не люблю холод, — пожаловался Ма'Ай и снова пошевелил замерзшими пальцами ног.

— Давай объединим одеяла и ляжем поближе, — предложила Ашран.

Ма'Ай развернулся и приподнялся на локте. Ашран лежала на спине. Он был рад, что к этому времени затушил светлячка и Ашран не видит его некстати покрасневшего лица.

— Да чего ты смущаешься? — улыбнулась Ашран.

Казалось, мрак не был ей помехой, чтобы хорошо считать с лица Ма'Айя эмоции.

— Я не отказывался, — буркнул Ма'Ай.

Они сделали, как предложила Ашран. Теплее не стало. Лишь со стороны Ашран исходило тепло, но придвинуться к ней, Ма'Ай не смел.

— Так не согреешься, — сказала Ашран и повернулась к нему, пододвинулась ближе.

Собравшись с духом, Ма'Ай сделал то же самое и почти уткнулся в лицо напротив. Сердце застучало быстрее, горячая кровь заструилась по венам, заставляя жар плавить сердце. Наверно, не такой должна быть реакция, не так он должен был согреться. Однако совладать со своими мыслями и чувствами Ма'Ай не мог. Глаза Ашран заблестели в темноте манящим его золотом, и он постарался улыбнуться.

— Теплее? — спросила Ашран, и до губ Ма'Айя долетело тепло её дыхания.

— Н-неплохо, — глухо ответил Ма'Ай.

Ашран взяла его холодные руки и принялась растирать. Ма'Ай сделал для неё то же самое. Над их головами прозвучал раскат грома. Дождь продолжал всё так же стучаться в крышу их тента, а ветер где-то рядом насвистывал свою песню.

Ма'Ай сделал неожиданную для себя вещь. Он высвободил руку и неуверенно обнял Ашран и прижался своими губами к её, оставив лёгкий чмок на губах. Голова и тело стали ватными, руки отказывались подчиняться слабому сознанию. Было приятно и крайне волнительно быть так близко, вот так обнимать Ашран. С одной стороны, он не понимал себя, как осмелился сделать такое, а с другой — очень боялся её разозлить. Ма'Ай как мог, отгонял неприятные мысли, глядя в её золотые глаза, но они настойчиво возвращались.

— Мне кажется, мы так не уснем, — прошептала Ашран и аккуратно отодвинулась, освобождаясь от обнимающих её рук.

Она была права. Сон, как и холод, растворился в темноте, взбудораженный близостью Ашран. Они легли спина к спине, переплетя друг с другом босые ноги.

Ма'Ай долго думал о будущем, о различных способах спасения тех, кого Ашран называла братьями, о времени, проведённом с Ашран. Размышлял о подстерегающих их опасностях, о друзьях, о родителях, оставшихся в Белом королевстве. И ни одну мысль он не мог додумать до конца. Ашран врывалась вспышками в его голову, отгоняя старые и преподнося новые заботы и мечты. Только когда гроза начала утихать, Ма'Ай, прижавшись теснее спиной к Ашран, смог успокоиться и с чувством глубокой усталости заснуть.

Глава двенадцатая. Начало конца

«Я тогда плохо понимал других и не знал, что она была из тех, кто держит всё в себе» из дневник в бсн гг о мага

Ближе к вечеру следующего дня их повозка подъехала к заброшенному поселению Хоку. Поселение находилось почти на окраине леса, и за ним открывался вид на широкую долину, уходящую далеко за горизонт. Деревянные дома в Хоку, несмотря на заброшенность, были крепкие и добротные, с покатыми крышами. Учитывая, сколько времени прошло с момента трагедии, дома хорошо сохранились, поражая плотницким мастерством. Почти все украшены красивыми резными наличниками и витиеватой резьбой. У каждого дома имелся свой двор, захваченный нынче дикоросом, но до сих пор ограждённый покосившимся полусгнившим забором. В центре поселения расположился большой колодец, также украшенный богатой резьбой. Ма'Ай притормозил возле колодца и сунул голову под навес.

— Ашран? — позвал он, и понял, что она уже наготове.

— Держи, надень, — она протянула ему кулон наподобие того, что треснул у него ранее.

— Кажется, вон тот дом принадлежал семье Элоизы, — указала Ашран на дом в отдалении в два этажа и затейливой башенкой справа, что смотрел на них пустыми тёмными окнами. Они двинули к дому.

Помня, что произошло в прошлом, Ма'Ай покосился на кулон, висевший на груди. Он болтался мутным белым кристаллом, не светился. Они отодвинули покрывившуюся дверь в сторону и вошли в дом под светом светлячка. Словами не описать силу их удивления, когда сразу за поворотом, в большой комнате с перевернутым некогда обеденным столом обнаружили Холгуна, привязанного к стулу с кляпом во рту.

— Холгун! — почти одновременно они кинулись к нему.

Они освободили его от пут и Ашран тут же спросила:

— Что произошло?

Он посмотрел на неё одним глазом. Второй был заплывшим и синим.

— Всё что произошло до виноградников Ансея, думаю, ты знаешь? — поинтересовался Холгун.

Ашран кивнула.

— Меня кто-то поджидал, — сказал он, зная то, что они ожидают подробностей, добавил: — Я не знаю, кто это. Он использовал иллюзию. Его внешность постоянно менялась и расплывалась, а тело казалось то мужским, то женским. Единственное, что могу сказать — он безумно силён. Не имею ни капли представления, что оно такое. Швырял меня по дому, как тряпку.

Он застонал и схватился за бок:

— Кажется, у меня сломано пара рёбер...

— О Румпеле тебе что-то известно?

— Румпель тоже пропал?! — воскликнул Холгун.

Он глубоко задумался.

— Надо обыскать всё, — Холгун решительно встал, являя собой всё того же решительного и деятельного Холгуна, что и был ранее, хоть ему и приходилось морщиться

от боли. — До сегодняшнего дня меня держали в другом доме и лишь сегодня притащили сюда.

— Он один? — поинтересовалась Ашран.

— Никого больше я не видел, — пояснил Холгун.

Во время обхода, Ашран попутно рассказывала о том, что произошло после исчезновения Холгуна.

— Ма'Ай, — обратилась она к нему. — Если столкнёмся с тем неизвестным, постарайся заглянуть за его иллюзию, как смотришь сквозь мою.

Ма'Ай думал возразить о том, что не имеет ни малейшего понятия, как и почему это получается, но промолчал, лишь кивнув. Они обошли дом, но никаких следов пребывания кого-либо не обнаружили. Ашран потёрла подбородок:

— Припомнить бы в каком доме была обнаружена та комната, в которой прятались дети, — протянула она.

Выйдя на улицу, где уже сгущались сумерки, они направились к самому высокому дому в поселении, что был вытянут в высоту за счет системы настроек трех башен по центру. Двигаясь внутри того дома, будто следуя своим воспоминаниям, Ашран нашла на стене деревянную вставку и нажала на неё, погружая внутрь дома. Стена, недовольно скрипя, поехала вверх, открывая их взору небольшую комнату. Светлячки Ма'Айя высветили бездвижное тело, лежавшее там.

— Румпель! — вскричала Ашран, первой признав.

Румпель, казалось, не подавал признаков жизни, и от него дурно пахло. Ашран крепко прижала его к себе, несмотря ни на что. Ма'Ай заметил, что по её отчего-то счастливому лицу прокатилась слезинка.

— Румпель! — затрясла она его.

— Ты из него душу вытрясешь, — заметил Холгун, глядя на то, как безвольно болтается голова Румпеля.

Но Ашран не унималась. Она размахнулась и вlepила бездвижному телу то одну пощечину, то другую. Ма'Ай открыл рот от удивления.

«Румпель будет шокирован таким обращением» — подумал он.

— А ну, прекращай! — вскричала Ашран. — Умрёшь тут, не прощу!

И вlepила ещё одну. Румпель застонал.

— Я жив, — послышался слабый голос. — Не записывай в покойники раньше времени...

Румпель был слаб, но потихоньку приходил в себя. Ашран достала бутылку с какой-то зеленой жидкостью и напоила Румпеля.

— Меня чем-то опоили, — тихо сказал он.

— Ты как маленький, будто не знаешь, что нельзя пить с кем попало, — выговаривала Ашран.

— Чем тут так воняет? — спросил Румпель, поморщившись, и добавил: — И где моя трубка?

— Насчет первого, тебе лучше не думать об этом, а то будет стыдно, — заметил Холгун.

— А на счёт второго, придется потерпеть, — проворчала Ашран.

Они подхватили Румпеля под руки и двинули к выходу, он всё ещё был слаб. Оказавшись на улице Ашран произнесла:

— Неужели это всё? И нас так просто отпустят...

Они и правда, прошли небольшой путь к колодезю, где оставили повозку, как за спиной раздался голос, что мог принадлежать, как мужчине, так и женщине, в принципе:

— Не так быстро!

Глава тринадцатая. Только кажется страшноватой

«ЧТО ОТЛИЧАЕТ НАСТЯЩИХ МУЖЧИН ОТ ТРУСОВ? ХИЩНИК В ОТЖЕРТВ? СТРАХ. ХИЩНИКИ ЕГО ЧУЮТ. ЕСЛИ СТРАХ ТЕБЕ НЕ ВЕДОМ, НИ ОТСТУПАЮТ. ОДИНИМИ МОЛИТВАМИ НЕ СПАСТИСЬ. Я НЕ ХОЧУ НИКОМУ МОЛИТЬСЯ. Я ГОТОВА БОРЬТЬСЯ С ЛЮБЫМ ЗАМОМ ИЗ ДНЕВНИКОВ БОСОНГОГО МАГА»

Они обернулись. За их спинами стоял человек, и больше ничего нельзя было сказать по нему. Его внешность и вся фигура словно дрожала и расплывалась, как воздух в пустынях Белого королевства, не давая возможности глазу ни за что зацепиться. В руках он держал арбалет — новое достижение оружейников Империи.

— Без лишних движений, — предупредил неизвестный. — Наконечники стрел из квебрита.

По телу Ма'Айя прошла нервная дрожь. Вторя его настроениям погода начала хмуриться, как в прошлую ночь. Подул сильный ветер. Вдалеке раздавался раскатистый гром.

— Мне нужна ты, Ашран. Если пойдёшь со мной добровольно, остальных отпущу, — предложил неизвестный.

— Хорошо, — без раздумий согласилась Ашран. — Это ведь ты, тот некромант, кто поручил Ангусу изготовить кровавый камень? Для этого ты используешь арбалет, чтобы скрыть свою магию тьмы. Для чего? Если я принимаю твои условия игры, может пора развеять иллюзии?

Незнакомец молчал. Ветер с завыванием трепал его плащ. Ма'ай почувствовал, как Румпель напрягся, затем собрался и отказался от поддержки. Ма'Ай посмотрел на Румпеля и краем глаза заметил, что видит через иллюзию незнакомца. Он затаил дыхание, приглядываясь, и сумел разглядеть лицо. Оно было знакомо ему. В спальне Румпеля на стене висела большая картина. Ма'Ай долго рассматривал её, восхищаясь. Он был из простых людей и такие художества видал редко. На картине были изображены трое: Румпель, как он догадался, ещё в молодом возрасте парнишкой, мужчина, очень похожий на сына, и женщина. Женщина интересного типажа, во внешности которой проявлялись как мужские черты, так и женские. Единственным отличием являлось то, что на картине у неё были длинные волосы, а сейчас волосы коротко стрижены...

— Одного никак не пойму, откуда тебе известно обо мне и кто ты? — спросила Ашран.

— Элоиза, — тихо ответил Ма'Ай.

— Элоиза? — переспросила Ашран, но уже обращаясь к незнакомцу.

— В уме тебе не откажешь, — отозвался незнакомец и быстрым движением сорвал кулон с груди. Являя реальную внешность. Слышно было, как Румпель судорожно вздохнул.

— А ты совсем не изменилась, — заметила Ашран.

— Я же маг. Внешность всего лишь обман. Так ты говорила, как мне помнится, объясняя свою вечную молодость, — усмехнулась Элоиза.

— Зачем тебе это? — нахмурилась Ашран.

— Почему ты так поступила?! — воскликнул Румпель, сделав несколько шагов вперед. — Я бессмысленно страдал, лишившись матери и не понимая, почему она покончила с собой. У нас была прекрасная семья, отец любил тебя! Почему ты бросила меня? Я твой сын!

Женщина рассмеялась неприятным злым смехом.

— Сын? Любил? А я нет! — крикнула она самые жестокие слова, что можно услышать от матери. — Что вы вообще знаете обо мне? Я жила с вами потому, что так мне велел он. А ребёнок получился по моей глупости и неопытности.

Никто её не прерывал и она продолжала:

— Разве кого-нибудь интересовало, что происходит в поселении Хоку до тех пор, пока его всё не вырезали? Нет, конечно! Ты же была тут, Ашран, неужели не заметила никаких странностей? Хоку всегда было пристанищем поклонников некромантов. Каждая семья в этом проклятом поселении исповедовали тёмный путь. Успехов у них было немного, все как один — бездарности! Сейчас, обдумывая, я понимаю, что это больше походило на культ, — она прервалась и обратилась к Румпелю: — Сын, хочешь знать извращённость моего происхождения? Рассказать? Я даже удивлена, что это не проявилось в твоей крови. Эти бездари поселения Хоку нашли где-то старый обряд для призыва голоса тьмы и всем поселениям окунулись в его исполнение. Я родилась от связи моего деда с моей матерью, его собственной дочери. А так названный отец любил меня каждой воскресеньем на алтаре при всех жителях.

Она указала кивком, имея в виду дом за спиной. Тот самый, с несколькими башенками на крыше.

— Вот в этом доме, тогда называемым храмом. Я была не одна. Эти люди использовали детей, как подопытных кроликов. Матери не жалели своих детей, да ещё и смели изображать видимость семьи и заботы. Вам будет интересно узнать, что у них получилось. Тьма пришла. И тогда на голос тьмы пришёл Он.

Последнее слово она сказала с благоговением и восхищением, влюблённой женщины.

«Кто этот он о котором, она говорит?» — подумал Ма'Ай и заметил какое-то движение за спиной Элоизы.

Ма'Ай с удивлением понял, что это Холгун. Он перевёл взгляд на второго Холгуна, что стоял рядом с ним. А гроза в это время набирала обороты. Молнии сверкали то тут, то там.

— Я, как и другие обречённые дети...

— Ты хочешь сказать, поселение Хоку уничтожили дети? — прервала её повествование Ашран.

Она рассмеялась:

— Ты не представляешь, какую силу дарит тьма, если её принять. Боль обжигает, последней попыткой освободиться надеюсь, но тщетно, и умолкаю, сраженная пыткой, и затихаю желаньем заветным, — на распев произнесла Элоиза с безумной улыбкой.

Холгун, что был за спиной Элоизы, сделав быстрый рывок, произвел захват за шею и приставил нож к горлу:

— Не рекомендую делать резких движений, — сказал Холгун. — Этот нож тоже квебритовый. Опустит арбалет.

— Доппельгангер, — заметила Элоиза с усмешкой, но сделала, как он сказал.

Она опустила руки. Развернув свободную от арбалета руку, она прикоснулась ладонью к ноге Холгуна за спиной. По его телу пробежал сноп иск, похожих на мелкие молнии. Холгун выронил нож, корчась от боли, а потом его откинуло назад от неё. Кулон на шее Ма'Айя засветился.

— Бегите! — крикнула Ашран.

— Пусть бегут, а ты стой! — приказала Элоиза, поднимая арбалет.

Ма'Ай помог скрыться Румпелю за колодцем. Холгун возле них, пропал, после того, как она ударила молнией второго Холгуна рядом с ней. Видимо, первый и был допельгангером, как назвала Элоиза.

— Думаю, прострелю тебе ноги, чтобы ты не сбежала, — заявила Элоиза, поднимая арбалет.

«Почему? Почему Ашран стоит и не двигается?» — с замирающим сердцем думал Ма'Ай.

— Но для начала покажу настоящую тьму, — заявила Элоиза и топнула ногой по земле.

Вокруг неё образовался светящийся красным круг с собирающимися в нём знаками.

— Эфраит! — воскликнула Ашран.

— Ты же не думала, что это сработает, правда же? — заметила противница.

Круг сжался и побежал по земле, расширяясь. Ма'Ай едва не подпрыгнул, когда он пронесся под ним.

«Не переживай, Ма'Ай, сегодня тебя ждёт чудесный денек» — сказал голос.

Ма'Ай открыл глаза и с удивлением обнаружил себя на кровати в их доме-кузне. На нём были его любимые красные праздничные шаровары и белая рубаша. Не совсем понимая, как здесь оказался, Ма'Ай выглянул в окно на улицу. Море на горизонте было спокойным, небо ясным, а солнце щедро одаривало своим теплом город, обещая прекрасный день.

Он опасливо выглянул за дверь комнаты. Снизу доносились голоса Ста'Арха и Ма'Рты. Он вышел и направился к ним. Около лестницы голоса стали разборчивее.

— Он дома, — донеслись до него слова Ста'Арха. — Спит в кровати.

— Явился хоть вчера, — отвечала ему Ма'Рта. — Он ночует вне дома и много времени проводит с этой эльфийкой. Что можно делать с эльфом по ночам?

— Помнишь, он говорил, что видел как они оживляли мертвеца?

— Ты думаешь, он занялся некромантией? — голос За'Ар.

— Чем же еще? — спросила Ма'Рта.

— Сколько помню, от него всю жизнь одни проблемы, — добавил Ста'Арх.

«Они тебя ненавидят. Ты испортил их жизни, особенно подпортил жизнь Ма'Рты» — голос раздался так внезапно, что Ма'Ай аж подпрыгнул. Рядом никого не было.

— Ты проснулся? — спросила Ма'Рта, заглядывая навверх. — Проходи к столу.

Ма'Ай спустился, все уже сидели за столом.

— Ма'Ай, ты самый жалкий маг из всех возможных, — сказала Шива.

Ма'Ай опешил от такой прямоты.

— Да... — растерянно протянул он в ответ.

«А она тебя презирает, — будто забавляясь, шепнул голос. В душе Ма'Айя поднимал свою голову страх. — Боишься? Правильно, бойся их»

— Я не хочу есть! — воскликнул Ма'Ай.

Он хотел поспешить выйти и отправиться к Ашран, но на его дороге встал Куран:

— Ты никуда не пойдешь.

— Да что с вами?! — отчаянно воскликнул он.

— С нами? — с издевкой сказала За'Ар. — А как ты думаешь, мы должны реагировать на некроманта? Ты некромант!

— Я не некромант, — возразил он.

«Кого ты обманываешь?» — спросил голос. Ма'Ай схватился за голову, в попытке

избавиться от голоса в голове.

— Пошёл прочь! — крикнул Ма'Ай обращаясь к голосу в его голове.

В дверь постучали. Куран открыл, впуская представителей магического совета.

«Они тебя сдали, — сообщил голос. — Беги!»

Не зная почему, но он послушался голоса и побежал. Он рванул к двери конюшни, что вела в кузню. Едва он открыл дверь, как сильный поток воздуха ударил в спину. Кто-то из магов воспользовался силой. Он кувырком залетел внутрь. В конюшне поднимался на ноги минотавр Мирорх, его глаза наливались кровью.

«Он прихлопнет тебя, как муху» — заметил голос.

Ма'Ай подскочил как ужаленный и рванул прочь. Он бежал по улице, не разбирая дороги. За спиной под топот копыт минотавра разносились крики:

— Некромант! Держите его!

Сердце колотилось в сумасшедшем ритме, перекачивая кровь в его жилах. Ма'Ай и не помнил, когда ему приходилось так удирать. Повезло, что он хорошо знал город, ему удалось оторваться в закоулках торговых кварталов.

«Они тебя найдут, найдут и бьют» — подхихикивал голос.

«Это сон. Мне это снится. Нужно проснуться» — подумал Ма'Ай.

«Ой, ли, — прокомментировал голос. — Посмотрим, что ты заговоришь, когда с тебя снимут кожу»

Как бы он себя не убеждал, но сон был уж слишком реальным.

«Ашран, — мелькнуло в его голове. — Она ему поможет»

Добираться ему пришлось перебежками. Все люди, встречавшиеся ему на пути, пытались к нему придраться, задеть. Еще два раза ему пришлось скрываться бегством. Наконец, он добрался до входа в лабораторию Ашран, но кирпичная стена его не пропустила.

«Только я тебе помогу, — не унимался голос в его голове. — Боги умерли в этом мире. Тебе не стоит беспокоиться, я сделаю ТЕБЯ богом! Или ты хочешь так, и остаться ничтожеством? Будь я таким, как ты, давно бы покончил с собой»

— Что ты такое? — спросил Ма'Ай.

В его голове возникла целая какофония детских голосов. Они смеялись, хлопали в ладоши, кто-то произносил, кривляясь, какую-то неразборчивую белиберду. А затем резко опустилась тишина. И в его голове, и в городе. Даже движение воздуха прекратилось. Тишина была таковой, что звенит. Следом огромным потоком на него хлынули волны мыслей всех жителей города, случайных прохожих на площади. Он слышал, как мыслит его сестра Ма'Рта, официантка в ближайшем пабе и много кого ещё. Такое чувство, словно он проталкивался через толпу и слышал случайные обрывки фраз. Все говорили о нём: осуждали, плели заговоры, обсуждали, как лучше подставить, разрушить его жизнь и казнить. Из-за поворота вышла его мать и направилась к нему.

Ма'Ай в оцепенении следил за тем, как она приближается. Даже голоса посторонних поутихли на фоне этой картины. Это была она, его мать. Среднего роста, невысокая и очень стройная, как травинка. Она сумела сохранить фигуру, несмотря на возраст и пятерых детей. Тёмные волосы длиной до плеч слегка кучерявились, глаза тёмные, как сама ночь, на щеке до боли знакомая родинка. Чтобы ни случилось, она всегда улыбалась, как сейчас. А когда она смеялась, на щеках её появлялись ямочки. Её руки всегда нежные, тёплые, ласковые. А ещё эти руки умеют всё приготовить вкусный ужин, пирог, сшить рубашку. Их семья никогда

не жила зажиточно, чтобы часто покупать наряды, но мама всегда выглядела прекрасно.

На его глаза навернулись слёзы. Как он соскучился, как истосковался по матери. Она подошла и сказала:

— Обрати свой взор к небу! Ты должен обрести силу.

Он посмотрел на небо, и небо посмотрело на него большим глазом. Ма'Ай закричал. Когда крик его заглох, мать исчезла.

«Прими мою силу, — предложил голос. — Молись мне, и ты сможешь всё»

«Нет, — подумал Ма'Ай. — Ашран бы никогда его не бросила. Это ложь. Всё ложь. Ничего этого нет. Мне кажется»

Он крепко зажмурил глаза, сжимая веки до слёз, и чтобы перекрыть голоса в голове, отчаянно закричал на пределе возможностей:

— Ашрааан!

И тут же почувствовал, как его тело падает вперед, Ма'Ай распахнул глаза, подставляя руки. Он вновь был в поселении Хоку и из всего происходящего с ним реальным был только его крик имени Ашран.

Элоиза и Ашран обернулись и посмотрели на него, пока он стоял на четвереньках.

— Занятный малыш, — заметила Элоиза, заинтересованно глядя на него. — Ты смог выбраться? Да так быстро...

Он не знал, выбрался он или нет, но заметил, Холгуна и Румпеля застывших в остолбенении.

Элоиза хотела ещё что-то сказать, но с неба ударила молния, оставив после себя мужскую фигуру в плаще с длинными белыми волосами, которые тут же подхватил ветер. Его плащ двигался против порывов бесноватого ветра, колыхался и двигался, окружая мужчину, словно живой. Мужчина посмотрел на Элоизу, затем на Ашран, его глаза светились в темноте красным. У Ма'Айя возникло ощущение, будто он нырнул в ледяную воду, он задрожал, как от холода.

— Господин, — упала на землю Элоиза.

— Разве я поручал тебе что-то такое? — ласковым, нежным голосом поинтересовался мужчина. Так разговаривает отец со своей дочерью.

— Нет, господин, — сокрушенно призналась Элоиза.

Было пугающе страшно от того, что мужчина не обращал на них никакого внимания, словно можно и не принимать их в расчет.

— И? — протянул мужчина.

— Они помешали изготовлению камня и разрушили школу, — оправдывалась Элоиза. — Я осталась без ничего. А она... она, полукровка. Незапечатанная кровь.

— Я разве говорил, что мне нужна незапечатанная кровь?

— Нет, господин. Простите меня за моё своеволие ради тьмы, — Элоиза приподняла голову и посмотрела наверх, её взор пылал преданностью и покорностью.

— Хорошо.

Мужчина отвернулся от Элоизы.

— Мы покинем вас. Вы против? — спросил он, обращаясь к Ашран.

Пола его плаща закрывала половину лица, оставляя открытыми лишь красные глаза.

— Нет, — ответила Ашран.

Он кивнул, подошёл к Элоизе и накрыл её своим плащом. С неба ударила молния прямо в мужчину, и они оба исчезли. Румпель с Холгуном пришли в себя. Румпель осел на землю,

по его лицу текли слёзы, а Холгун выглядел слегка дезориентированным, но быстро пришёл в себя:

— Что... что произошло?

— Я думаю, нас посетил Адалстан, — ответила она.

— Ты его отпустила?! — воскликнул Холгун.

Ашран стояла с опущенной головой и молчала. Румпель утёр слёзы и подал руку Ма'Айю, прося помощь подняться.

— Ашран с ним не справиться, — сказал Румпель. — Изучая информацию о том, что имеется на его счёт у меня большие подозрения, что Адалстан — демон инкубного типа, от того, все его последователи, женщины.

— Демонов же не существует?

— Как и полукровок теперь, — заметил Румпель. — Ашран поступила умно, иначе нам всем было не выжить.

— Румпель прав, — с чувством вины в голосе призналась Ашран. — К тому же вас могла захватить тьма.

Ма'Ай не знал, что за кошмар переживал Холгун, но его передернуло от воспоминаний.

— Ладно, мы все целы, поехали домой, — подвёл итог Холгун.

Ма'Ай подошёл к Ашран и тронул за руку.

— Ты не должна отвечать за всё одна, — сказал Ма'Ай. — Я научусь. Обязательно научусь.

— Ещё бы, — улыбнулась она. — Я в тебе и не сомневаюсь. Ты разорвал путы тёмного сна и даже не понял как, да?

Позже, когда они остановились в ближайшем жилом поселении на ночь, где привели в порядок одежду и потчевались вчерашним ужином от Кантора. Посвежевший Румпель заметил:

— Я тут припомнил, перстень на руке того, кого мы считаем Адалстаном.

Все заинтересованно посмотрели на него.

— Я видел этот перстень и ранее, — сказал он. — На учителе-огневики в высшей школы магии, что мы посещали недавно. Вроде тот учитель как бы погиб во время пожара. Имя не вспомню. Я учился в другом отделении.

— Мне тоже, показалось странным, что заклинание огненной стены не сняли и не придали ему значения при расследовании, — заметила Ашран.

— Это может означать лишь одно, — протянул Холгун.

— Совет магов с ним за одно, — закончила за него Ашран. — Цели Адалстана предположить мне сложно в этом союзе, но маги... Это заговор.

— Но против кого? — задумчиво произнес Румпель.

— Единственные против кого могут быть маги — это эльвиры. В Империи лишь в регионе Верлиоки власть не принадлежит магическим советам, — заключила Ашран.

— Надо сообщить это эльвирам, — сказал Холгун.

«Всё-таки он им предан» — подумал Ма'Ай.

— Вот ты и сообщи, — сказала Ашран. — Что-то мне подсказывает, что мы ещё встретимся с Адалстаном. Возможно, не скоро, но судя по размаху, они никуда не торопятся. Время у нас ещё есть подготовиться.

— Тоже обратил внимание на время, — добавил Румпель. — Если их не беспокоит

конечность жизни. Совет магов принадлежит тьме? Они, как и моя мать не меняются...

Голос Румпеля всё-таки дрогнул на слове «мать», напомнив присутствующим, как глубоко пущены корни зла.

Глава четырнадцатая. Сладко-синяя

"Я ВСЕГДА БЫЛ СТРАННЫМ, НАД МНОЙ ЧАСТО ПОДШУЧИВАЛИ. Я НЕ ЗАТЕМ ЖИВУ, ЧТОБЫ ВСЕМ НРАВИТЬСЯ, ЧТОБЫ МЕНЯ ВСЕ ЛЮБИЛИ. МНЕ ХВАТИТ И ОДИН ГО ЧЕЛВЕКА ПЛОХИЙ ВКЛЮЧ..." ИЗ ДНЕВНИКА БОСОНГОГО МАГА

В землях Империи время обозначалось иначе. Здесь было четыре сезона. Зимний сезон с его холодными дождями и штормами на море сменялся коротким весенним, в котором город и прибрежные скалы заполняли перелетные птицы — ласточки, а затем наступало лето.

Лето Ма'Айю нравилось. Город замедлился, стал неспешным под действием солнцепека. Хоть прогревало солнце не так старательно, как у него на родине, но с него хватит и того, что у Ма'Айя перестали мерзнуть ноги, и он мог себе позволить ходить босиком даже по ночам. Именно в это лучшее, по мнению Ма'Айя время в городе стали убивать людей.

Неизвестный убийца потрошил людей, раскидывая внутренности по округе, оставляя на стенах огромные надписи кровью жертвы на неизвестном языке. Учёных мужей в городе было достаточно, чтобы вскоре достоянию общественности стало известно две вещи. Первое, что надпись сделана на эльфийском языке, и второе — то, что та надпись была именем собственным — Ашран Квинламин.

Как только это стало известно его друзьям, они устроили ему форменный допрос и выдвинули запрет на общение с Ашран с её играми в службу решения дел. За'Ар прямо так и сказала. Он пытался возразить и пригрозил, что уйдёт из дома. Даже кинулся собирать вещи. Это было его ошибкой. Ста'Арх с Кураном его быстро скрутили и запихнули в каморку Шивы под лестницей, пока не одумается. У него не было и шанса против этих двоих. Силой не вышел, боевыми навыками не обладал, а ведь он считал их друзьями. Еду приносила сестра с глазами, полных сочувствия, под наблюдением некогда его лучших друзей, так что он даже не пытался сопротивляться. Что говорить? Они заодно, если даже Шива уступила свое убежище.

Сначала он хотел их просто извести, не давая спать по ночам. В первую же ночь Шива приказала Курану его связать и вставила в рот кляп для надежности. Ужасная ночь была у него. Прошло пять дней. Больше он не шумел особо. В его голову пришла новая идея. Он решил уболтать Ста'Арха его отпустить. Ещё с детства ему всегда с легкостью удавалось уговорить здоровяка на разные глупости. Хотя тогда это были вовсе не глупости, но это не важно. Важно то, что Ста'Арх был исключительно добр и всегда поддавался. А сейчас и удачный момент, ведь все ушли на работу. Для начала нужно было привлечь его внимание. Ма'Ай принялся колотить в запертую дверь, крича:

— Ста'Арх! Иди сюда! Надо поговорить.

Колотить ему пришлось не долго. Он услышал, как в замочную скважину вставляется ключ, и дверь отворилась. К его удивлению за дверью стоял минотавр. Ма'Ай замер. Драться с минотавром в его планы не входило. Да и бессмысленно. Он ещё помнил его появление. Из-за минотавра высунулась Тирна:

— Ма'Ай, — обратилась она, собираясь с мыслями. — Мирорх думает, что тебя надо отпустить.

Её познания языка гораздо улучшились за прошедшее время. Мирорх что-то сказал на своём повернувшись к девушке. Странное дело, их речь он научился понимать, но говорить не был способен.

— Мирорх говорит, он против того, чтобы кого-то держать взаперти. Лучше смерть.

Смерть, конечно, его не прельщала, но Ма'Ай понял, это Мирорх принял решение его освободить. Тирна была крайне послушной и боязливой, чтобы что-то возразить его друзьям, а вот минотавр обладал своеволием.

— А где Ста'Арх? — поинтересовался Ма'Ай, опасаясь, что его освобождение вызовет недовольство, которое падёт на головы его неожиданных спасителей.

— Он ушёл, — пояснила Тирна. — Мы и открыли.

Он поразмыслил, потеряв подбородок, дурная привычка, которой он заразился от Ашран:

— Мирорх, а ты способен выломать эту дверь изнутри?

Тот ответил. Тирна перевела:

— Легко!

Вот так, своим упорством его друзья добились того, что он переселился жить в лабораторию к эльфийке. К его сожалению, дом из места, в котором тебя ждут, превратился в место, в которое не хочется возвращаться. Ашран сказала, что его друзья обманули и Холгуна, которого послала за ним, сказав, что Ма'Ай отправился домой в Белое королевство.

Ма'ай по обыкновению спал на диване в кабинете лаборатории, когда к ним влетел Холгун:

— Ашран! — вскричал он. — Ты тут? Надо поговорить.

— Иду... — послышался сонный голос эльфийки со второго яруса.

Сам Холгун был бодр и свеж, хорошо выбрит, при полном параде, в одеждах службы решения дел. Он, видимо, хотел сесть, когда натолкнулся на Ма'Айя, отчего последнему пришлось быстро подскочить, освобождая место.

— Доброе утро, — произнес Ма'Ай, но тот не удосужился ответом.

Его взгляд был прикован к груди парня. Ма'Ай спал в шароварах по колено, как привык. Было хорошо, тепло. Всю ночь его согревал огонь, горевший в камине. В свое время Ашран залечила раны, но на его груди осталось ожерелье из узора шрамированных рун, его это не беспокоило, но под столь пристальным взглядом Холгуна захотелось прикрыться.

— Ма'Ай, приготовь нам чаю, — выручила его Ашран, зажигая магические фонари.

Она спустилась в халате, собрав волосы в растрёпанную гульку. Просить дважды его не пришлось, хоть ему и хотелось послушать причину явления Холгуна, он стрелой метнулся за чайником, по пути хватая рубашку. К своей радости он обнаружил, что не так уж и много пропустил за время своего отсутствия. Он налил чай, взял себе кружку и сел на кресло чуть поодаль от них.

— Знаю, мы уже об этом говорили, но ситуация выходит изпод контроля. Сегодня вырезали семью эльвиров. Они не очень значительные и были пустые, но всё же. Ты сама понимаешь, как для тебя опасно привлечение магического совета. Получается, убийца случайно выбирает дома по принципу считалочки эники-беники?

— Правда, ума не приложу, — озадачено ответила Ашран, автоматически хлебнув чаю. — Я абсолютно точно не была знакома с людьми или эльвирами, которых ты перечислил.

— Возможно, кто-то пытается привлечь твоё внимание?

— Точно не скажу, но сомневаюсь, что остался кто-то из живых кто знал обо мне.

Только вы.

Они замолчали. Внезапно Холгун выглянул из-за Ашран и посмотрел в упор на Ма'айя:

— А ты рассказывал своим друзьям об Ашран? — спросил он.

— Говорил, — ответил Ма'Ай, смысла скрывать не было.

Холгун многозначительно посмотрел на эльфийку.

— И как многим ты о нас рассказал?

— Никому более... — ему стало чутка обидно из-за подозрений павших на него. Из-за этого голос стал резче, когда он дополнил: — Я уверен в своих друзьях. Точно знаю, что они никому не говорили. Да и кому мы можем рассказать? У нас и знакомых здесь толком нет.

— Кроме эльвира являющегося членом самой влиятельной семьи города?

Видимо, он имел в виду Лакорна, догадался Ма'Ай.

— Да я видел его один раз, когда мы только попали в город, — возразил Ма'Ай, не зная, как оправдать себя.

— Холгун, ну ты зря его обвиняешь, — попробовала заступиться за Ма'Айя эльфийка, но тот ее прервал:

— Ты чего их жалеешь? Ты же знаешь, если доверять людям, то лишь членам своей семьи. Вот пожалела этого мальчика Мори и чем дело закончилось?

— Ма'ай здесь абсолютно ни при чем. Надо найти убийцу.

Внезапно Ма'Айя как осенило.

— Послушайте, ведь когда я вас увидел впервые, вы вернули человека к жизни. Почему бы не вернуть одного из убитых и не спросить, кто его убил?

— Есть небольшая проблема, — сказала Ашран. — Проводником заклинания был Мори. Мы уже пробовали. У них не получается, а я не могу. Это довольно сложно. Надо балансировать между мирами, при том иметь особую степень чувствительности к сопереживанию. А просить помощи в этом деле малознакомого мага опасно. Тут ты уже понимаешь, некромантия.

— Я ведь не пробовал, — неожиданно даже для себя заявил Ма'Ай.

Сидящие на диване ошарашено уставились на него, видимо, тоже не веря в такое предложение.

— Это смешно! — наконец заявил Холгун. — Ты даже магический фонарь зажечь не можешь. Ну-к, скажи Ашран, каких успехов он добился за это время? Вот, держи!

Холгун кинул ему квадратный бутыль с деревянной пробкой сверху, что Ма'Ай вчера оставил на полу около дивана. Внутри находились бабочки-межмирья. Их синие крылышки с серебристыми прожилками были безжизненно сложены, а тельца небольшой кучкой валялись на дне стеклянного нутра.

— Давай, попробуй, накорми их, пусть полетают. С этим справится любой поступающий даже в самую захудалую школу магии, — подначивал Холгун.

Как рассказывала Ашран, бабочки питались магией и обитали в пространстве между мирами в огромных количествах. Чтобы заставить их летать, хватило бы и крупички магии, но у Ма'Айя не получалось заставить дрогнуть крылышко хоть одной. Бабочки были самыми безобидными обитателями межмирья. Вреда они не причиняли, лишь тянулись к магам, что, нарушая закон, шастали в запрещенное пространство. Иногда их было столь много, что маги, не планируя, возвращались, окруженные ими. Вещи, принесенные из межмирья,

отрицательно сказывались на мире Айёла, разрушая его. Например, квебритовые клинки изготавливали при должном умении, добавляя в сплав квебрит, добытый в межмирье. Ашран отставила кружку чая на столик, заявила:

— Дело не в том, что он может зажечь, а чего нет. Проблема в том, что я не могу научить человека говорить на языке, которого сама не знаю, — она встала, взяла бутылку из рук Ма'айя и откупорила пробку. Тут же крылышки бабочек засеребрились, засветились, синий цвет потемнел. Их крылья стали похожи на ночное звездное небо. Вот одна из них подскочила на тоненьких ножках, расправила крылышки, хлопнула ими и вылетела из горлышка. За ней последовала еще одна, и еще. Они кружили вокруг Ашран небольшой стайкой, осыпая исчезающим искрящимся серебром с их крыльев. Она отвлеклась от созерцания радостного полета бабочек и произнесла, глядя на Холгуна:

— А что собственно мы теряем? Одевайся, Ма'Ай, посетим холодные камеры службы решения дел!

"Одеваться надо было теплее" — запоздало подумал Ма'Ай.

Здесь, в каменных глубинах службы решения дел, царил леденящий холод. К тому же он обнаружил некое странное магическое свойство этих помещений. Он сделал несколько глубоких выдохов, наблюдая, как воздух из его рта превращается в белый дымок.

— Это дыхание жизни? — тихо поинтересовался он у эльфийки, показав свое открытие, чем вызвал ее улыбку.

Она посмотрела на него так, как смотрят на детей, когда они делают нечто забавное.

— Это не магия, мальчишка! — вмешался Румпель, для своего возраста имевший на удивление отличный слух. — Ты дышишь — образуется пар.

Они вошли в комнату, напоминающую пещеру с выдолбленными каменными постаментами, на которых лежали тела. Люди были обнажены, и ничто не скрывало ужасных ран, нанесенных неизвестным убийцей, и их животы, заштопанные кривым, не срастающимся швом. Он не был силен в математике, и ему пришлось воспользоваться детским способом загибания пальцев при счете тел. Девять, — насчитал он.

— Это первая жертва — Сильва Трум, — пояснил Холгун. — Булочница на центральном рынке.

Пока остальные готовились к заклинанию, Ма'Ай с ужасом осознал то, о чем он не подумал, предлагая свою помощь. Ему нужно будет прикоснуться к мертвому. Он никогда этого не делал и верил, что никогда не осквернит себя таким поступком. Оскверненному мертвым человеку нет места среди живых. Да, За'Ар прикасалась, но они оправдывали это тем, что это был не совсем человек. Стоя в изголовье, глядя на серое лицо, некогда симпатичной девушки, он чувствовал, как у него дрожат руки. И вовсе не от мороза в помещении.

— А вы проверяли тело собаками? — спросил он.

Все непонимающе уставились на него, видимо, решив, что тот задает очередной глупый вопрос.

— О, Боги! — воскликнул Румпель, хватаясь за лоб. — В Белом королевстве верят, что мертвых захватывают демоны, а собаки выгоняют их из тела.

«Общеизвестный факт, о котором знает и ребенок» — подумал Ма'Ай.

— Ашран, он не просто неуч, а сплошная деревенщина! Странно, что он не думает, что нас захватили демоны. Ведь мы имели дело с мертвыми, — продолжал возмущаться

Румпель.

— По началу я так и думал, — признался Ма'Ай.

У Румпеля от возмущения закончились слова. Он ничего не ответил, а запыхтел.

— Ма'Ай, ты можешь не бояться. Моя магия достаточно сильна, чтобы защитить тебя от любого демона. Ты же мне веришь? — спросила Ашран.

— Верю, — ответил Ма'Ай, глядя в золотистые глаза.

Он действительно верил. К тому же, если он никому не расскажет, никто ведь не узнает. Он кивнул. Когда всё было готово, Ашран сказала, обращаясь к нему:

— Тебе нужно стать проводником. Надо следовать по тропе заклинания, что будут читать Румпель с Холгуном. Закрой глаза, как делаешь на медитации. Найди Сильву Трум на тропе и приведи сюда.

«Понятно, что ничего не понятно» — подумал Ма'Ай.

Выдохнув дыхание жизни, он положил ладонь на лоб мертвой девушки. Ничего не произошло. Никто не напал на него. Он лишь почувствовал ледяную кожу под рукой. Ма'Ай положил вторую руку поверх первой и закрыл глаза. Мужчины начали читать заклинание.

Ма'ай же старался погрузиться в себя, откинув все мысли, как его учила Ашран. И он слышал. Хотя трудно сказать, что слышал. Ушами он слышал голоса мужчин, читающих заклинание как мантру. Но к описанию этого неслышимого гула лучше всего подходило именно слышать. Нечто похожее на шум бурного потока воды, когда знаешь, что за холмом находится река, но еще не видишь ее. Надо отметить, это было приятно. Все внутри него трепетало. Неслышимый звук дополнился цветом, или точнее цветами, всеми сразу. И как показалось Ма'Айю, этот поток накрыл его с головой. Все смешалось. Неслышимый звук превратился в цвет. Цвет превращался в непонятные ему знаки, что кружили его. Он не смог бы объяснить, как понял, что этот сладко-синий поток, где синий является вкусом, цветом и звуком одновременно и принадлежит знаку, похожему на букву «А» с шариком на вершине, является тропой, проведенной заклинанием. Он видел в звуке цвет. В цвете буквы и знаки. В знаках, превращающихся в слова, чувствовал вкус. И тут что-то прикоснулось к нему. Резко. Остро. Чужая боль.

Девушка до этого лежащая без дыхания жизни, сделала глубокий громкий вдох. Вскочила, принимая сидячее положение, будто только проснувшись ото сна.

— Помогите! — перепугано закричала она. — Кто-нибудь помогите!

Из еще недавно стеклянных глаз потекли слезы. Пришедшие в себя Холгун и Румпель, пытались удержать девушку, чем заставили ее еще более отчаянно сопротивляться и звать на помощь. Успокоить ее попыталась Ашран.

— Тише, — обратилась она к девушке. — Мы пытаемся тебе помочь.

Это были слова с вложенной в них магией покоя, и на секунду показалось, она подействовала. Та, перестала кричать, и вполне осознано спросила:

— Кто ты? — затем в голос вернулся страх: — Где я?! Где моя мама? Я хочу к маме. Прошу, отпустите меня к маме.

Девушка не прекращала горько рыдать. И тут все кончилось. Также резко, как и началось. Она бездвижно замерла и упала на постамент. Ее глаза медленно затягивала стеклянная поволока. Ма'ай шумно выдохнул, только сейчас осознав, насколько он парализован страхом.

— Что скажешь, Ма'Ай, продолжим? — спросила Ашран.

Было неудобно от того, что остальные видели, как он перепуган, но всё же у него

получилось, хоть от девушки ничего и не удалось узнать. Он кивнул.

— На этот раз выберем мужчину. — недовольно пробурчал Холгун, переходя к следующему постаменту. — Семейная пара Лор и Лина. Они были сыроделами. Только свяжи его, Ашран.

Глядя на то, как Ашран оплетает связывающим заклинанием тело мужчины, Ма'Ай кое о чем подумал. Он безоговорочно верил в эльфийку, что в случае чего она спасет его от демонов в мертвых телах, но Ашран видимо не особо верила в то, что у него получится вернуть к жизни первую девушку. Признаться, было немного обидно.

Ма'ай посмотрел на тело мужчины. Его голова была круглой и полностью лысой, как серый шар. Он положил руки на лоб и закрыл глаза, отдаваясь потоку. В этот раз все прошло гораздо быстрее.

Мужчина судорожно вздохнул и открыл глаза. Он не пытался встать. Осознанным взглядом обвел стоявших вокруг и спокойно спросил:

— Кто вы?

— Это не важно, — ответила ему Ашран. — Тебя ранили. У нас мало времени. Нам нужно знать, кто на тебя напал?

— С моей женой все в порядке? — спросил он с легкой долей беспокойства в голосе.

— Да, с ней все хорошо, — не моргнув глазом соврала Ашран, хотя тело его жены лежало на постаменте рядом.

Ответ Ашран принес облегчение мужчине.

— Это был тот человек, — сказал он. — Я видел его в таверне «Сказки русалки» называется, недалеко от гавани...

Он замолчал будто вспоминая:

— О, Боги! У него нож.... — его лицо скривилось от страха и ужаса.

— Тихо, — сказала Ашран, погладив мужчину по щеке, и наклоняясь ближе. — Его здесь нет.

— Где моя жена? — повторил он, на его глаза навернулись слезы.

— Прощу тебя, Лор, скажи что-то еще. Ты знаешь его имя?

— Нет, — заплакал он. Он всё вспомнил и, кажется, понял, но всё же постарался собрано ответить на вопрос: — Но я знаю, кто знает — Мори. Мори, часто обедал с ним в «Сказках русалки».

— Кто такой Мори? — спросила Ашран и ее голос предательски дрогнул на имени.

— Я не знаю. Его знает хозяин таверны. Я вожу туда сыр. Однажды он нас представил. Я запомнил потому, что он показался мне странным. Я просто обращал внимание, когда видел его там.... — произнес он на последнем выдохе.

— Значит, Мори... — протянул Холгун и сердито посмотрел на Ашран. — Я тебе всегда говорил, не связывайся с людьми не из семьи.

— Может это просто случайное совпадение? — как-то уж слишком робко предложила эльфийка.

— Не хуже меня знаешь, случайных совпадений не бывает. — отмел он. — Ты сохранила его тело?

— Да, в некрополе, — ответила она.

— В таком случае мы разговаривали не с тем трупом. — вставил Румпель.

Некрополь находился в глубине лаборатории Ашран, скрытый за серой кирпичной

стенной в темном коридоре, ведущем к камерам с подопытными существами. Здесь не было ледящего холода, тела хранились в ящиках напоминающих встроенные комоды.

— Лаборатория является частью древней эльфийской постройки, — пояснила Ма'Айю Ашран. — Мы исследовали некромантию, для изучения которой нужны мертвые тела. Некрополь подходит для их хранения. В этом помещении останавливает само время для всего, что находится здесь, для живого или не живого.

— Если ты подумаешь, то поймешь, сколько времени тут проводил Мори, учитывая, как молодо он выглядел, — хмуро добавил Румпель.

Тело Мори отличалось от тел в холодной камере ведения дел, отметил Ма'Ай. Оно было бледным, без серо-синего оттенка, а лоб лишь прохладным. Он заметил глубокие колотые раны, зияющие ровными краями вверху живота. Мори ударил себя ножом не один раз. Он успел нанести себе три ранения, прежде, жизнь покинула его.

— А сколько ему лет? — поинтересовался Ма'Ай.

— Сорок. Мы с ним одного возраста. — ответил Холгун.

В этот раз, когда они начали читать заклинание, Ма'Ай сначала оказался в белой пустоте. Ему пришлось напрячься в поисках звука потока, пробираясь сквозь липкую тишину. Когда к Ма'Айю прикоснулась боль, эта боль напоминала не чужую боль, а его собственную. Боль отозвалась в шрамированных рунах. Вместе с тем, как он отдернул руки, хватаясь за свою шею, тело Мори сделало глубокий вдох.

— Ашран! Ашран! — вскричал покойный, едва узрев эльфийку. Секунда и он понял, где находится. — Я умер?!

— Ты сам себя убил, Мори, — пояснила она.

— Да, — согласился он. — Ты жива? Я думал, что тоже убил тебя.

— Не важно, — ответила Ашран. — Нам нужно тебя спросить о некоторых вещах. Ты же понимаешь?

Было видно, что он понимал и догадался кое о чем ещё.

— Кем вы заменили меня? — спросил Мори. — Я же знаю, что Румпель и Холгун не смогут.

Он завертел головой в поисках ответа и нашёл:

— Проклятый Ма'Ай! Конечно.

— Скажи, с кем ты обедал в «Сказках русалки»? — продолжала допрашивать Ашран.

— Ты вернула меня к жизни только, чтобы узнать с кем я обедал?

— Мори, просто скажи, кто это, — попросила она.

— Один неудачник... — ответил Мори и закрыл глаза.

— Да раздери меня тысяча демонов! — вскричал Холгун. — Он ничего не сказал.

— Он дышит, — полусшепотом заметила Ашран.

Холгун сердито нахмурился, присматриваясь. Прикоснулся к шеи Мори и констатировал:

— У него есть пульс.

Они подождали. Мори не открывал глаз, но и не покидал тело. Он будто спал или был без сознания.

Они поместили его в одну из камер, предназначенных для подопытных существ. Ашран, как и остальные, считала крайне опасным то, что мертвый оказался номинально живым. Ма'Ай ни о чем таком не думал. Все казалось ему загадочным и интересным. Если бы

раньше ему кто-нибудь сказал, что в будущем он станет частью "ночного квартета", то сам ни за что бы не поверил. Столкнувшись с магией впервые так близко в своей жизни, Ма'Ай с ошеломлением осознал — она его не пугала, а наоборот притягивала.

Когда Мори пришел в себя спустя несколько дней. Он выглядел крайне слабым, почти не мог шевелиться. Если он и был жив, то эта жизнь едва теплилась в его теле. Отвечать на вопросы он мог, поэтому Ашран решила с ним поговорить. Ма'ай попросился пойти с ней. Мори лежал на сооруженной для него кровати под светом магического фонаря, одна рука безвольно свисала вниз.

— Сколько времени прошло? — поинтересовался Мори.

— Почти полгода. — ответила Ашран.

— Ашран, я хочу умереть. Жить с незаживающими ранами... так больно. Почему я не могу умереть? — жалобно произнес он.

— Похоже, ты застрял.

— Вопрос времени от чего я сойду с ума быстрее, — простонал Мори. — От боли или от своей недееспособности.

Ма'Айю несмотря на то, что Мори в прошлом хотел его убить, было жаль его. Ашран же, к его удивлению, не проявляла ни капли сочувствия, как если бы он был для нее одним из подопытных.

— Я тут подумал, — произнес Мори. — Хочу увидаться с родителями. Ты мне позволишь?

— Нет, — сказала, как отрезала. — У меня к тебе все тот же вопрос. С кем ты обедал в «Сказках русалки»? Кто он?

— Обычный парень, — грустно сказал Мори. — Мне просто хотелось с кем-нибудь поговорить. Друзей у меня никогда не было.

— О чем вы с ним говорили?

— О любви... О неразделенной любви, — Мори криво улыбнулся. — Ты же знаешь, я всю жизнь люблю тебя. С первого дня как увидел. Но к моему несчастью я всего лишь человек, а не эльф, да?

— Кто он? — игнорируя его признание, спросила Ашран.

— Линар Ву его имя. Его отец корабельщик Ву. — нехотя ответил он.

Глава пятнадцатая. О семейных узах говорящая

«ИЗ ВСЕХ НАПАСТЕЙ НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ ЖЕСТОКОГО ЧЕМ БЕЗУМИЕ. ЛЮБОВЬ ТО ЖЕ БЕЗУМИЕ. ОНО ЛИШАЕТ ЧЕЛОВЕКА РАЗУМА, ДОСТАВЛЯЕТ САМОЙ ДУШЕ И ДЕЛАЕТ ЭТО БЕЗ СОУСТРАДАНИЯ, МЕДЛЕННО» ИЗ ДНЕВНИКА БОСНИЙСКОГО МАГА.

Как-то так сложилось, что единственным посетителем камеры Мори стал Ма'Ай. Он приносил скромную еду дважды в день. За эти несколько дней Мори стало лучше. Он уже мог сидеть и даже сам держал ложку. Поначалу Ма'Ай не планировал задерживаться в камере, но Мори не хватало сил поесть самому, а затем стал упрашивать побыть с ним немного, ибо безмолвие сводило его с ума. Ма'Ай сжалился. Как бы там ни было, Мори не казался ему таким злым.

— Почему ты хотел убить меня? — спросил Ма'Ай в один из своих приходов.

— Да не в тебе дело, — устало пояснил Мори. — Так просто сложились обстоятельства, а ты удачно подвернулся под руку.

— Зачем ты это делал? Убивал тех людей.

— Понимаешь, я работал над восстановлением старого заклинания, но оно никак не хотело действовать как надо. Думаешь, я делал это в своих интересах? Нет. Больше всего оно интересовало Ашран. А я, влюбленный дурак, старался ей угодить. Порадовать, удивить. Выбери, что тебе больше нравится. Мол, смотри, какой я молодец. Знаешь, сколько времени я на это потратил? — спросил он, заранее зная ответ. — Десять лет. И тут я понял, ошибка не в самом заклинании или в моих магических способностях. Дело в телах. Нужен был свежий труп. Перекупленный труп у похоронщиков не подходил. И оно сработало. Но была одна ошибка в записи, ее то я и пытался исправить.

Он замолчал, глядя в пустую тарелку, стоящую перед ним.

— Если бы ты только знал, как я жалею, — горестно вздохнул Мори. — Ведь она теперь не то, что со мной разговаривать не хочет, даже смотреть на меня не желает, да?

— Я не знаю, — честно ответил Ма'Ай.

— Я предатель в ее глазах, — обреченно объявил Моти.

Они молчали.

— Не вздумай в неё влюбиться, — неожиданно сказал Моти. — Ты человек, как я. Ты проживешь в лучшем случае сотню лет. Тебе не будет место в ее жизни из десятков сотен лет. Эльфы не влюбляются в людей. Хоть она полукровка, но она больше эльфа, чем человек. Все полукровки появились на свет не благодаря великой любви, а лишь благодаря человеческой похоти. Если хочешь послушать исторические факты всего этого, попроси Румпеля. Он тебе расскажет. Только держи уши открытыми, а рот закрытым.

— Иначе он запечатает рот заклинанием, — они оба улыбнулись, понимая, о чем они.

— Хочешь, расскажу, как я впервые с ней встретился? — предложил Моти.

Ма'Ай понимал, что парень старается удержать его разговорами, но ему и правда было интересно.

— Иногда, когда о твоих способностях узнают слишком рано и не те люди, которым положено знать, это опасно. Не помню. Возможно, мне было лет восемь, а может десять. Мой отец принес кролика с охоты. Он был таким милым и мягким. Мне он так понравился. Было так жаль кролика, ведь отец убил его. Я оживил его. Ты знаешь, как это бывает. Ты сам

не понимаешь, как ты делаешь. — Ма'Ай согласно кивнул. Он понимал. — Но факт остается фактом — он ожил. Как я говорил, об этом узнали те, кому знать не следовало. Следующие пять или шесть лет меня держали на цепи, кормили впроголодь. Я был полуживым. Не знаю, что со мной было бы дальше, не выкупи меня Ашран. Знаешь, она любит время от времени покупать всякие странности, но в тот раз ей стало меня просто жалко. С тех пор я никогда не видел в ее взгляде жалость по отношению ко мне. До того дня, пока не похитил тебя. Я не убил тебя потому, что не смог вынести этой жалости ко мне в ее глазах.

Сказав это, он замолчал, уткнувшись в ладони. Ма'Ай в чем-то понимал Ашран, но понимал и Мори. Тяжело представить ужас ребенка, несколько лет прожившего на цепи.

— Кто были те люди? — предательски хриплым голосом спросил Ма'Ай.

— Я не помню, — отрицательно покачал головой Мори. — Но умерев и снова ожив, я подумал, а помнит ли меня отец, мать? Узнают ли меня? Пытались ли они искать своего сына? Они живы, я узнавал. Живут недалеко от Верлиоки, в лесах, сразу за скалами. Я хотел, но всегда боялся встретиться с ними. Скажи, Ма'Ай, у тебя есть родители?

— Да, они живут в деревни Вон, в землях графа Ла'Фера, на другом конце света, в Белом королевстве, — с грустью произнес Ма'Ай. — Я побоялся объяснить им причины нашего побега, даже не попрощался. А теперь и не знаю, когда судьба позволит нам снова увидеться.

Покинуть лабораторию можно лишь пройдя через комнату с драконом, в которой по обыкновению сидел Румпель. Ма'Ай удивлялся, откуда Румпель мог столько знать, если он целый день просто сидит в кресле и курит трубку. Ма'Айю повезло. Пришел Холгун, что-то сказал Румпелю, от чего тот подскочил как кузнечик и, опережая Холгуна, понесся в кабинет Ашран. Благодаря этому стечению обстоятельств Ма'Айю удалось вывести Мори незамеченным. Он помог ему дойти до повозки, на которой они с Ашран обычно выезжали на медитацию. Солнце уже было высоко и начинало припекать. Люди, утомленные жарой за эти летние дни, спешили по своим делам, мало обращая внимания на открытую повозку и сидящих в ней.

"Интереса было бы больше, знай они, что один из них — оживший мертвец" — Подумал Ма'Ай.

Они выехали за ворота города, когда Мори сказал:

— В тот день, перед тем как убить себя, я видел ее раны и знаю ее возможности. Не могу отделаться от чувства, что Ашран не могла выжить.

— Я вообще ничего не видел, я же был кем-то привязан к столу, — ответил Ма'Ай с снисходительной улыбкой.

— Она ничего не объясняла тебе?

Ма'Ай не знал, стоит ли ему говорить, но решив, что Мори известно об Ашран гораздо больше, чем ему, произнес:

— Сказала, что не может умереть.

— Я это подозревал, — согласился Мори. — Тебя это не пугает?

— Я доверяю Ашран.

— Я тоже доверял.

Они помолчали. Каждый думал о чем-то своем.

— Послушай, когда ты умер, что происходило? — поинтересовался Ма'Ай.

— А что ты хочешь услышать?

— Правду, конечно.

Мори задумался, разглядывая поля виноградников мимо которых они проезжали.

— А мне интересно, как это представляет житель Белого королевства. Расскажи.

Ма'Ай припомнил, чему его учили в детстве и поведал:

— После смерти придется пройти по мосту. На этом мосту находятся большие весы. На этих весах взвешиваются мысли, слова и дела каждого: добрые на одной чаше весов, дурные — на другой. Если твои дела хороши, то прекрасная богиня Анкалиме встретит тебя и проводит к будущему телу.

— А если твои дела не так хороши?

— Тогда искривлённое отражение богини утащит тебя в болотное жилище Дурного помысла. Тебе предстоит долгий век страданий, дурной пищи и скорбных стонов без радости и печали.

— И ты веришь в это? — спросил Мори, таким тоном, что Ма'Айю стало не по себе, будто он снова сказал глупость и решил ответить вопросом на вопрос:

— Так и что насчет тебя?

— В тот день, когда я умер, — сказал Мори. — Я перестал существовать. От слова совсем. И меня не было до тех пор, пока вы не вернули к жизни. Айёл — мир мертвых богов. Возможно, меня просто не кому было встретить.

Ма'ай нахмурился, настроение его испортилось.

— Но если там ничего нет, то в чем тогда смысл?

— В жизни, Ма'Ай. Весь смысл в жизни.

Дом родителей Мори находился действительно недалеко. Прошло чуть больше пары часов их пути, как их повозка притормозила около старенькой избушки с маленьким оконцем и низенькой дверцей на окраине леса. Перед входом под навесом красовался потемневший от времени стол, а сама избушка утопала в огромных листьях вайи. Было сложно понять, где заканчивается стебель и начинается лист.

— А тебе стало лучше, — заметил Ма'Ай глядя, как Мори спрыгнул с повозки без его помощи.

— Все благодаря тебе, — отозвался Мори с улыбкой.

Из избушки вышел седой старик с лицом, покрытым глубокими морщинами, и двинулся им на встречу по вытоптанной полянке, слегка прихрамывая на левую ногу.

— Чем могу служить, господа хорошие? — поинтересовался он.

Вслед за стариком на улицу высунулся мальчишка. Наверное, так и выглядел Мори в десять лет, подумал Ма'Ай, из далека приметив сходство. Ма'Ай смотрел на мальчугана поэтому пропустил тот момент, когда старик резко остановился и, сделав пару шагов назад, с ужасом в голосе спросил:

— Кто ты?

— Не узнаешь меня, папа? — после этих слов старик развернулся и попытался бежать к избушке, но те времена, когда он был молод и крепок, остались далеко в прошлом. Мори быстро нагнал его, схватив за шею. Не пойми откуда взявшийся в руке Мори всё тот же клинок из квебрита вошел в тело старика со стороны спины, чуть выше поясницы.

— Я смотрю, ты также рад меня видеть, как я тебя, — сказал Мори старику на ухо громким шёпотом, выпуская ослабевшее тело на землю.

— Деда! — вскричал испуганный мальчонка, наблюдавший за всем этим.

— Торин, беги! — хрипя, крикнул старик внуку.

— Стоять! — мальчишка замер, попав в сеть магических слов.

В этот момент Ма'Ай, будто придя в себя от шока происходящего, закричал:

— Во имя Анкалиме! Что ты делаешь?!

Мори уже сидел на крыльце, пристроив мальчишку перед собой.

— Прошу тебя. Не делай этого. Он всего лишь ребенок. — молил истекающий кровью старик.

Ма'Ай было хотел рвануть к Мори, но тот опередил его.

— Ма'Ай, стой там, где стоишь, — приказал он, покачивая кинжалом. — У нас тут семейный разговор. Где матушка, отец?

— Она умерла несколько лет назад, — ответил старик.

— Жаль. Сам не знаю, почему мне в голову не пришло навестить вас раньше, — опечалено заметил Мори. — Я бы с удовольствием ее придушил.

Ма'Ай не знал, что делать, как остановить творившийся перед ним ужас.

— Ма'Ай, я тебя обманул, когда сказал, что не помню тех людей, кто продал меня. Познакомься, это был мой отец — Мори Морт. Забавно, что у меня его имя, правда? — весело сообщил Мори. — Продал меня он не Ашран, а тем, кто предложил цену побольше — двум некромантам. Они были до ужаса жалкими, и им требовались силы ничего не понимающего ребенка. Не поверишь, они так боялись меня! Не кормили, потому что боялись моей силы. Полуживой я не так их пугал. Спать не могли, пока не посадили на цепь. Ашран потребовалось шесть лет, чтобы найти меня. А ведь я был не больше Торина.

Ма'Ай отчаянно хотел помочь перепуганному мальчишке. Единственное, что ему оставалось попробовать призвать тот огонь, что у него получалось использовать во время испуга.

— Поразительно, как он похож на меня, — заметил Мори, сжимая лицо ребенка в своих ладонях.

Ма'Ай припомнил, что предыдущие вспышки не контролируемо выжигали всё перед ним, следовало придать огню упорядоченности, сделать более точным. Он вспомнил слепого графа в эльфийских лесах, что поджигал все вокруг, не видя. Ма'Ай закрыл глаза. Сердце билось в ушах глухим стуком. Он выдохнул, стараясь успокоиться. Цвет пришел через саму землю, через подошву его босых ног. Это был нежно-желтый оттенок из глубин земли. Он концентрировался, закручивался, превращаясь в оранжевые знаки. То был оглушающий ветер. Еще немного и он сожжёт Мори. Нужно лишь направить поток... Резкая боль пронзила его тело, Ма'Ай согнулся пополам, хватаясь за живот, ноги подогнулись и он осел на землю. Он глотал воздух ртом, сквозь туман боли, наблюдая, как Мори спокойно проводит кинжалом по горлу мальчонки, а затем откидывает тело прочь ненужной вещью. Он был не в силах ему помешать. Старик рыдал и плакал, но вскоре и он затих.

Мори сидел на крыльце, спиной опираясь на одну из балок с удовольствием облизывая руку по локоть залитую кровью хлеставшей из шеи убитого мальчишка.

— Видимо, не так ты представлял встречу с семьей, — заключил Мори, улыбаясь Ма'Айю алыми губами. — Единственные эмоциональные узы, которые связывали меня с семьей, я хотел затянуть у них шее. Это узы ненависти.

Боль немного отпустила. Ма'Ай посмотрел на свою руку. Она была в крови, а на рубашке расплывалось кровавое пятно.

— Если тебя интересует вопрос, что с тобой, то это боль он проклятого ножа. Клинок входит в тело. В твоём случае очень медленно. Это больно, уж поверь мне. Я знаю, — сказал

Мори. — Но скоро тебе станет легче.

— Мы нашли сына Ву, — объявил Холгун стоя напротив Ашран в кабинете. — Мори не просто пообедал с ним. Он посадил к Линару Ву одну из тварей эльвигов. Эта тварь свела парня с ума. Неизвестно что она нашептывала ему все это время, единственное, что он повторяет, это твое имя, Ашран.

— Он с ней договорился или заключил контракт? — поинтересовалась Ашран.

— Понятие не имею, — бросил тот, прошёл мимо и упал в одно из кресел. Он был зол. — Ты же знаешь, эти твари, как и эльвиры любят притворяться людьми. Мне пришлось от него избавиться, пока остальные не догадались о причинах его помешательства. Так что я выпустил на свободу одну из тварей.

— Подсадка — долгий процесс, — размышлял вслух Румпель. — Значит, он подружился с неким не подозревающим Линаром, медленно подсаживая тварь к нему. Во время их встреч он не только кормил обедом Линара, но и подкармливал тварь, чтобы та не пожрала носителя раньше времени. Затем он умирает. Тварь продолжает питаться за счет Линара. Контракт — единственное объяснение навязчивой мысли об Ашран в его голове. Иначе тварь просто захватила тело после исчезновения хозяина. Он планировал покончить с собой и заставить нас через Лунара Ву вернуть его к жизни. Но зачем?

— Он знал, что останется живым, — заключила Ашран. — Нужно еще раз поговорить с Мори.

Они поспешили в камеры, но к их удивлению, Мори там не было. На столе стоял поднос с едой, две кружки, а сам чай в большом чайнике был еще тёплым.

— А где Ма'Ай? — спросил Румпель, пояснив: — Он принес еду.

— Как давно он пошел к Мори? — насторожился Холгун.

— Думаю, не больше часа назад... — протянул Румпель в ответ.

— Что почти час Ма'Ай делал в камере Мори? — брови Холгуна сошлись на переносице.

— Ну, они разговаривали... Как я понимаю, Ма'Айю было жалко Мори... — Оправдывался Румпель. — К тому же я все время находился в зале и слушал их.

— Как ты вообще позволила ему разговаривать с Ма'Аем? — Холгун обратил свой гнев на Ашран. — Ты же понимаешь, что он из себя представляет. Мори манипулирует людьми, как дышит.

— Его заклинание! — воскликнула Ашран, оставляя изначальный вопрос без ответа. — Мори дописал его.

Она кинулась обратно в кабинет, быстро снимая завесу с потайной комнаты. Стеллаж с книгами задрожал, становясь полупрозрачным, открывая обзор на еще одну небольшую комнату с полками, заполненными книгами и различными предметами. Ашран прошла сквозь дрожащую завесу, нашла книгу средних размеров в черном кожаном переплете. Быстро пролистав, нашла нужную страницу и с ужасом посмотрела на мужчину:

— Ему нужен Ма'Ай. Ма'Ай умрет, а Мори останется жив. Я убью его! — тут же вскричала она, захлопнув книгу. Глаза ее полыхнули золотом. — Они ушли не так давно. Холгун, ты сможешь взять след?

Тот кивнул. Они направились к выходу из лаборатории. Первым шел Холгун. Он же был тем, кто шмякнулся о каменную кладку. Не понимая, что произошло и почему стена его не пропускает, он пощупал стену.

— Ашран, почему стена стала стеной? — спросил он.

— Что? — Удивилась она. — Но это возможно, лишь запечатав вход.

— Значит, он запечатан! — подтвердил Холгун её догадку.

— Но это возможно лишь используя сосуд запечатывания...

— Ты хочешь, проверить на месте ли он? — почти вскричал Холгун, злясь на очевидные вещи. — Просто. Распечатай. Вход.

— Но это возможно лишь находясь снаружи.

— Так много возможностей в твоих словах, Ашран. — вздохнул Румпель, поджигая трубку. — Что на счет невозможного?

Холгун не останавливаясь возмущался доверием к людям не из семьи. Ашран наматывала круги вокруг очага в центре комнаты, задумчиво потирая подбородок. Румпель курил трубку, по обыкновению сидя в кресле.

— Нам нужен не просто кто-то за стеной, а кто-то с незапечатанной кровью, — заметил Румпель, выдыхая клуб дыма.

— Другими словами, нам нужен полукровка. Какие шансы его найти, сидя здесь? — добавил Холгун.

— Небольшие, — согласилась Ашран. — Но все же это единственный шанс. Либс дожидаться, что Мори нас отопрёт. Если, конечно, это входит в его планы. Но, думаю, к тому времени Ма'Ай уже будет мертв.

— А Мори недурно так щелкнул нас по носу, да? — поинтересовался Румпель. Никто ему не возразил, и он продолжил размышлять вслух: — Я могу только гадать, как давно Мори все задумал. Надо отдать ему должное, этот хитрый лис обо всем позаботился заранее! Остается единственный вопрос: Ма'Ай случайно или умышленно попал в это уравнение? Не что Мори рассчитывал? На то, что Ма'Ай окажется чародеем или на его доверчивость? То, что у Ма'Айя получится вернуть к жизни кого-то мы сами не верили, отправляясь в холодные камеры, так ведь?

И на этот раз ему никто не ответил. Только лицо Ашран пошло пятнами, что абсолютно было не свойственно эльфам.

— Я поищу с помощью осанве. Может, мне кто-нибудь ответит, — заключила Ашран.

— Ты понимаешь, что это практически то же самое, как кричать эльфам: смотрите, я здесь? — указал на недостаток её плана Холгун.

— Эльфов все равно нет в Верлиоке, — вмешался Румпель.

— Так же, как и полукровок, — продолжал не соглашаться Холгун.

— У нас нет выбора, — сказала Ашран.

— Это невозможно, — возразил Холгун.

— Это то, что нам нужно! — заявил Румпель.

Глава шестнадцатая. За'Ар. Простая

«НАСТЯЩЕ ТАЙНЫ СКРЫТЫ НЕ ПО ПЕРВОМУ НОЧУ И НЕ ЗА ХИТРЫМИ ЛАДУШКАМИ. ОНИ СИДЯТ ГЛУБОКО В ЛЮДЯХ» ИЗ ДНЕВНИКА БОСНОГО МАГА.

За'Ар как раз спускалась от руководства в свой кабинет с кипой амбарных книг, в которых следовало перепроверить суммы налогов, уплаченных их владельцами, когда в ее голове раздалось:

«Ты меня слышишь?».

От неожиданности сего она пропустила ступеньку. Руки у нее были заняты и замедлить падение надежды не было. Больно ударившись спиной, она приземлилась на пятую точку и, подпрыгивая на каждой ступеньки сдребезжающим звуком «Э-э-э» съехала вниз лестницы, оставляя по пути своего маршрута след из разбросанных книг. Она схватилась за спину, потирая ушибленное место.

«Ты меня слышишь?» — не унимался голос.

— Да что тебе?! — возмущенно вскричала За'Ар.

Она не хотела связываться с кем-то неизвестным. Ответила, подавшись эмоциям. Ей был знаком этот способ общения. С ней пытался говорить эльф. Между говорящими устанавливалась некая ментальная связь, позволяющая не только делиться мыслями, но и чувствами. У эльфов данная связь имела название — осанвэ.

«Мне нужна помощь»

— Мне самой нужна помощь, — простонала За'Ар.

«Что случилось?» — голос выражал некое чувство обеспокоенности.

— Я упала с лестницы из-за тебя, — ответила За'Ар, вставая и кряхтя.

«Прости»

— Ну и?

«Ты недалеко от меня. Можешь, прийти и открыть одну магическую, так сказать, дверь?»

— Ты сейчас говоришь, как злая ведьма.

«Как кто?» — удивился голос.

— Не обращай внимания, это не местное выражение, — отмахнулась За'Ар, но всё же поинтересовалась. — Чем я могу помочь, если дверь магическая-то?

Пока голос молчал, За'Ар обнаружила, что у нее не плохо так болят кости пятой точки. Она потеряла эту самую пятую точку.

«У тебя незапечатанная кровь» — наконец объявил вновь появившийся голос.

— Что это вообще значит? — нахмурилась За'Ар.

«Ты полукровка»

— С чего это? — возмутилась За'Ар. — Я вполне себе нормальный человек.

«Но я вижу...» — начал голос, За'Ар оборвала его, гневно воскликнув:

— Да черта ты лысого видишь!

«Кого?» — вновь удивился голос.

— Не обращай внимание. — отмахнулась За'Ар успокоившись.

Она понимала, что эльфийка, а по голосу это явно была женщина, не может видеть ее. Пугала вероятность увидеть невидимое при такой связи, то, что она могла узнать о ней, о её

тайне...

«Не местное выражение?» — любопытничал голос.

— Да. Так что там с дверью?

— У тебя окончательно крыша поехала? Ты с кем разговариваешь? — возникла перед ней милая Шива.

За'Ар понятие не имела, что могло понадобиться Шиве от нее сейчас, при том, одетой не в вечно черные цвета, а в довольно симпатичном платье голубого оттенка, украшенного замысловатой ручной вышивкой. Она бы обязательно спросила у Шивы об этом обстоятельстве её гардероба, если бы её появление не натолкнуло на другую мысль.

— Ты вообще кто? — спросила За'Ар.

— Совсем плоха? — поинтересовалась Шива.

«Ацран Квинламин»

— Повтори-ка, мне, еще разок, почему мы помогаем эльфам? — спросила Шива тяжело глядя на За'Ар.

Они стояли в том закоулке поворотов, где когда-то За'Ар обнаружила Ма'Айя валяющимся на земле.

— Они заперты за этой стеной и Ма'Ай в опасности, — ответила За'Ар. — Помочи Ма'Айю, конечно!

— А я, предупреждала этого осла, что связываться с эльфами не к добру. Предупрежу и тебя. Эльфы — это одна большая сплошная проблема!

— Шива, помолчи. Ты мне мешаешь, — попросила За'Ар, чувствуя, как взгляд Шивы прожигает её спину, и обратилась к эльфийки: — Так что мне нужно сделать?

Дублировать свои слова вслух было гораздо удобней.

«Отсчитай от левого угла двадцать восемь кирпичей вверх, затем пятнадцать вправо» — последовали инструкции.

— Тебе повезло, что не приходится просить помочь с этим Ма'Айя вы были бы обречены, — усмехнулась За'Ар.

«Почему?»

— Со счётом у него туго.

— С мозгами у вас всех туго, — уточнила, как всегда милая Шива.

— Готово. Что дальше? — За'Ар отметила кирпич одним из мелков одолженным у Шивы, которая, всегда носила с собой несколько штук.

«Теперь нанеси свою кровь на него и произнеси слова: Феррос коллен падре эдра, затем назови свое, мое имя и того кто с тобой»

Если со словами было более-менее понятно, то вот вопрос с кровью был открыт.

— А сколько крови надо? — спросила За'Ар, размышляя, чем бы уколоть палец.

«Ну, достаточно, чтобы покрыть поверхность этого кирпича. Немного»

Ничего себе не много, подумала За'Ар.

— И где я возьму столько своей крови?

«Возьми нож и порежь руку» — как само разумеющееся сказал голос.

— С трудом представляю, что смогу порезать себе руку, — задумчиво протянула За'Ар в ответ. — У меня и ножа нет.

— У меня есть, — заявила Шива, шустро вскинула голубые юбки, и вытащила небольшой ножик из ножен, привязанных к её бедру.

Не успели юбки опуститься, как Шива схватила За'Ар за руку и полоснула её по ладони. Шива нанесла порез так спокойно и решительно, будто каждый день только тем и занималась, что ходила и резала людей. Куран еще переживал за неё, да это будет последней ошибкой в жизни того человека, кто решит на неё напасть.

От такой неожиданности За'Ар вскричала. Ладонь загорела огнем, кровь потекла ручьем, голова закружилась, в глазах стало темнеть.

«Закрой глаза» — донеслось до нее. Она так и сделала. Стало легче.

— Во имя Анкалеме! Ты что, боишься вида крови? — воскликнула Шива. Ей пришлось отпустить руку За'Ар, и придерживать подругу в вертикальном положении. — Не открывай глаза! Что там надо сделать?

— Намазать отмеченный кирпич кровью, — шепотом ответила За'Ар.

За'Ар боялась открыть глаза, лишь почувствовала, как Шива подняла ее руку и что-то скользкое и теплое под рукой. Рука болела. Да, не просто болела, эта боль отзывалась в каждом кусочке тела.

— Все. Держи свою руку, — За'Ар сжала ладонь в кулак и обхватила больную руку здоровой. Так болело меньше. Она открыла глаза, избегая, смотреть на ранение.

— Что там надо сказать? — эльфийка повторила, За'Ар за ней. Кровь, словно живая сползлась в непонятные знаки и впиталась в кирпич.

«Входи» — сказал голос.

За'Ар озадачено посмотрела на стену. Никакой двери не появилось. Внезапно прямо из стены возникли две женские руки и, схватив за плечи, втянули сквозь стену.

«Ну, вот, они внутри и что?» — Подумала За'Ар.

Она стояла внутри этого темного помещения, всё также прижимая руку к груди. Над ними висело нечто похожее на музейную инсталляцию скелета огромного динозавра. У неё болело всё: спина, жопа, рука, а её даже никто не жалел и не собирался. Так стало жаль себя, что сил не было терпеть. Она поджала губу, стараясь сдержаться от глупых мыслей. Уже не важно, что там с Ма'Айем, когда самой так плохо. И место ей это не нравилось, и эльфийка. Все напоминало о другой пещере, о том, что она хотела забыть. Скрывать получалось скверно. Ашран подошла к ней и предложила:

— Давай, я залечу твой порез. Твоя подруга немного перестаралась, — улыбнулась эльфийка.

— Она мне не подруга! — успела вставить Шива.

За'Ар не задумываясь, протянула той руку, стараясь не смотреть на манипуляции. Она думала, что эльфийка сделает перевязку или что-то подобной, но почувствовала приятной тепло, окружившее ладонь и наполняющее её тело. Боль уменьшилась, и когда За'Ар решилась взглянуть на свою руку, на коже не осталось и следа от пореза. Казалось, даже её пятая точка перестала болеть. О недавнем порезе напоминало, лишь платье запачканное кровью.

— Повозки нет, — сообщил вернувшийся Холгун.

Все из представленных им людей отреагировали так, будто с девушками уже знакомы. Хотя ничего странного в этом и не было. Если кто-то рассказывает тебе о ком-то, то велика вероятность, что этот кто-то рассказывает кому-то и о тебе.

— Последнее, о чем они говорили, была семья. Ошибусь ли я, предположив, что они отправились в дом Мори, — сказал Румпель.

— Я с тобой согласна, — откликнулась Ашран. — Учитывая время, прошедшее с их исчезновения, они уже должны быть там. Мы не успеем их нагнать. Боюсь, время идет на минуты. Ма'Айя нам не спасти.

Это было так странно. Ашран, ничего не скрывая, всё им рассказала. Поведала и том, какая смерть ожидает Ма'Айя. За'Ар никак в это верилось. Не верилось в саму смерть и в то что можно вот так лишиться человека жизни — заклинанием. А вот у Шивы таких сомнений не было. Она живо включилась в обсуждение решений спасения Ма'Айя, забыв о своей не любви к эльфам.

— Я могла бы попробовать перенести нас к тому месту, где находится Ма'Ай, — предложила Шива. — Только впусти сначала моего пса.

Никто не понял о чем она, но Ашран все же отлучилась к выходу и вернулась уже в сопровождении с Кураном.

— Желая всем иметь тот день, который вы заслуживаете, — поприветствовал Куран всех присутствующих, вставая рядом с Шивой, ничему не удивляясь. Иногда, За'Ар было интересно, а способно ли хоть что-то удивить всегда сдержанного Курана.

— Имеется небольшая загвоздка. Я могу перенести только в то место, в котором я была, — продолжила Шива. — Ума не приложу, как этот вопрос обойти...

— Я была там, — сказала Ашран. — А если, я поделюсь с тобой своими воспоминаниями. Это сработает?

— Не знаю. Надо попробовать.

Холгун принес два стула. Они сели напротив друг друга, взявшись за руки. Со стороны всё выглядело так, будто эльфийка играет с девушкой в гляделки, кто кого пересмотрит. Длилось все не дольше минуты.

— Вах! — наконец произнесла Шива. Впервые на её лице было выражение некоего восторга. — Это было так странно. Я не просто была там. Я была тобой!

Эльфийка же, наоборот, выглядела слегка дезориентированной.

— Я думаю, должно получиться, — с улыбкой детского энтузиазма сообщила Шива и, соскочив, принялась рисовать пентаграмму, прямо тут на полу. — Есть еще несколько нюансов. У пентаграммы четкий размер, и он небольшой. Чтобы перенестись, ногами нужно стоять именно внутри круга. Поместиться могут два человека. Пентаграмма работает только со мной. Из этого получается, я могу взять с собой одного. Я давно не пользовалась кристаллом, но думаю, заряда хватит лишь на один прыжок.

Она дорисовала и встала, осматривая окружающих.

— Однозначно пойду я! — сказала Ашран.

Шива кивнула. Отыскала в складках юбки нечто похожее на солевой кристалл и встала на нарисованный круг. Ашран последовала за ней. Куран шагнул к ним, подхватил Шиву на руки, и занял её место в кругу.

— Прошу, держитесь за меня, — сказал он Ашран, потеснив ее.

Шива не спорила. По сути, они выполняли условия, и все были в кругу. Она зажала кристалл в ладонях, закрывая глаза. Кристалл светился всё ярче и ярче белым светом.

— Забыла предупредить, иногда он переносит куда угодно, но не в точку назначения, — запоздало сообщила Шива со столь несвойственной ей забывчивостью, и они исчезли в белой вспышке.

Нарисованный круг пропал вместе с ними.

Глава семнадцатая. Зло познавая

«В МИРЕ НЕТ НИЧЕГ, БЕСПРИСТРАСТНЕЙ СМЕРТИ. НИ ДН, ЖИВ, Е СУЩЕСТВ, НА НЕ МИНУЕТ, Н, ЛЮДИ С ЗАВИДН, И ИЗ БРЕТАТЕЛЬН, СТЬЮ БАРАХТАЮТСЯ, БРЫКАЮТСЯ, ЦЕПЛЯЮТСЯ ЗА ЖИЗНЬ Д, П, СЛЕДНЕГ, КАК И Я» ИЗ ДНЕВНИК, В Б, С, Н, Г, Г, МАГА

Раны, образовавшиеся где-то в районе живота, уже не болели, но крови было много. Подошедший к нему Мори, так и сказал:

— Из тебя, как из кабана набежало.

Ма'Ай лежал на левом боку. Пошевелиться или сказать что-то сил не было. Ни сил, ни желания. Страшно не было, полный покой охватил его, похожий на некую негу. Умиротворение полностью захватило его сознание. Ма'Ай все слышал и видел, но в нём отсутствовали те душевные порывыдвигающие живыми.

Мори подтянул его к крыльцу, придавая сидячее положение его обессиленному телу и сам сел рядом.

— Мы с тобой как хорошие приятели, не правда? — спросил Мори, слегка тронув Ма'Айя плечом. — А ведь так и могло быть. Я бы жил в этом охотничьем домике, ходил на охоту, возможно у меня был ребенок, как Торин.

Он указ на остывающее тело мальчика, чьи распахнутые голубые глаза, не видя смотрели в вечность.

— Да, приятель, ты умираешь, — вернулся его интерес к Ма'Айю, он по-дружески приобнял его, прижимая к себе одной рукой. — Так что если тебе повезет, ты встретишься со своей богиней. Прости, забыл ее имя.

Мори засмеялся наклоняясь лбом в сторону Ма'Айя, будто сообщил ему некий неудобный секрет.

— Стоит отметить, в тебе столько сил, столько энергии, я никогда не чувствовал себя столь бодрым. Я начинаю жить по-настоящему! Но знаешь, мне обидно. Я тридцать лет прожил с ними, а они, без сожалений, заменили меня, на тебя. Теперь я делаю с тобой тоже самое, заменяя тебя мной. Все справедливо.

Мори немного помолчал и завел разговор, он, вообще, был любителем поболтать.

— Знаешь, что думаю, Ма'Ай, я тебе покажу кое-что, чтобы ты понял, твоя смерть не напрасна, а ради любви. Моей огромной любви к Ашран. Ты поймешь. Возможно, ты будешь единственным человеком, кто сможет меня понять, — он повернул голову Ма'Айя к себе, вглядываясь в глаза. — Смотри! Этому я научился у Ашран.

Даже безвольно и без желания Ма'Ай потонул в его взгляде...

Он бежал, не замечая пейзажа вокруг. Деревья пролетали мимо расплывчатыми гигантами и уносились прочь. Невысокий мох глушил звук шагов. Он миновал заросли кустарника ни на секунду не замедлившись. Задерживаться было нельзя. Он задышался, глотая холодный зимний воздух.

Думать о том, куда бежит, при этой сумасшедшей гонке было невозможно. Ощущение времени стерлось. То ли сжалось, то ли наоборот растянулось. Сложно сказать, как долго это длилось.

Но он знал, что должен бежать дальше, но ноги уже не хотели его слушать. Всё в нём

кричало, требовало остановиться и рухнуть на землю. Хотел оглянуться назад на своих преследователей, но споткнулся и полетел вперед, едва успев выставить руки.

Земля была приятно холодной. Всхлипывая, он судорожно вдыхал воздух...

Сюжет без погони, как роман без любви. Один бежит, другой догоняет. Из этих двоих кому-то должно повезти. Беглецу не повезло...

Жгучая боль в запястье, распустилась цветком по руке. Дернувшись, он прижал руку к себе. На сгибе кисти виднелись два круглых отверстия, из которых сочилась кровь. Змея, никогда не суетится попусту. У неё огромное терпение и самообладание. Действует очень быстро и чётко в самую решающую секунду, обескураживая напрочь жертву. Вот и он не заметил её, притаившуюся в корнях дерева рядом, когда раскинул руки. Случайная жертва...

Он резко подскочил и тут же ощутил слабость и головокружение, его замутило. Вокруг будто резко наступила ночь или глубокие сумерки. Он испуганно моргнул и сделал пару шатких шагов назад, подальше от змеи. Неожиданно он натолкнулся на что-то спиной. Прямо за ним стояла волшебной красоты девушка в ореоле золотистого мерцания волос. Слабость достигла предела, он стал заваливаться назад. Девушка подхватила его, помогая телу плавно опуститься на землю, и обхватив болезненно опухшую руку своими ладонями, прикрыла глаза.

Он почувствовал, как странное тепло разливается по телу. Вслед за этим теплом в его душу проникало чувство, похожее на эйфорию, прогоняя из его тела все признаки отравления ядом. Ему стало лучше, он даже сел. Девушка тепло улыбнулась ему, он ответил ей тем же. Внезапно из глубин леса раздался, перелай собак, она испуганно обернулась, отпустила его руку и встала. Отчего-то ощущая себя рядом с ней очень маленьким и слабым созданием, он схватился за подол её коричневого платья, сминая пальцами добротную ткань, умоляя:

— Пожалуйста, не уходи...

Она обеспокоенно посмотрела на него, затем опять в лес, где среди деревьев мелькали приближающиеся псы. Присела перед ним, и, взяв за плечи, глядя в его глаза произнесла:

— Жди. Я вернусь за тобой...

Приятно предполагать сюжет, заранее зная, чем всё кончится. И вообще, лестно чувствовать себя умнее всех?

Он проснулся охваченный тревогой, сердце билось о клетку его ребер подобно загнанной птице. А проснулся ли? Ужас сна был более приятным, чем то, что окружало его. Даже если это был кошмар, он не хотел просыпаться, по крайней мере, в его сне была она. Она, единственное, что помогало ему не сойти с ума от отчаянья в этой тёмной обители. Тьму, как отсутствие света, он не боялся. Тьма — настоящая тьма — это не отсутствие света, а страх, что свет никогда не вернётся. Его светом была она. Он не знал, кто это девушка и уже сомневался, а имел ли сон отношение к его реальной жизни. Как долго ему ещё ждать?

Но было в темноте кое-что ещё, тёмный голос, что шептал ему разные непонятные вещи. Последнее время он пробрался и в его сны, нашептывая и там. Он боялся, что не сможет противостоять, и этот шёпот завладеет им. Он сел на своей грубо сколоченной кровати с жестким матрасом без простыней, опустив босые ноги на холодный каменный пол своей темницы. Тишину нарушил звон цепи, что тянулась от его ноги к стене. Он знал, что дверь не заперта. Но длина цепи, позволяющая свободно перемещаться внутри, к двери не давала даже приблизиться.

Сколько он здесь, он не помнил. В крошечной темноте дни сливались и путались. Мог только предполагать, что долго. Его одежда, в которой он был изначально, давно стала мала. После чего его мучители выдали простую домотканую рубашку до колен, сейчас она стала короче. Он понимал, что вырос. Изменилось и его мышление, он поумнел, стал замечать многие вещи, на которые раньше не обращал внимание. Хотя многое так и осталось за гранью его понимания. Например, почему он здесь?

Долгое время он мысленно обращался к своей семье и плакал. Ему было очень жаль, что он, наверно, никогда не увидит свою маму. Надеялся, что они хотя бы думают о нём. Он обещал семье, и эти стены свидетели его слов, что если вернётся, то будет во всём помогать, перестанет плохо относиться к брату, будет делиться, будет приветливым и много чего ещё. Что они заметят, как он изменился. Возможно, он недостаточно показывал, что любит их? Но, честное слово он их обожал! И надеялся получить прощение.

Со временем лица родных стёрлись в его воспоминаниях, оставив лишь скудные отголоски нескольких мгновений. А ещё... Ещё он жалел, что ему очень понравился кролик...

Воспоминания унесли его прочь в яркие картинки прошлого. Была весна. Воздух перестал пахнуть сыростью, бесконечных зимних дождей и благоухал ароматами зелени. Их маленькая хижина на окраине леса готовилась утонуть в набравших силу листьях вайи, тех, что не понятно, где заканчивается стебель и начинается лист. Его отец был охотником, обязанностью которого было защищать город от хищных зверей, отлавливая последних. Отец рассказывал, как обмануть умное зверьё, учил мастерить ловушки. Самым потрясающим было то, как глупо попадались, рябы, небольшие серые птички. Чтобы поймать их, нужно лишь правильно выкопать ямку, под верным углом и насыпать туда ягоды или крошки хлеба. Птички складывали крылья и ныряли в ямку, а обратно выбраться не могли. Он был гордостью отца. У него всё получалось лучше, чем у брата, что был на год старше его.

Мать любила в тёплое время года накрывать стол на крыльце дома, чем сейчас и занималась, ожидая отца. Брат носился с собаками перед домом, а он мастерил очередную клетку, старательно очищая ветки от коры. Он недовольно посмотрел на брата. Собаки любили брата больше, чем его. С ним они никогда не играли, будто только терпели. Им не нравилось даже то, что он их гладит. Было завидно и обидно.

Отец вернулся неожиданно, шагнув из-за дома. Брат взвизгнул и кинулся обнимать отца. Он же спокойно посмотрел на отца и лишь кивнул, приветствуя, стараясь показать себя достаточно взрослым, чтобы не вести как ребенок. Ему было шесть. Ему тоже хотелось прильнуть к отцу, но он сдержался.

Отец был недоволен. Он швырнул на стол небольшую тушку животного, едва не попав в тарелки расставленные матерью. Она вскинула руки:

— Ну что ж ты творишь, дорогой?!

— Это всё, что было. Какая-то зверюга переломала все ловушки и отлично полакомилась за мой счёт.

Мать, похлопав его по плечу, велела:

— Ну-к унеси это отсюда.

Он отложил ветку и послушно пошёл выполнять указание, пока мать хлопотала вокруг отца. Всё, что было, оказалось, маленьким кроликом. Отец приносил кроликов и до этого, но они были огромные и серые. А этот был крохотным, помещался в его ладонях, шерстка была белой с легким рыжеватым оттенком, удивительно мягкой и приятной на ощупь.

— Брось его псам! — крикнул отец.

Но он прижал тельце к себе и скрылся в доме. Он хотел оставить кролика себе, в доме он спрятал его за дровяник и вернулся к столу.

Позже ночью, когда все заснули, в свете слабой настольной лампы он прокрался к дровянику, где гладил маленькое существо, пропуская пушистую шёрстку сквозь пальцы. Было очень жаль малыша. Старательно прощупал тельце, которое уже стало твёрдым. Отец убил кролика, сломав ему шею. Направляя движение пальцев, непонятным ему чутьём он старался исправить поломку, и казалось, будто косточки встают на место. Его уши уловили слабый шёпот, похожий на шорох листьев, а лица коснулся лёгкий ветерок, скользнул по руке и затих в тельце животного. Он почувствовал лёгкий удар маленького сердца под пальцами. Сначала не поверил, но повторный стук убедил его в верности ощущения. Обрадованный он положил кролика обратно в тайный уголок и ушёл спать.

Радости его не было предела, когда на следующий день в углу дровяника он обнаружил малыша живым, он таращил на него свои тёмные отдающие красным глазки и прижимал уши. Он его ждал, понял он. Он сунул его за пазуху и побежал подальше от дома, чтобы полюбоваться кроликом. Где-то в глубине души понимая, что, то, что мертво не может стать живым, но малыш был таким милым.

Теперь он носил кролика за пазухой, а на ночь оставлял в дровянике, где тот послушно ждал его. На их прогулках его новый друг весело скакал вокруг него, жевал травку, сидя рядом пока он мастерила силки, косясь на него своим черно-красным глазом. В один из дней он сказал кролику:

— Надо дать тебе имя! У всех оно есть. Наших псов зовут Тута и Тата. Глупые имена, правда? — рассмеялся он, делясь своими мыслями с кроликом. Тот повернул свою мордочку к нему другим глазом, будто соглашаясь.

Он крепко задумался и наконец, объявил:

— Мори! Я буду звать тебя Мори. Мори означает лес на каком-то старом языке, мне папа говорил. И тебе подходит, ты моё лесное чудо.

Счастье от вновь приобретенного друга, что был столь верен ему и послушен, длилось недолго. В один из дней брат, будучи обиженным за то, что он не берёт его с собой, прокрался за ним на полянку, куда он выбирался с Мори. Он не успел остановить брата. Когда он зашёл в дом, отец уже всё знал.

— Твой брат, сказал, ты завёл кролика? Покажи!

Ему пришлось достать кролика:

— Я назвал его Мори, — пояснил он.

Отец придирчиво его осмотрел и спросил:

— Откуда у тебя кролик?

Он замялся, не зная как объяснить. А потом всё рассказал...

Это было начало его кошмара. Отец разозлился, он выхватил Мори из его рук и зашвырнул в печь в которой полыхал огонь. Он закричал, отец держал. Мори визжал в печи. Визжал. Визжал... А потом затих. Слёзы градом полились из его глаз, он рыдал всю ночь.

Вечером его почему-то отселили с печи от брата, постелив на лавке. Матушка более не обнимала его, испуганно шарахаясь от него...

Он закрыл лицо ладонями. Успокоившись, он встал и проследовал к большому корыту, в котором была вода. Зачерпнул пригоршню, ополоснул лицо. Вода уже приобретала затхлый запах.

Вскоре от её питья буде нещадно крутить живот, поморщившись, подумал он.

Воду периодически меняли. Два крепких парня таскали её ведрами, наполняя корыто, и выносили нечистоты из ведра. С ним они не разговаривали, хотя когда он только попал сюда, он пытался. Один из парней сжалился над ним и ответил:

— Мы не можем тебе помочь. Мы такие же, как и ты.

Парень задрал штанину и показал ему браслет на ноге. Тогда он не знал, но сейчас понимал, это был браслет послушания. Но означало это одно, что его обладатель всё-таки добровольно согласился повиноваться своим хозяевам, в отличие от него. Браслет гарантировал беспрекословное исполнение правил хозяина. Ему уже пришлось участвовать в наложении таких браслетов. Он посмотрел на полоску света, пробивавшуюся из-под двери, это навело воспоминания...

В то время у него был свет. Небольшой магический фонарь висел в центре. Его учили читать, методом вбивания знаний. Их было двое. Одного он прозвал толстяком, а другого худым, что в полной мере соответствовало их внешности. Худой быстро научил его главному своему правилу, выбив несколько молочных зубов. Самое главное правило гласило, сохранять тишину. Толстяк же иногда опускался до разговора с ним, когда был доволен.

— Ты достиг прогресса, сегодня даже ни разу не сбился, — похвалил его толстяк.

Он понял, что сейчас тот самый момент, когда можно о чём-либо спросить.

— Скажите, пожалуйста, вы отпустите меня домой?

— Ты никому не нужен, кроме нас, — отозвался толстяк.

— Почему?

— Потому что ты ужасный мальчишка! — усмехнулся тот. — Ты же знаешь, что ты натворил.

Абсолютно точно он не знал, возможно, догадывался...

Толстяк внимательно посмотрел на него и спросил:

— Тебе одиноко?

— Мне не нравится быть одному, — признался он.

— Ты бы хотел иметь друга? — с прищуром уточнил толстяк.

— Конечно!

Толстяк кивнул и отвёл в его место заточения. А спустя какое-то время дверь к нему распахнулась.

— Ты же просил друга? — усмехаясь, объявил толстяк с порога. — Вот твой друг!

И зашвырнул к нему мальчишку. Мальчишка в отличие от него не был напуган, а если и был, то ничем этого не выдавал. Он подскочил, и кинулся к двери, где принялся в неё зло колотить.

— Скоты! Ничтожества! Поганые выродки демона! — кричал тот. Довольно долго.

Когда мальчишка устал, то сел возле двери и опёрся на неё спиной. И видимо только сейчас заметил его.

— Привет, — буркнул мальчишка.

— Привет, — робко отозвался он.

Мальчишка был старше и одет он был по-другому, более плохо, что ли. Его одежда была хуже качеством, чем его собственная, хоть и изрядно потрёпанная. Подумал он так, потому, что отец как-то привёз матери отрез ткани, и она долго ругалась, что такая холщовка не подходит для шитья одежды, мол, только мешки из неё и шить. Вот из такой холщовки и были штаны и рубашка мальчишки, а на его ногах красовались растоптанные ботинки не по

размеру. Ему было девять.

Мальчишка был голоден и с радостью разделил заплесневелый хлеб с ним. Оказалось, вдвоём его гораздо приятней есть.

— Моя мать — паскуда! — жуя, рассказывал мальчишка и без конца злился. — Продала меня этим чернокнижникам. Чтоб её демоны разорвали! Обманула меня, как простака. Говорит, пойдём, сходим в работный дом, попросимся на ткацкие поля. Я — дурак, и согласился. А оно вон как! Старая шлюха, спросом не пользуется, нашла, как озолотиться. Ну, я выберусь отсюда, устрою ей с моими ребятами.

Мальчик много ругался и разговаривал как взрослый. И многое знал.

— Твоя мама продала тебя? — поразился тогда он.

— Ха! А ты думаешь, твои родичи поступили иначе?

Он пожал плечами.

— Проснись, мой друг! — воскликнул новый приятель. — Жизнь премерзкая штука. Люди ужасны, а этих и людьми не назовёшь — нелюди.

С тех пор он стал мысленно называть своих мучителей, нелюдями.

— Ты пытался бежать? — спросил мальчишка.

— А куда? — мысль о побеге не посещала его голову. Нелюди старательно убедили его в том, что это его наказание, которое он заслужил...

— Да куда угодно! Подальше отсюда. Кстати, я — Тарт, — запоздало представился его новый друг и поинтересовался: — А тебя как звать?

Он застыл. А ведь и правда, как? У всех должно быть имя. Казалось, тьма раскрыла пасть и проглотила его имя. Нет, оно было. Точно было, но он не помнил.

— Я не помню.

— Как? — удивился Тарт.

Он пожал плечами, не зная ответа на этот вопрос.

— Хорошо, а фамилия твоей семьи?

— Морт.

— Может, я буду звать тебя Морт? — предложил Тарт.

— Нет! — резко отверг его предположение он. Он хотел своё имя! И никакое другое ему не нужно. — Зови меня пока просто — друг, как вспомню своё имя, я скажу. Я просто забыл. Долго был один.

Тарт не спорил. Хотя сейчас ему казалось, что ещё тогда Тарт понимал гораздо больше, чем говорил.

Вдвоём было веселей. Они без усталости болтали, Тарт знал много историй и жизненных мудростей, которыми делился с ним. И спать было теплее, прижимаясь друг другу. Даже пресная похлёбка, которую им приносили, казалась вкуснее. Его всё также продолжали обучать, иногда водили пускать кровь. Зачем им его кровь он не знал. Кровопийцы, обозвали их Тарт, жалея его.

Тарта не водили никуда. Наоборот парням, что таскали воду и приносили еду, приходилось сдерживать его попытки выйти. До одного дня...

Худой и толстый пришли вместе, такого не случалось до этого. Парни-помощники зажали Тарта и связали руки за спиной, чтобы не сопротивлялся. А в последствие даже схватили за порядком отросшие волосы для удобства, когда вели по коридору. Ему было жаль Тарта, ведь если бы он не сопротивлялся, с ним не поступали бы так жестоко. Но его друг не признавал такого покорного послушания.

Их привели в комнату, в которой проходили его уроки. В центре комнаты находился большой постамент, вокруг которого располагалось пять столов, за одним из них его и учили. Но сегодня ему велели идти к большому каменному столу. Чёрному, как сама ночь. Он был заляпан потёками воска с многочисленных свеч, расставленных на нём. На столе лежала раскрытая книга и стояла объёмная чаша с какой-то жидкостью. Худой велел ему взобраться на подставку, ведущую к столу, а сам встал, сзади положив свои руки ему на плечи.

Тарта держал в центре один из парней-помощников. Его друг яростно возмущался и проклинал всех собравшихся. Второй помощник продолжал зажигать свечи различных размеров в бесчисленных количествах, расставленных в комнате сегодня. Закончив с этим, парень прошёл в центр, где удерживали его друга. Толстяк поднял руку, разом погасив все магические фонари в комнате. Теперь их освещало лишь мерцание свеч.

— Читай! — велел ему худой.

Он опустил глаза в книгу, на открытой странице были знакомые ему буквы, которые ему старательно вдалбливали нелюди. Он начал читать.

— Громче! — указал худой и присоединился к нему.

Внезапный вопль боли заставил его вздрогнуть и с обеспокоенностью посмотреть в центр, где был Тарт. В ту же секунду ему захотелось ослепнуть, оглохнуть и лишиться языка. Его единственный друг в этой обители тьмы висел вниз головой подвешенный на двух огромных крюках, что протыкали его икры. Связанные руки свисали вниз, он отчаянно дергался и истошно вопил.

— Не останавливайся. Читай! — прошипел худой в его ухо, до боли сжимая его плечи пальцами.

Кровь, стучавшая в ушах, приглушила крики. Он продолжил чтение, больше всего на свете он хотел, чтобы кто-нибудь избавил его от этих мучений, освободил от оков страха. Он читал, на автомате озвучивая знакомые знаки, пока слезы текли по его щекам, туманя взор. Он хотел всё остановить, но так боялся.

Он снова услышал тихий шёпот, что походил на шуршание листвы, схожий со звуком перелистывания страниц, напоминающий шуршание мышки под досками пола...

Когда всё закончилось. Стих шёпот...стихли и крики Тарта, как когда-то и визги кролика...Он не мог оторвать взгляд от книги с расплывающимися перед глазами буквами в ней. Когда худой его двинул, спуская с подставки, он лишь мельком взглянул в центр. Его друг висел на крюках с полностью содранной по-живому кожей, так же как его отец когда-то освежёвывал дичь. Охваченный ужасом он из всех сил оттолкнул худого, тот не удержался и грохнулся на пол, после чего бросился прочь, хаотично выбирая направление. Шёпот вернулся, и казалось, бесновался вместе с ним, мечась по комнате в поисках выхода. Тут его настигла благодатная темнота небытия...

Он запустил руку в длинные ниже плеч волосы, отвлекаясь от прошлого. Наверно, тогда его ударили по голове. После смерти Тарта его лишили света, и появилась цепь. Он горько оплакивал потерю друга, жалея лишь об одном, что вообще попросил о друге. Эта потеря породила жгучее желание убить. Убить их всех худого, толстого, этих помощников. У него прошло желание говорить с ними, говорить с кем бы то ни было вообще. Сейчас он не был уверен, что его язык помнит слова, кроме тех заклинаний, что его заставляли читать. Чуть позже он заметил, что парни носившие воду стали коситься на него. В их глазах колыхалось, что-то до боли знакомое ему, страх. Ха! Смешно. Они боялись его, а не этих нелюдей.

Может он и забыл отца, но помнил его советы о том, как обмануть дикое зверьё. Его покорность, его слабость из-за скудного питания, успокаивали бдительность нелюдей, ведь он был здесь так давно и никогда не сопротивлялся. Благодаря свободной рубаше, болтавшейся на нем, он научился незаметно воровать вещи из большой комнаты. Чаще всего выбирая что-то, чем можно рыть или копать, однозначно крепкое. Он копал. Копал долго. Сначала цемент, скрепляющий камни, не хотел поддаваться, но затем пришел тот день, когда его воля победила. Он вытащил первый камень из кладки пола, затем второй, нужное количество, чтобы в яму, выкопанную в образовавшейся пропелшине пола, мог провалиться человек, пусть не весь, по пояс. Яма вырыта под таким углом, что упавший непременно сломает ноги или подвернёт, он правильно подложил вырытые им ранее камни.

Он покосился на едва различимую в темноте яму, прикрытую тряпкой. Они даже не замечали. Они не проходили вглубь его камеры, он всегда выходил к ним сам. Тарт ошибался, открыто воюя с тем, кто сильнее его. Победить того, кто сильнее, можно лишь хитростью и обманом. А тьма...тьма нашёптывала ему, что ей нужен только один труп, чтобы освободить его.

Прости, — мысленно обратился он к свету из сна, не зная удастся ли ему выжить. — Прости, если я не дождусь тебя.

Он не мог больше участвовать в этом. После Тарта были и другие мальчишки, правда, их больше не подсеяли к нему. Он бы сказал точно, сколько их было, если бы умел считать. Послышались шаги, не тяжелые и не быстрые, поступь худого. Время пришло. Он перелез через кровать, нашел под ней один из вырытых камней, что удобно помещался в руке. Дверь распахнулась, он не ошибся, и ему повезло, худой был один. На секунду худой замер, не обнаружив его около двери, осветил глубину. Он поморщился, после долгого отсутствия свет слепил.

— Ты чего там встал? — сказал худой, заметив его. — Иди сюда.

— Не хочу, — ответил он, стоя ровно за ямой прикрытой брошенной на неё тряпкой, которую стащил в большой комнате.

Его выбор жертвы был верным, худой разозлился:

— Я не буду за тобой бегать. Иди сюда, я сказал!

— А ты заставь, — глухо произнес он. Он всё поставил на кон этой игры жизни и смерти.

Несмотря на заявление, что он не будет за ним бегать, худой после этих слов сам бросился к нему. В яму он угодил точно, вскрикнул и, падая, выронил фонарь из рук, тот откатился в сторону. Худой выглядел удивленно, будто не верил в то, что произошло, но удар камнем по лицу стёр это выражение. Ногу он видимо всё же сломал, это мешало тому выбраться из ямы. А он продолжал наносить удары то по голове, то по рту, пытающемуся произнести заклинание. В его удары была вложена сила загнанного в угол зверя. Он с радостью отметил, как вылетели несколько зубов после очередного удара.

Зуб за зуб, подумал он.

Затем схватил цепь, обмотал шею худого, перекинул через плечо и принялся душить. Всё произошло быстрее, чем он ожидал. Ослабив цепь, он протянул руку к фонарю, тьма, шелестя радостью, поглотила свет. Ему он не нужен, а тот, кто спешил к нему, в нём нуждался. Он схватил худого за плечи, как когда-то он его, и зашептал, озвучивая слова, что ему шептала тьма.

Он сидел на кровати, обхватив колени руками и наблюдал. Первым вбежал один из

парней, худой встретил его светящимися красным глазами и толкнул, одним движением вырвав тому горло. Парень осел. Пока он раздумывал, нужно ли ему тело второго, появился толстяк. Толстяк был не так прост. Успел произнести заклинание, что откинуло худого прочь и удерживало прижатым к полу.

— Ты — мелкий гадёныш, — прошипел толстяк, обращаясь к нему. — Я убью тебя! Ты пожалеешь о том, что натворил.

Честно, ему было всё равно. Он равнодушно смотрел, как толстяк плетёт новое заклинание, направленное на него. А вот тьма не была столь равнодушной, она завывала в его уши требуя действия. Что она требовала точно, он не узнал...

— Эфраит! — внезапное слово разлетелось в темноте, отразилось от стен. Всё задрожало, включая кровать на которой он сидел. Глаза худого погасли, а плетущееся заклинание толстяка бессильно повисло. Толстяк не успел удивиться, как лиловые знаки оплели его тело и обездвижили, тихим хлопком лишив жизни.

На пороге стояла она. Он не видел её лица, лишь тёмный силуэт. Но сияние её света... Он задрожал, не снаружи, внутри. Глаза защищало от слёз. Он дождался. Она не сон, она настоящая! Она подошла к нему, глядя на него с теплотой, как во сне:

— Я нашла тебя, — и улыбнулась ему.

Он боялся, что разучился улыбаться, но у него вроде получилось. Она видела в темноте лучше его, решил он, потому, что сразу заметила цепь, и, проследив по ней взглядом сказала:

— Подожди. Я сейчас позову человека, кто снимет оковы.

Он слышал, как она ищет некого Хитоля. Поиски увенчались успехом, но приближаясь к нему, они замедлились.

— В каком он состоянии? — спросил мужчина.

— Очень плох. Ему сейчас должно быть лет тринадцать, но выглядит он на десять.

Они думали, что он не слышит, но темнота до крайности обострила его слух.

— Сколько ты искала его?

— Шесть лет.

Шесть лет, только подумать, она искала его шесть лет. После этого, всё остальное, о чём они говорили, стало неважным. Он был счастлив. И если тьма не лишила его разума, то безграничное счастье могло с ней поспорить.

Мужчина, как он сказал, был врачом и мастером на все руки. Он ловко вскрыл замок, какими-то маленькими железячками. Она взяла его за руку и повела на свободу. Он чувствовал, как через руку плавно втекает знакомое ему её тепло. Попав в большую комнату, он дёрнулся и зажмурился, здесь было ярче, чем обычно. Она быстро накинула на него свой плащ и притушила свет в магических лампах. Он смог посмотреть на неё. Она была красива, красивее всех. Её волосы были теперь собраны в высокий хвост, абсолютно не скрывая длинные заострённые уши. Он заинтересованно разглядывал её уши, борясь с желанием их потрогать, заметив его интерес, она лишь по-доброму улыбнулась. И тут, сердце его сделало стук и ухнуло куда-то вниз. Её глаза, её блестящие золотом глаза стали серыми, и волосы серые, даже губы серого цвета...

Он закричал в отчаянье и горько зарыдал, навзрыд. Она кинулась к нему, прижимая к груди и шепча слова утешения. Она не понимала! Тьма не только сожрала его имя, она отобрала у него цвета. Раньше он не замечал, думал, что всё нормально. Но взглянув на неё, понял, чего лишился.

— Успокойся, дорогой! Всё хорошо. Всё будет хорошо. Обещаю. — магия вложенная в

её слова приносила покой. Он затих.

— Я в прошлый раз не успела спросить, как тебя звать? — улыбнулась она глядя в его заплаканное лицо.

Он не хотел признаваться, что не помнит имени. Любое имя, что ни назови, окажется ему чужим. Не знал получится ли у него сказать что-то вообще. Ведь ранее, когда он говорил с худым, он просто озвучивал слова тьмы...

Он сделал усилие и неожиданно для себя произнёс:

— Мори.

Глава восемнадцатая. Друга спасая

«ЕСЛИ ТЫ ЗАВТРА НЕ ПР○СНЁШЬСЯ ИЛИ ТАК БУДЕТ, ЧТ○ СЕГ○ ДНЯ ТВ○Й П○СЛЕДНИЙ ДЕНЬ В ЭТ○М МИРЕ. Г○РДИЛСЯ БЫ ТЫ ТЕМ, ЧТ○ УСПЕЛ В ЭТ○Й ЖИЗНИ? ЕСЛИ НЕТ, Т○ П○РА ЧТ○-Т○ В ЖИЗНИ МЕНЯТЬ. ЭТ○ ГЛАВНЫЙ УР○К, К○Т○РЫЙ Я ВЫНЕС ИЗ Т○Г○ ДНЯ» ИЗ ДНЕВНИК○ В Б○С○Н○Г○Г○ МАГА.

После возвращения из воспоминаний Мори Ма'Ай с трудом понимал, кто он и где находится. Ему было безумно жалко мальчика в темноте. Где-то на краю его сознания проскользнула отчаянная мысль о том, что сам Ма'Ай даже не жил. Ему бы хотелось ещё раз увидеть родителей, попрощаться с друзьями, освоить магию, разобраться в своих чувствах к Ашран. Он бесконечно сожалел о своей наивности и доверии к Мори. Сейчас он прекрасно осознавал, что это был крайне глупый поступок с его стороны. Главная ошибка в его жизни, но исправить её возможности не было. Тех, кто учится на своих ошибках, не ждёт радостная перспектива...

Внезапная белая вспышка перед домом оставила после себя троих. Куран стоял с Шивой на руках. Когда-то давно они также появились в эльфийских лесах, — равнодушно вспомнил Ма'Ай. Рядом с ними стояла Ашран. Она была волшебной-прекрасной красивее всех в этом мире. Он впервые видел ее с распущенными волосами. Они рассыпались по плечам водопадом золотистого блеска. Глаза ее сияли и были темнее обычного, — отметил он, — и вся она словно светилась нездешним светом, мягким и таинственным.

«Она пришла проводить его по мосту» — подумал Ма'Ай.

— Мори, прошу, остановись, — сказала Ашран.

— А я, прошу, дать мне шанс, — отозвался Мори, приставляя нож из квебрита к горлу Ма'Айя. — К тому же, мне кажется, или ты уже говорила нечто похожее?

— О каком шансе ты просишь Мори?

— А кто это с тобой? Друзья нашего Ма'айя? — спросил Мори, указав на Шиву с Кураном стоявших рядом.

— Он мне не друг, — вставила милая Шива.

— Никто. Они просто доставили меня сюда, — отмахнулась Ашран. — Отпусти его.

— Не волнуйся за него. Я уже частично стал им. Поверь мне, Ашран. Мне правда жаль его. Он настолько лучше меня. Идеальный, с чистыми помыслами, — сообщил Мори таким заботливым тоном, будто не он хотел лишиться последнего жизни, а кто-то другой. — Никто никогда не видел ни капли добра от меня. И скоро я останусь единственным, что останется от него. Прости, Ашран, но я слишком люблю тебя, чтобы отказаться. Отказаться от тебя и отказаться от него — равнозначные для меня вещи.

Голос Мори дрогнул, выдавая искренность чувств.

— Скоро я стану таким же бессмертным, как ты. Я не буду уже человеком, и тогда ты сможешь быть со мной, — заключил Мори.

— Почему ты решил, что станешь бессмертным? — Тихо спросила Ашран.

— Ты думаешь, у меня не возникло догадок? Твой интерес к заклинаниям и всему такому, что хоть как-то связано с бессмертием. Думаешь, ни разу не вызвал вопроса — почему? Почему, ты, прожившая так долго, вообще, интересуешься нечто подобным. Неужели, ты, правда, не догадываешься, где я мог найти это старое заклинание? — удивленно спросил он. — Это твое заклинание. Я восстанавливал его с тебя. Кто-то уже

отдал свою жизнь за твою, как Ма'Ай отдаст свою жизнь за меня. Я буду таким же, как ты. Ты можешь любить меня, мой срок не ограничится сотней лет.

— Мори, — глухо сказала она. — Дело не в твоём сроке жизни. Я никогда не полюблю тебя в том смысле, который ты, вкладываешь, в слово люблю. И я не несу ответственности за твои чувства. Ты можешь чувствовать что угодно в отношении меня, но у тебя нет прав навязывать свои чувства мне.

— Хочешь сказать, что это моя проблема, что делать со своими чувствами? — лицо Мори потемнело, как туча перед грозой.

— Бесите вы меня! — неожиданно вскричала Шива. Для тех, кто сталкивался с таким впервые, это было шокирующим явлением. Сколько силы нужно иметь в голосе, сколько чувств и эмоции вложить. — Скажу, что люблю я! Я люблю деньги! Знаете, почему на них можно купить все! Можно купить вещи, можно жизнь и людей на них купить можно, и эльфов, и сердце, и счастье, и мечты. Вот что я в них люблю.

От столь грубого вмешательства в их диалог рты Ашран и Мори непроизвольно открылись от удивления. Никто ничего не заметил, даже сам Мори не понял, вплоть до того момента, когда стал медленно заваливаться назад. Куран молниеносно подскочил к Мори, с превышающей человеческие возможности скоростью, чётким движением выбил нож, выхватил Ма'Айя из ослабевших рук Мори, и откинул в сторону к Ашран.

— Что...? — произнесла Ашран бессмысленный вопрос, её мысли не поспевали за действиями Курана, но всё-таки она сообразила подхватить Ма'Ай подмышки и оттащить подальше.

— Я, правда, люблю деньги, а для всего остального у меня есть Куран, — спокойно пояснила Шива, встав рядом с Ашран.

Перед тем, как осмотреть Ма'Айя, Ашран на долю секунды задержала взгляд на Куране, явно недооценив его с первого взгляда. Несмотря на то, что во лбу Мори красовался металлический диск, Ма'Айю не становилось лучше и вскоре стало понятно почему.

— Что это было? — как ни в чём не бывало, спросил Мори, сев обратно.

Мори потрогал лоб, обнаружил торчащее нечто на половину находившееся внутри его черепа. Все, затаив дыхание смотрели на Мори. По его переносице тонкой струйкой стекала кровь, сворачивала по крылу носа и, огибая рот, капала на рубашку.

— Это ты сделал? — спросил он глядя на Курана.

Мори попытался вытянуть диск из утяжеленного металла, но тот будучи тоньше листа бумаги, намертво застрял в лобном шве.

— Вот и как его вытащить? — вздохнул Мори.

Внезапно осознав произошедшее, Мори засмеялся:

— Заклинание сработало! Оно необратимо! — сквозь смех выдавил он.

Им оставалось лишь в ужасе наблюдать за живым мертвецом, давившимся радостным и безудержным смехом.

— Слышь, — обратилась Шива к Ашран, пихнув последнюю в плечо. — Заклинание работает от эльфийской крови?

— Незапечатанной...

— Я тут вспомнила. Знаешь, почему эльфы окончили войну и подписали мирные договоры о ненападении? — Ашран посмотрела на Шиву, ожидая ответа. — Их Великая библиотека рухнула вниз и сгорела.

Ашран продолжала непонимающе смотреть на девушку.

— К тупым людям я уже привыкла, но тупых эльфов вижу впервые... — протянула Шива.

И Ашран догадалась:

«За'Ар, в моей комнате, тайное помещение. Сожги черную книгу заклинаний. Холгун и Румпель, знают о какой книге, я говорю. Сожги ее! Быстрее!»

— Откуда ты это знаешь? — Спросила Ашран.

— Прочитала в летающем городе.

Догадка Шивы сработала. Мори ужасно закричал, хватаясь за голову:

— О, Боги! Почему так болит голова?! — и он понял. — Ашран, ты не дашь нам даже шанса? Даже, когда все сработало?

Со слезами на глазах произнес он. Он хотел подойти к ней, но неуклюже свалился с крыльца на землю.

— Я так люблю тебя. Я всё делал ради нас, — повторял он, пытаясь, приблизится к Ашран. Его взгляд остановился на Ма'Айе, чья голова покоилась на коленях Ашран. — Ма'Ай, я тебе солгал, слышишь? В той пустоте, где был я, было нечто еще...Что-то ужасное... невероятной силы...

Сказав свои последние слова, он рухнул на землю лицом вниз. Все закончилось. Ма'Ай чувствовал, как Ашран теплым потоком вливает в его тело жизненные силы. Он посмотрел вверх, чувствуя знойное касание солнца к своему лицу. Синева неба слепила. Он устало прикрыл глаза. Легкая улыбка украсила его губы: до его слуха донеслась странная молитва Шивы. Любой, кто бы ее ни услышал, посчитал бы таковой, учитывая, что ее произносила, как утверждала сама Шива, истинная жрица богини Анкалиме:

— Береги меня от пустых бесконечностей, от наскучившей вечности и бредовых идей. Береги меня от детей, от прямых солнечных лучей, от злых и глупых людей, от пустых речей, от сектантов и дураков...

— Я рад, что ты вернулся к жизни, — сказал Куран.

Ма'Ай был слаб, чтобы ответить, но улыбнулся чуть шире.

Все, что произошло, так или иначе примирило его друзей с Ашран. Его сестра, узнав о происшествии с братом, вспыхнула желанием отблагодарить Ашран и познакомиться с ней. Шива, конечно, возмущалась тем, что если кто и спас Ма'Айя, то точно не эльфийка, настаивая на своем убеждении, что эльфы — это большая проблема. Но За'Ар внезапно нарушила свой нейтралитет, встав на сторону Ашран. Стало понятно, эти бесконечные ссоры с Шивой были некой борьбой за власть в их компании, и За'Ар одерживала победу. После ее заявления, что ужину быть, разговоры стихли.

— Послушай, Ма'Ай, давай пойдем длинным путем, через парк, — предложила Ашран когда они вышли из дома. — Я никогда не общалась с людьми не из семьи, кто знает обо мне правду, кроме тебя и еще одного человека.

Она не произнесла имени, но он догадался, кого она имеет в виду. С того дня прошло уже несколько месяцев, но они так и не обсудили случившиеся.

— Я должна, признаться, что я крайне труслива. За всю свою жизнь, разы, сколько я покидала Верлиоку, можно посчитать по пальцам одной руки, — произнесла Ашран.

Ма'Ай был рад, что научился смотреть сквозь ее призрачную личину, которую она надевала на себя, выходя на улицу, и сейчас видел её настоящее лицо. Она была крайне взволнованной, даже испуганной. Когда-то Мори сказал ему, что Ашран больше эльфийка,

нежели человек, но он заблуждался. Она была слишком чувствительной, слишком эмоциональной, слишком доброй и слишком не эльф. В этом Ма'Ай был уверен. Он то их видел, он знал.

— За'Ар тоже твоя сестра? — поинтересовалась Ашран.

— Нет. С За'Ар мы выросли по соседству, но всегда были близки. Думаю, можно сказать, что мы одна семья. Когда у нас возникли проблемы, именно она предложила бежать, а не безропотно смиряться с судьбой.

— А кто такой лысый черт?

— Кто? — переспросил Ма'Ай. — Лысый черт?

— Это разве не одно из выражений Белого королевства.

— Я понятия не имею, — рассмеялся Ма'Ай. — Я никогда такого не слышал. Походит на одно из словечек За'Ар она мастерица придумывать их. Признайся, от нее же услышала?

Ашран улыбнулась.

— Я бы хотела с ней поближе познакомиться, — заметила Ашран.

— Она тебе понравится, — уверенно заявил Ма'Ай. — Она очень умная, как и ты, хоть и не прожила столько лет.

— Ты уверен?

— В чем? — переспросил Ма'Ай. — В возрасте Ашран? Конечно. Я знаю её чуть ли не с младенчества.

Ма'Ай удивленно посмотрел на Ашран и, найдя её крайне задумчивой, заметил:

— Мне, кажется, ты мне что-то не договариваешь. Почему тебя заинтересовала За'Ар?

— Понимаешь, она умеет пользоваться осанве, — сказала она и сразу же пояснила: — Эльфы могут разговаривать друг с другом на расстоянии. Людям такое не доступно.

Ма'Ай задумался. После происшествия с Мори, он, вообще, часто стал размышлять с многих вещах, о которых ранее не задумывался, стал серьезней, внимательней.

— Ты решила, что она тоже полукровка?

Ашран не ответила, лишь поджала губы, но он понял, что прав.

— Я скажу ещё кое-что, что тебя удивит, За'Ар знает эльфийский.

— Откуда?

— Помнишь, я рассказывал тебе о пещерах Белого королевства? — спросил он. — С нами там кое-что случилось. Мы нашли комнату или нечто подобное, в которой было огромное количество эльфийских скелетов, тех, в два твоих роста. Что-то нас всех усыпило, и каждый из нас видел эльфийские воспоминания. У меня это было совсем сумбурное, я даже не запомнил. А За'Ар прожила чью-то жизнь, очень долгую жизнь по человеческим меркам и когда проснулась, говорила исключительно на эльфийском.

Поведал Ма'Ай и добавил:

— Большого я объяснить не могу и не способен. Только не напоминай ей об этом, она не любит это вспоминать.

— Как бы я хотела более точно понять, что там в этих пещерах творится, — вздохнула Ашран. — Что с вами произошло на самом деле.

— Я думал, тебя попросить, когда научусь магии, вернуться со мной в эти пещеры.

Она поражённо уставилась на него.

— На другой конец мира?

— Да, — подтвердил он. — Я для этого магии и учусь, не хочу быть бесполезным.

Ашран погрузилась в размышления. Ма'Ай не знал, о чём она думает и не мог даже

предположить, но ему очень хотелось, чтобы она была с ним. Они медленно брели по мощеной тропинке окруженной ветвистыми деревьями. Сверху на них разливалось стрекотание ночных цикад. Приближалась летняя ночь шумная, звучная и таинственная. Темнота окружала их только вокруг, а поодаль было будто светло.

— Хочу тоже кое в чем признаться, Ма'Ай, но обещаю тебе, что это останется между нами? — Тихо спросила Ашран.

— Обещаю, — тут же отозвался Ма'Ай.

— Я все время думаю о словах Мори, что заклинание, которым он чуть не убил тебя, он читал на мне. Я пыталась, но так ничего и не увидела, — сказала она тихим голосом. Ма'Айю даже почудилось, что темнота в парке стала гуще от ее слов. — Я думаю, что единственным, кто мог, наложить это заклинание была моя мать.

Она помолчала, прежде чем продолжить:

— Но пугает меня не это. Суть заклинания не в вечной жизни, как считал, Мори. Моя мать заплатила жизнью за контракт с демоном. Вечная жизнь за вечное служение. Я знаю, что эльфы избавили мир от демонов, уничтожив их. Но если это действует с теми же техническими условиями, как запись в книге незапечатанных заклинаний и мы, уничтожив книгу, разрушили его. Может ли быть так, что я не могу умереть потому, что демоны существуют?

Ма'Ай раздумывал над ответом, когда заметил один из незажжённых магических фонарей, что объясняло окутывающую их темноту.

— Смотри! — выкрикнул он, положив руку на столб изрезанный рунами. Руны задвигались, превращаясь в желто-теплый апельсиновый поток, видимый лишь ему и наполняющий фонарь светом. Он широко улыбался, все ждал подходящего момента, чтобы показать чему смог научиться, как ему, казалось, этот момент настал. — Поверь мне, ты можешь не бояться. К тому времени, когда какой-либо демон заставит тебя служить ему, моя магия будет настолько сильна, что я его уничтожу. Ты же мне веришь?

Ма'Ай почувствовал, как у него загорели уши, от столь самоуверенных слов. Она смотрела на него и глаза ее блестели, отражая свет фонаря.

— Верю, — сказала она, взяв его за руку продолжая их путь.

Несмотря на всё страшное, произошедшее с ним этим летом, на то, что лето заканчивалось, он был счастлив. За его спиной словно выросли крылья. Это так важно, когда в тебя кто-то верит. И не просто кто-то, а Ашран Квинламин.

«У каждого должно быть такое лето, когда идешь по земле, будто летишь по небу» — подумал он.

Магический фонарь — дивное изобретение эльвиров, мигнув пузотелом, проводил взглядом странную парочку уходившую прочь.

Высокий стройный мужчина средних лет в одеждах службы решения дел, уверенной походкой шагал по каменной мостовой. От всего его внешнего вида веяло утонченным благородством. Волосы редкого оттенка медового золота, собранные в высокий хвост подрагивали в такт его шагам. В ореховых глазах мерцали отблески фонарей. С легкой улыбкой на тонких губах он вел за собой, держа за руку молодого парня. Парень был ниже ростом, коренаст и плечист. Его смуглая кожа, загоревшая почти до цвета бронзы, выдавала в нем уроженца Белого королевства. Чёрные волнистые волосы ниспадали на опущенное вниз лицо. Несмотря на крупные черты лица, в них присутствовала милая округлость.

Широкая улыбка непонятным образом придавала парню полупридурковатый вид. Он шлепал босыми ногами, послушно следуя за мужчиной.

Им было не суждено, когда-либо пройти по этой дороге ещё раз. Не дано было узнать, что зажженному в тот вечер Ма'Аем фонарю, даровано некое необъяснимое свойство — смотреть в мир. Смотреть и светить более пяти десятков лет, но это уже совсем другая история.